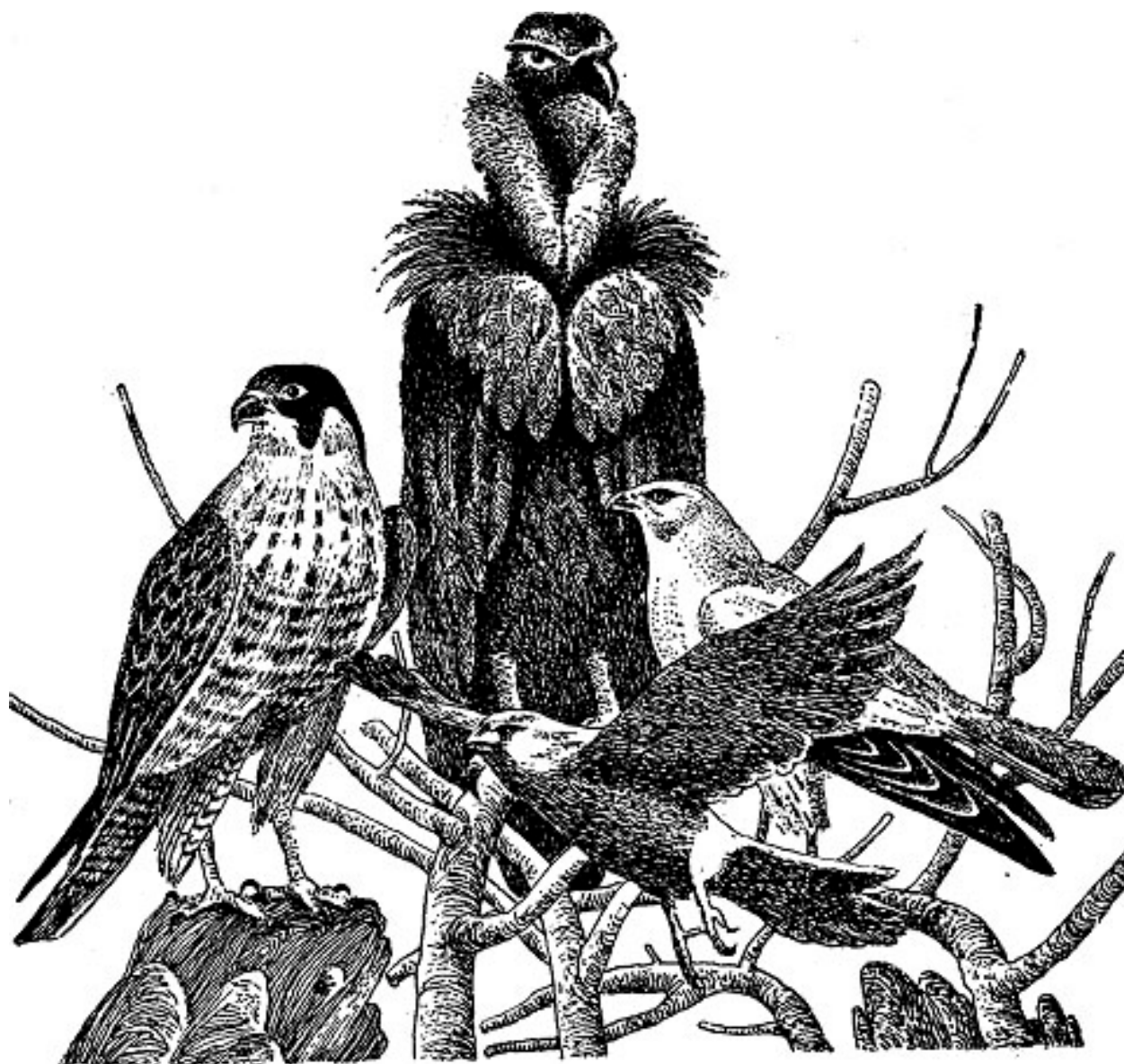

Отряд СОКОЛООБРАЗНЫЕ FALCONIFORMES

СКОПА *PANDION HALIAETUS L.*

Немногочисленный, регулярно пролетный весной и осенью вид, связанный с водоемами. По редким находкам в летнее время, предполагается гнездование в низовьях Амударьи и в горной части Западного Тянь-Шаня.

Крупная, несколько крупнее курганника, хищная птица. В поле хорошо отличима по

темно-бурой спинной стороне и белому низу с темными пестринами на груди. Голова белая, через глаз проходит хорошо заметная темная полоса, сливающаяся с темным оперением верха. Хвост с поперечными темными полосами, вершинная из которых самая широкая. На сгибе характерно изогнутого крыла на нижней стороне его хорошо заметное черное пятно. В Узбекистане чаще встречается у водоемов, где

охотится за рыбой, зависая и пикируя за ней в воду. У молодых птиц темные перья с белыми пестринами.

Скопа, в противоположность большинству других видов птиц, гнездится на всех континентах, за исключением Южной Америки. Всюду связана с водоемами, богатыми рыбой. В Узбекистане, как и во всей Евразии, встречается номинативный подвид - *P. h. haliaeetus*.

Гнездование установлено для тугаев нижней части долины Сырдарьи от Тюменьарыка вниз до пос. Джусалы. Встречается ниже по реке в летнее время только как залетная птица (Спангенберг, Фейгин, 1936). Гнездование по островам восточного побережья Аральского моря, предполагаемое на основании расспросов, до настоящего времени не подтверждено (Корелов, 1962). Вполне определенно говорят о гнездовании скопы в низовьях Амударьи почти все работавшие там зоологи (Богданов, 1882; Костин, 1956; Кенжегулов, 1966). В начале 50-х годов авторы изредка встречали скопу в восточной части дельты; более обычной она была на обводненном левобережье, особенно в районе оз. Судочье. Н. А. Гладков (1932) наблюдал скопу в июле на Улькундарье. Нами осмотрены лапы скопы, добытой в середине июня в Бадайтугае. Выше дельты по Амударье скопу упоминают только как пролетную птицу, хотя 23-24. 06. 84 2 птицы встречены Д. Ю. Кашкаровым около Дарганаты.

В небольшом количестве и, видимо, нерегулярно гнездится по горным речкам Памиро-Алая и Западного Тянь-Шаня, причем находки гнезд известны только с сопредельных территорий Таджикистана (Абдусалямов, 1971) и Киргизии (Ырсалиев, 1969; Пляскин, 1983). В долине Сырдарьи, по данным прежних лет, летом скопа встречалась по озерам центральной Ферганы, в частности на Дам-куле, причем птица, добытая 19.04, имела сильно увеличенный яичник (Иванов, 1969). Более новых данных о летних встречах скопы в Ферганской долине и прилежащих горах нет. Возможно гнездование отдельных пар скопы в горах Сурхандарьинской области, где в долине

Шерабада добывали птиц 30.05 и 12.06 (Салихбаев, Остапенко, 1964).

Подытоживая изложенные выше сведения о гнездовании скопы в Узбекистане, следует отметить, что ни одного гнезда этого вида у нас не найдено, и сам вопрос о гнездовании, особенно в настоящее время, проблематичен.

Весенний прилет и пролет скопы в республике начинается в марте и продолжается весь апрель. Под Самаркандом скопу наблюдали 23.03.47 (Богданов, 1956). В дельте Амударьи, в зависимости от ледостава, прилет отмечен в первой половине марта или в конце этого месяца (Кенжегулов, 1966). В долине рек Келес и Куруккелес скопу наблюдали 26 и 28.03 (Корелов, 1962). В течение всего апреля проходит пролет птиц более северных популяций. В низовьях р. Сурхан в период с 3 по 28.04 отмечено 5 птиц (Остапенко и др., 1978), в среднем течении р. Зарафшан скопы встречены 20-25.04 (Абдусалямов, 1971), на Сырдарье - с 18.04 по 4.05 (Loudon, 1910; Корелов, 1962; Абдусалямов, 1971). На Айдарском водохранилище скопу наблюдали 18.04.76, а в период с 15 по 25.04.84 отмечено поодиночке 7 птиц. На весеннем пролете скопы регулярно, хотя и в небольшом числе, встречаются в центральных Кызылкумах совершенно вне водоемов. Одиночные птицы отмечены здесь сидящими на опорах ЛЭП 13.04.70 (Баймурат), 17.04.70, 25. 04. 76 (Тамды), 24.04. 79 (севернее. Газли).

На осеннем пролете скопы чаще встречаются в сентябре - начале октября, но некоторые особи задерживаются на водоемах и позже. На Сырдарье у устья Келеса птица добыта Р. Н. Мекленбурцевым 23. 09. 58 (кол. ТашГУ), в долине р. Кашкадарья, у Чиракчей регулярный пролет наблюдался 22-26. 09.39 (Мекленбурцев, 1958). Под Самаркандом встречена 5.10.50, примерно в эти же сроки наблюдалась на Каттакурганском водохранилище (Богданов, 1956). Позже отдельные птицы встречены 15.11.84 на коллекторе в Голодной степи, 17.11.84 на Тудакульском водохранилище. Самая поздняя для республики регистрация птицы - 23.12.25 под Самаркандом (Богданов, 1956). На зиму скопы не остаются.

Скопа питается только рыбой, вылавливая ее на водоемах с чистой водой. Высматривая добычу с полета, скопа хватается рыбу, держащуюся у поверхности или на небольшой глубине, изредка погружаясь при этом в воду почти полностью. В горных реках питанием служит в основном маринка. Видовой состав кормов в равнинных водоемах более разнообразен, но в основном состоит из некрупных рыб. Отсутствие скопы на многих водоемах и, прежде всего, на основном русле Амударьи связано с высокой мутностью воды, затрудняющей или совсем исключающей успешную добычу рыбы.

Будучи крайне малочисленной и добывая преимущественно мелкую рыбу, скопа не оказывает отрицательного воздействия на рыбное хозяйство и не может быть причислена к вредным видам. Скопа внесена в «Красную книгу СССР» и «Красную книгу Узбекистана» и подлежит охране.

ДЫМЧАТЫЙ КОРШУН *ELANUS CAERULEUS DESF.*

Редкая залетная птица, однажды добытая на крайнем юге Узбекистана.

Мелкий хищник, размером с пустельгу, но более массивный. Хорошо отличается по общей серовато-белой окраске, на фоне которой выделяются черные перья плеча. Хвост одного цвета с телом, слабо выемчатый, короткий (у сидящей птицы сложенные крылья достигают его вершины или даже перекрывают ее). Молодые сверху коричневатые, низ (голова и грудь) желтовато-охристый с продольными неяркими пятнами.

Полет с небыстрыми взмахами крыльев, как у луней, очень часто зависает в воздухе над одним местом, охотно и подолгу сидит на возвышающихся предметах.

Дымчатый коршун широко распространен в субтропических и тропических районах Африки, Мадагаскара, Южной и Юго-Восточной Азии. В Узбекистане зарегистрирован залет подвида *E. s. vociferus*.

Единственный экземпляр в СССР добыт на территории Узбекистана А. И. Ивановым (1940) в долине р. Амударья около г. Термеза 19.04.29.

Ближайшие места гнездования, возможно, приурочены к юго-восточному Афганистану (Нуристан), где птица также очень редка. Здесь за период с 31.03 по 5.05.48 отмечена всего одна встреча стайки из 4 особей 25.04. Кроме того, известны единичные встречи птиц в Кабуле (Paludan, 1959).

Дымчатый коршун – обитатель саванн и открытых местностей с отдельными группами деревьев, на которых гнездится.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ОСОЕД *PERNIS APIVORUS L.*

Редкая пролетная птица Узбекистана, встречающаяся исключительно в равнинных районах республики, преимущественно в западной ее части.

По размерам и внешнему облику похож на обыкновенного канюка. Отличается более узкими крыльями, длинным хвостом и более вытянутой головой, отчего кажется стройнее. Верх темно-бурый, голова серая. Низ в основном темный, брюхо и грудь несколько светлее, с темными пятнами. В целом окраска очень изменчива, существует несколько цветовых вариантов. В полете хорошо заметно черное пятно на сгибе крыла, оконтуренное, как у канюков, светлыми опахалами маховых с поперечными полосами. Наиболее достоверным, как правило, хорошо заметным признаком является сочетание широкой поперечной вершинной полосы на хвосте с двумя узкими у его основания, в то время как хвост у канюка с большим числом примерно равных узких полос. У молодых птиц верх пятнистый, голова беловатая.

Обыкновенный осоед гнездится в лесной зоне западной Евразии к востоку до долины р. Обь и Южного Алтая, в Малой Азии и прикаспийских провинциях Ирана. Подвидов не образует.

На осеннем пролете в Кызылкумах встречается преимущественно в сентябре. В 40 км южнее пос. Газли (южные Кызылкумы) 4. 09. 80 нами под столбом линии электропередач найден свежий труп, а 24. 09. 73 одиночный самец добыт в урочище Гужумды у южных предгорий хр.

Кульджуктау (Кашкаров, Остапенко, Третьяков, 1974).

Весенний пролет начинается в конце апреля и проходит преимущественно в мае. Именно к этому времени относятся встречи в центральных Кызылкумах 24. 04. 76 (Актакыр), 8.05.82 (Кулкудук), 15.05.81 (Даутепе), 21. 05.81 (Бешкудук), 31.05.81 (пос. Баймен). В южных предгорьях Кульджуктау одиночная птица отмечалась с 8 по 16.05. 73, а периодические встречи этого вида зафиксированы между 15 и 20.05.74 (Кашкаров, Остапенко, Третьяков, 1974). Взрослая самка нормальной упитанности (масса 1000 г) найдена 11.05.68 в тугае Кулатау в долине Амударьи близ Турткуля (Мамбетжумаев, 1970). Отметим, что в другой работе (Мамбетжумаев и др., 1973) эта дата, видимо ошибочно, приведена как 13.05.68.

Сроки весеннего и осеннего пролетов обыкновенного осоеда в Узбекистане хорошо согласуются с немногими данными, имеющимися в литературе по прилежащим частям Казахстана (Зарудный, 1911; Корелов, 1962; Ковшарь, 1966). В этом плане вызывает некоторое сомнение указание на время первого появления обыкновенного осоеда, отмеченного визуально, в Кульджуктау 25.03.73 (Кашкаров, Остапенко, Третьяков, 1974), как слишком раннее для данного вида.

Биологическими наблюдениями над обыкновенным осоедом в Узбекистане мы не располагаем. Можно отметить, что фолликулы самки от 11.05 были слегка увеличены, а в желудке находились зеленые листья солодки.

Осоеды, как редкие виды хищных птиц, подлежат повсеместной охране.

ХОХЛАТЫЙ ОСОЕД *PERNIS PTILORHYNCHUS TEMM.*

Относительно редкая пролетная птица Узбекистана, связанная преимущественно с предгорьями и горными районами восточной части республики.

Несколько крупнее обыкновенного осоеда, от которого в поле трудно отличим. У взрослых самцов светлой вариации на хвосте

чаще наблюдаются 2, а не 3, как у обыкновенного осоеда, поперечных полосы. На зобу обычно подковообразное темное пятно, а на горле продольная темная полоса, идущая к подклювью. На птице темной вариации эти признаки не видны.

Обширный ареал хохлатого осоеда связан с лесными районами юга Сибири, Дальнего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии. В Узбекистане встречается единственный гнездящийся в СССР подвид *P. p. orientalis*.

Хохлатый осоед появляется в Узбекистане на осеннем пролете в сентябре и встречается до октября. Весной пролетает в апреле - мае. Следует отметить, что в работе С. Матякубова (1984) сроки наблюдений и добычи этого вида совершенно не соответствуют действительности.

На осеннем пролете в окрестностях Ташкента добыт 9. 09. 70 (Аюпов, кол. ТашГУ), 12.09.66 - самка (Мекленбурцев, кол. ТашГУ); сильно истощенная птица добыта 18.10.49 (Остапенко, кол. ТашГУ).

В окрестностях Самарканда добыт С. К. Далем 14.09.40 (Богданов, 1956), 1. 11. 07 - Д. Каррузерсом (1910). Последняя птица отмечена как обыкновенный осоед, но определение не доведено до подвида. Видимо, как подтверждает находка истощенной птицы, добытой М. М. Остапенко, в октябре в республике остаются отдельные отставшие особи, а основной пролет хохлатого осоеда проходит в сентябре. В это же время (3 - 16. 09) проходит достаточно интенсивный пролет этого вида в Таласском Алатау (Ковшарь, 1966). Известна добыча птицы 29.09.66 под Чимкентом (Menzbir, 1888). На Туркестанском хребте на перевале Шахристан 2 птицы добыты 13 и 19.09.49 (Попов, 1959) и наблюдалось еще несколько. Характерно, что на пролете хохлатые осоеды придерживаются преимущественно горных и предгорных районов и совершенно отсутствуют на равнинах.

Данных по весеннему пролету хохлатого осоеда очень мало. В коллекции Ташкентского университета хранится шкурка птицы, добытой Р. Н. Мекленбурцевым в Ташкенте 27.05.48. В заповеднике Аксу-

Джабаглы этот вид добывался 15.04.37 и неоднократно наблюдался 11 - 18.05.65 (Ковшарь, 1966), а на р. Сырдарье у Джулека добыт 8. 04. 48 (Корелов, 1962).

Совершенно особняком стоит указание Н. А. Зарудного (1911) о добыче им 17. 06. 09 от пары самки, которая «судя по голому пространству на брюхе, в свое время отложила яйца», в лесистом урочище Арал, в бассейне р. Итокар в Чаткальском хребте (Наманганская область). Таким образом, автор предполагает гнездование этого вида в Тянь-Шане. Относительно свежий труп взрослого хохлатого осоеда осмотрен нами в субальпийской зоне Кураминского хребта на высоте более 2500 м над ур. м. в конце июля 1980 г. Характер пребывания этого вида в горных районах Тянь-Шаня требует уточнения.

В желудке птицы, добытой в октябре под Ташкентом, отмечено около 200 взрослых ос и 120 личинок. Несмотря на это, птица была истощенной.

Хохлатые осоеды на всей территории Советского Союза принадлежат к редким видам птиц и, безусловно, заслуживают полной и повсеместной охраны.

ЧЕРНЫЙ КОРШУН *MILVUS MIGRANS BODDAERT*

Гнездящийся, на зиму улетающий вид, приуроченный к высокоствольной растительности по долинам рек и в земледельческих оазисах. Весной и осенью через территорию республики проходит пролет более северных популяций.

По размерам несколько мельче курганника, с заметно более узкими и длинными крыльями. Взрослые сверху темно-бурые с рыжеватыми пестринами, голова светлее, с темными и узкими наствольными пятнами. Низ тела и подкрылья бурые, с малозаметной в поле пестротой. Маховые несколько светлее. У *M. migrans lineatus* в основании первостепенных маховых хорошо заметное белое пятно, у номинального подвида оно отсутствует. Наиболее четким отличительным признаком является слабо выемчатый хвост со слабой поперечной

полосатостью. Молодые сходны со взрослыми, но с большей пестротой верха и низа тела и более темной головой.

Обширный ареал коршуна охватывает территорию Африки, всей Евразии (кроме крайнего Севера), Австралии и многие крупные острова Восточного полушария.

На территории СССР встречаются 2 резко различающихся подвида. Номинальный *M. m. migrans* гнездится в равнинных районах Узбекистана, приуроченных к долине Амударьи. По межгорным долинам и долинам горных рек распространены популяции, переходные к восточно-азиатскому *M. m. lineatus* и достаточно изменчивые по окраске.

В Узбекистане ареал черного коршуна охватывает долины равнинных рек, культурную зону, предгорную и горно-лесную зоны Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Указание на гнездование коршуна как обычного вида на обрывах Устюрта (Костин, 1956) и предположение о его гнездовании в горных останцах Кызылкумов (Корелов, 1962; Захидов, 1971) неубедительны и не подтверждаются более поздними наблюдениями.

В нижнем течении Амударьи черный коршун широко распространен на гнездовании. Многократные встречи, находки гнезд, добытые птицы свидетельствуют о практически повсеместном распространении его в дельте. Хивинском (Хорезмском) оазисе, от Туямуюнского водохранилища до устья реки, где есть тугай или искусственные лесные насаждения (Бутлеров, 1879; Богданов, 1882; Никольский, 1892; Молчанов, 1912; Гладков, 1932; Костин, 1956; Мамбетжумаев и др., 1979; Урманова, 1982). Гнездится в пойменной части и на островах Кызылкумского заповедника (Сагитов, Салимов, 1982), обычен в культурной зоне среднего течения Амударьи (Зарудный, 1891; Яценко, 1891), встречен на всем протяжении реки от ст. Мук-ры до Дарганаты (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение), а Н. А. Зарудный (1891) отмечал его еще выше, от Келифа до Куляба.

По долине Зарафшана встречается от горной части за пределами Узбекистана до низовьев в Бухарском оазисе на участках

пойменных лесов и древесных насаждений (Даль, 1936; Богданов, 1956; Абдусаламов, 1971; Сагитов, 1978, 1983), включая окрестности и окраины крупных городов (Самарканд). Гнездится по лесосадам Нурагинского хребта в его центральной части (Мекленбурцев, 1937; Салихбаев и др., 1970; Коршунова, 1979). В Голодной степи встречен на пролетах весной и осенью, хотя в связи с ее освоением и появлением высокоствольных деревьев в лесопосадках, возможно, местами и гнездится. Гнездится по южному берегу Чардаринского водохранилища, а также по всей тугайной полосе долины Сырдарьи.

Встречен гнездящимся в окрестностях станций Джилга и Дарбаза, по юго-западным предгорьям хр. Кызыкурт (Мекленбурцев, 1959). Местами гнездится в долине Келеса. З. Л. Сатаева (1937) отмечала его на гнездовании в г. Ташкенте и его окрестностях, но сейчас он здесь отсутствует. В предгорьях и горно-лесной зоне западного Тянь-Шаня наблюдался во всей равнинной части Бостанлыкского района (бассейн Чирчика), поднимаясь лишь до нижней границы арчи (Корелов, 1956). Гнездится в окрестностях Большого Чимгана (Кашкаров, 1924), на территории Чаткальского заповедника по Башкызылсаю и южнее, по Шавазсаю (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958). Встречен нами по всей долине р. Ангрен.

В Ферганской долине гнездится по южным склонам Кураминского хребта (Остапенко, 1969; Абдусаламов, 1971). Е. Л. Шестоперов (устное сообщение) находил его гнезда в окрестностях Маргилана (Иванов, 1969). Встречается по всем тугайным зарослям поймы Сырдарьи в пределах Ферганской долины от города Ленинабада до границ республики. По северным склонам Туркестанского хребта в гнездовой период отмечен в долине р. Исфара, на запад до Зааминского заповедника встречается повсеместно (Абдусаламов, 1971), в 50 км южнее найден по Бахмальсаю (Султанов, 1978). В бассейне Кашкадарьи широко распространен, поднимается вверх до Аккишлака. Наиболее многочислен по

долине Лянгара, в окрестностях Гузара, между ними и Дехканабадом гнездится в посадках шелковицы по р. Чияльдарье (Мекленбурцев, 1958, 1959). В летний период наблюдался по предгорьям Байсунтау.

Гнездится в долине р. Шерабад (Степанян, 1969), в предгорьях и горах Кугитанга и Бабатага (Зарудный; по А. И. Иванову, 1940), в горной и равнинной части бассейна Сурхандарьи.

На пролете может быть встречен в любом районе Узбекистана. Основная же масса мигрантов, часто стаями, пролетает по предгорной зоне и подгорным равнинам восточного Узбекистана. В пустынных районах редок, отмечаются чаще одиночные птицы.

Весенний прилет птиц начинается в марте, хотя известны и февральские встречи. В низовьях Амударьи прилет первых птиц наблюдался 18.02.56, 28.03.67, 19.03.68, 3.04.69 (Мамбетжумаев, 1973), в окрестностях Самарканда - 14.03.47, 20.03.48, 15.03.39 (Богданов, 1956). В Нуратау - 16.03.67 (Салихбаев и др., 1970), а на территории заповедника - 18.03.78. Под Ташкентом самая ранняя встреча коршуна отмечена 12.02.29 (Сатаева, 1937), в Голодной степи (ур. Сардоба) - 15.03.13 (Зарудный, кол. ТашГУ), в Каршинской степи, юго-восточнее Нишана - 11.03 (Салихбаев, 1967), в низовьях Сурхандарьи - 27.02 (Остапенко и др., 1978). Пролет продолжается весь апрель, а одиночные встречаются еще и в первых числах мая. В это время в восточном Узбекистане стан пролетных птиц бывают огромны. Так, 28.03.84 в Ферганской долине у Ходжакишлака над рисовыми полями наблюдалось около 120 птиц, а 4.04.1984 г. здесь же в тугае на деревьях ночевало 400-500 птиц.

В Кызылкумах птицы наблюдались с 27 по 30.03.77 в окрестностях скважины Тасберген и в апреле по всей границе с Казахстаном. Одиночная птица встречена в горах Тамдытау 12.05, а 14.05 одна в Кульджуктау (ур. Гужумды). Последняя встреча отмечена в Сурхандарье 8.05 (Остапенко и др., 1978).

Уже после завершения пролета продолжают попадаться отдельные бродячие

неразмножающиеся птицы, обнаруживаемые, как правило, только вне гнездового ареала коршуна, а на фоне местных гнездящихся птиц теряющиеся. Таких птиц в восточных и центральных Кызылкумах отмечал Н. А. Зарудный (1915) 22.05 у Турумбеткудука, 26.05 между кол. Айдар и Десенбай, 4.06 у Малхаркудука. Холостая самка в окрестностях п. Тамды встречена 16 и 20.06 у род. Кериз. В июне, видимо, также бродячие птицы обнаружены у впадины Агитма (Захидов, 1971).

Сразу после завершения гнездового периода и становления молодых на крыло начинаются летние кочевки, способствующие, видимо, формированию стай. Так, 2 огромные стаи коршунов отмечены в первых числах августа у пос. Невич на западной границе Чаткальского заповедника (Железняков, 1950). В г. Ангрене стаю до 80 птиц мы наблюдали 9.08.83. В бассейне Кашкадарьи скопления из 25-30 птиц отмечены в третьей декаде августа (Мекленбурцев, 1958). Число коршунов начинает заметно убывать в середине сентября, к концу месяца остаются единицы. Наиболее поздние встречи зарегистрированы в Нуратау - 4.10.80 и 20.09.81, у Самарканда - 17.10.50 (Богданов, 1956), в окрестностях Ташкента - 21 и 29.10.28 (Сатаева, 1937) и 9.11.12 (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ). Более поздних осенних и зимних встреч коршунов на территории Узбекистана не отмечено.

Гнездовыми станциями коршуна являются предгорные и горно-степные открытые участки с одиночными деревьями, рощами, заросли тугаев в речных долинах, культурная зона с высокоствольной древесной растительностью (лесополосы, сады, рощи, парки), относительно мало посещаемые людьми, а также одиночные обрывы и выходы скал. Наличие невдалеке от гнезда водоема, видимо, обязательно, так как в сухих, безводных местах он не встречается. Часто гнездится в сообществе с другими птицами (белый и черный аисты, стервятник) или образует собственные колонии, насчитывающие до 8 (Зарудный, 1891), а иногда до 20 пар.

Черный коршун был обычной и даже

многочисленной птицей, что отмечают все орнитологи, работавшие в конце прошлого - начале нынешнего века. В результате интенсивного преследования в период проведения кампании по уничтожению хищных птиц численность коршуна резко снизилась. В долине Зарафшана численность снизилась в 5 и более раз (Сагитов, 1983). На территории Нуратинского заповедника, где он указывался как обычный вид (Салихбаев и др., 1970), численность его сейчас составляет 0,7-1,0 пара на 100 км², а всего не более 4-5 пар для хребта, причем уже в последние 2-3 года он перестал гнездиться в ряде мест (ур. Сентяб) территории заповедника. В районах, где он указывался как самый многочисленный и обычный вид среди хищных птиц, - в бассейне Чирчика (Железняков, 1950; Корелов, 1956), бассейне Кашкадарьи (Мекленбурцев, 1958), по нашим наблюдениям, в последние годы встречаются одиночные пары, а встречи регистрируются не чаще одной в 10-12 дней. Видимо, так же обстоит дело и на юге Узбекистана (долины рек Шерабад и Сурхан), где при обследовании в 1979 и 1984 - 1985 гг. отмечено всего 2 встречи.

Гнезда коршун устраивает в зависимости от ландшафтных особенностей на деревьях (шелковица, карагач, тополь, орешник, тал), скалах, песчанниковых и глинистых обрывах. Они располагаются на высоте от 3-3,5 до 15-16 м, а на скалах - в удобных нишах или на уступах, чаще в труднодоступных местах. Гнездо строится из сухих ветвей, лоток выстилается тряпками, ватой, веревками, бумагой, клочьями шерсти. Иногда в гнездо приносят комки сырой глины. Нередко гнездо строится на базе гнезд врановых. В окрестностях Самарканда из 9 найденных гнезд 6 были свежестроенными, а 3 использовались повторно (Сагитов, 1978). На скалах и обрывах гнезда используются многократно. В строительстве гнезда принимают участие обе птицы. Если не используется старое гнездо, новая постройка возводится в 10-30 м от него.

В низовьях Амударьи, в окрестностях г. Хивы кладка с 2 яйцами была собрана Г. И. Бадаевым 23.04.41 (Урманова, 1982). В

Бадайтугае 25.04.67 в гнезде было 2 яйца, а позднее появилось еще одно; 3.06.69 обнаружены 2 оперенных птенца, 20.05.70-3 пуховичка, а хорошо летающих молодых наблюдали 25.06.73 (Абдреимов, 1981). В долине р. Зарафшан у Самарканда свежие и слегка насиженные кладки осмотрены 10.04.46, 13.04.40 и 24.04.49 (Богданов, 1956). В окрестностях Тюятартара А. К. Сагитов (1978) 10.04.70 и 11.04.76 в 9 гнездах обнаружил свежие кладки, содержащие 1-3 яйца. Кладки со слегка насиженными яйцами найдены здесь же 24.04.70 и 15.04.71. В горной части долины З.арафшана, под Агалыком, 3-4.05 найдены кладки с 3 и 4 яйцами, а в соседнем Сазагансае 16.05 в гнезде 3 яйца были насиженными (Абдусалямов, 1971). В Нуратау кладки найдены 8 и 12.05.66, причем первый птенец вылупился 20.05 (Салихбаев и др., 1970). На территории Нуратинского заповедника первые яйца в гнездах были отложены 5.04.78 (полная кладка 4 яйца), 12.04.79 (3 яйца) и 5.04.80 (3 яйца).

В 30 км восточное города Ангрэн (Западный Тянь-Шань) в долине реки 2 птенца в «кисточках» были найдены в гнезде 15.06.76.

В окрестностях Маргилана (Ферганская долина) Е. Л. Шестоперовым 18.04 найдена кладка с 2 насиженными яйцами, 20.04 - с 2 сильно и 2 слабо насиженными яйцами, 21.04 - с 3 свежими, 25.04 - с 1 свежим, 26.04 - с 2 слабо насиженными яйцами (Иванов, 1969). На лесовых обрывах Чияльдарьи 20.07 три плохо летающих слетка были найдены Р. Н. Мекленбурцевым (1958). На хр. Кугитанг 3 гнезда с полными кладками, некоторые с вполне сформированными эмбрионами, осмотрены Н. А. Зарудным 23.05. причем уже 20.06 отмечались хорошо летающие молодые.

В среднем течении Амударьи в середине июня (старый стиль) в гнездах можно было встретить полуоперившихся птенцов, в то время как из некоторых гнезд они уже вылетели (Зарудный, 1891).

Приведенные данные свидетельствуют о довольно дружном начале размножения, независимо от места наблюдений. По расчетным срокам, в 3-й декаде марта, 1-й,

2-й и 3-й декадах апреля начато 3, 11, 7 и 10 кладок соответственно. Рекордно рано (конец февраля) должна была начаться кладка в том случае, когда молодые, недавно покинувшие гнездо, наблюдались Л. С. Степаняном (1970) уже 15.05.64 в долине Шерабада, в то время как 23.05 на р. Пскем отмечено завершение строительства гнезда, а кладка еще не начиналась (Корелов, 1962).

В полных кладках черного коршуна встречается от 2 до 4 яиц (в 8 случаях по 2, в 8 - по 3, в 2 - по 4 яйца), в окрестностях Самарканда отмечено от 1 до 3 яиц по находкам 9 гнезд (Сагитов, 1978).

Судя по наблюдениям в Нуратинском заповеднике, гибель яиц невелика. Из 14 отложенных яиц в 4 кладках вылупилось 13 птенцов и вылетело 12 слетков. Одно погибшее яйцо было отложено в недостроенное гнездо и позднее оказалось «замурованным» в его подстилке.

Яйца черного коршуна по характеру рисунка напоминают яйца курганника, от которых отличаются меньшей пятнистостью, причем почти полностью отсутствуют глубокие элементы рисунка. Скорлупа матовая, мелкозернистая. Поверхностные пятна бурые, рыжевато-бурые, часто представлены линиями, черточками, завитками и сконцентрированы на одном из полюсов.

Размеры 2 яиц, собранных в окрестностях г. Хивы Г. Н. Бадаевым (кол. Музея природы), - 52,6X42,6 и 55,0X42,8 мм. Размеры 3 яиц из Нуратинского заповедника - 58,6X43,8; 58,6X43,6; 57,5x43,0 мм, масса соответственно 61; 57,5; 55,5 г. В среднем по Узбекистану (n=5) 56,44X43,16 мм.

Откладка яиц проходит с интервалом 2 - 3 дня, насиживание ведется с первого яйца и продолжается 30 - 32 суток (Сагитов, 1978, 1983), против 38 дней для европейских птиц (Makatsch, 1974). Молодые птицы покидают гнездо в возрасте 40-42 (Сагитов, 1978, 1983) или 45-50 дней.

Анализ литературных сведений по питанию черного коршуна (Мекленбурцев, 1956; Салихбаев и др., 1970; Абдусалямов, 1971; Абдреимов, 1981; Сагитов, 1983) свидетельствует о широком спектре его

кормовых объектов. Основу питания составляют птицы, причем чаще птенцы и плохо летающие особи. Так, в тугаях Амударьи они составляли 63%, в долине Зарафшана - 61,1%, в Нуратау они найдены в 16 из 30 осмотренных остатков добычи. Среди них идентифицированы сизоворонки, майна, дрозды, райская мухоловка, пуховички кекликов, домашняя птица (цыплята). Грызуны в питании коршуна отмечены в бассейне Кашкадарьи в 6 погадках из 9 осмотренных (афганские полевки - 5), в бассейне Зарафшана они составляли 29,8%; в Нуратау отмечены в 4 из 30 случаев, причем дважды приносимые слепушонки уже разлагались. Коршун регулярно ловит рептилий (туркестанская агама, водяной уж, разноцветный полоз, разноцветная ящурка, молодая черепаха), доля их колеблется от 5,2% (долина Зарафшана) до 17% (Нуратау, низовья Амударьи). Регулярно поедает жаб. В гнездах часто встречаются остатки рыбных костей (Бутлеров, 1879), причем коршун собирает снулую рыбу и вылавливает живую на мелководье. Насекомые встречаются в погадках коршуна регулярно, но в периоды легкой доступности их (массовый выплод саранчи, лет хрущей и других жуков) могут составлять основу питания. В период окота мелкого рогатого скота нередко поедает и приносит к гнездам части погибших ягнят, внутренности и мясо погибших животных.

Таким образом, объектами питания коршуна могут быть практически любые легко доступные жертвы, а также падаль и всевозможные мясные остатки и отбросы. Несмотря на вредную деятельность коршуна вблизи населенных пунктов, как истребителя домашней птицы, в целом птица полезна как санитар, поедающий мелкую падаль и отлавливающий больных и ослабевших животных.

Учитывая резкое снижение численности черного коршуна в последние десятилетия, вызванное как сокращением площади тугайной растительности, так и прямым истреблением, достигшим местами катастрофического уровня, необходимы меры охраны этих птиц в сохранившихся гнездовьях.

ПОЛЕВОЙ ЛУНЬ *CIRCUS CYANEUS L.*

В Узбекистане полевой лунь обычен на весеннем и осеннем пролетах и регулярно зимует. В летний период не встречается.

Самец в окончательном, третьем, наряде с серо-сизым верхом, горлом, зобом, иногда и грудью, с белыми надхвостьем и брюхом. Отличается от лугового луня отсутствием черной поперечной полосы на крыле и буровато-рыжих пятен на брюхе, от степного - более темным верхом тела и груди, белым надхвостьем и формой вершинного черного пятна на крыле, более или менее прямо обрезанного, а не заходящего мысом в глубь крыла. Самка, как у степного и лугового луней, буроватая сверху, с несколько более светлым желтовато-охристым низом тела, с продольными бурыми пятнами и белым надхвостьем. Молодые, в отличие от молодых степных и луговых луней, снизу с продольными пестринами. Самцы в первом годовом наряде сходны с самками, во втором наряде отличаются сильным развитием продольных пятен на брюшной стороне и общим сероватым тоном спинной стороны.

Гнездовой ареал полевого луня охватывает огромные области Северной Америки и всей Евразии, к северу до пределов лесотундры, к югу до средних частей Европы, Закавказья, зоны степей в Казахстане, Алтая, северной Монголии, северо-восточного Китая и Приморья. В Узбекистане, как и во всей Евразии, встречается номинативный подвид *C. c. cyaneus*.

Осенний пролет полевого луня в Узбекистане начинается очень рано, во второй половине лета, хотя первых птиц, видимо, лучше назвать кочующими. Еще Е. П. Спангенберг и Г. А. Фейгин (1936) начало появления кочующих птиц в низовьях Сырдарьи датировали первой половиной августа (у Джулека). В центральных Кызылкумах близ г. Учкудука на оз. Рогатом взрослый самец и молодая самка встречены нами 16.08.75, а в окрестностях Аяккудука самка добыта во второй половине августа (Захидов, 1971). Рано начавшие кочевку птицы отмечаются и в высокогорьях. Такая самка добыта на склонах горы Кызылнура

(Чаткальский заповедник) 22.08. 48. К этому же виду отнесены наблюдения самок в этом районе 29.07. и 17.08 (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958). Можно предположить, что в августе в Узбекистане встречаются полевые луни из наиболее близко расположенных участков ареала в степной и лесостепной зоне Казахстана. Сведения о сентябрьских встречах этого вида ограничиваются единственной находкой в хр. Нуратау, а заметный, хорошо выраженный пролет наблюдается в октябре - ноябре.

На Устюрте, наиболее северном участке нашей территории, пролет полевой луни проходит в конце сентября - октябре, когда птицы относительно многочисленны. Последний экземпляр в центральном Устюрте (кол. Дукен) отмечен 15.10.53 (Костин, 1956). В районе Кунграда молодой самец добыт О. П. Богдановым 23. 10.44 (кол. ТашГУ). В центральных Кызылкумах первые пролетные самцы полевых луней появляются в 1-й декаде октября, а во 2-й и 3-й декадах пролетает основная часть особей этого вида (83,3% встреченных на осеннем пролете). В первых двух декадах ноября встречаются единичные экземпляры, возможно, задержавшиеся на зимовку птицы.

Сведения об осеннем пролете полевых луней в долине Зарафшана и прилегающих районах малочисленны, хотя обычность его здесь на пролете не вызывает сомнения. На хр. Нуратау одиночные птицы отмечены 11 - 12. 09 и 28. 10. 66 (Салихбаев и др., 1970). В низовьях Зарафшана у Ходжадавлета лунь добыт 30. 10. 35. В небольшом числе пролетает над Самаркандом (Богданов, 1956). В Голодной степи, по нашим сведениям, регулярно встречается во второй половине октября и в ноябре. В окрестностях г. Ташкента как по нашим наблюдениям, так и по коллекционным экземплярам Н. А. Зарудного, полевые луни пролетают преимущественно в октябре и частично в ноябре, причем самая ранняя документированная встреча относится к 10.10. Конец пролета установить трудно, так как часть птиц остается на зимовку. Ссылки З. Л. Сатаевой (1937) на сентябрьские экземпляры Н. А. Зарудного из окрестностей

Ташкента, как и ее собственные данные по этому виду (встречи в июне и сентябре), недостоверны.

Сроки осенней миграции полевой луни в южном Узбекистане (бас. Кашкадарьи и Сурхандарьи) неясны, так как конкретные сведения об осенних встречах (октябрь - ноябрь) отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что данный вид появляется здесь преимущественно зимой, смещаясь на этот период из более северных районов, а осенний пролет малочислен.

Полевой лунь на большей части Узбекистана встречается на зимовках. В низовьях Амударьи поздние встречи этого вида относятся к ноябрю - декабрю. В частности, 7.11.44 самка добыта И. И. Колесниковым в районе Кунграда (кол. ТашГУ), а другая - 24.11.48 Х. С. Салихбаевым у оз. Ходжакуль (кол. ИЗиП). В декабре птицы добыты в районе Нукуса (молодой самец 1. 12.48 Х. С. Салихбаевым), на Куванышжарме (11.12.48 Х. С. Салихбаевым) и в Самамбайтугае (18.12.59, Рашкевич, 1962). Во второй половине зимы (январь - февраль) встреч с этим видом в указанных районах не отмечено. В центральных Кызылкумах зимующие полевые луни хоть и немногочисленны, но встречаются регулярно. Они отмечены в декабре (10 птиц), январе (6), феврале (4). Из 20 встреч в 13 случаях (65%) это были самки. Наблюдается некоторое различие в стаиальном распределении зимующих самцов и самок: самки отмечаются преимущественно в окрестностях артезианских озер в пустынных ландшафтах, где они охотятся как за зимующими птицами, так и в основном за краснохвостой песчанкой, а самцы (6 случаев из 7) держатся на кромке пустыни и антропогенного ландшафта или оазисов, где охотятся за синантропными видами птиц и домовыми мышами.

Наиболее обычны зимующие полевые луни в оазисных районах Узбекистана по всей долине Зарафшана, в Голодной степи и в долине Сырдарьи, в пределах Ташкентской области и Ферганской долины. В окрестностях Самарканда и Ташкента, где наблюдения проводились регулярно, и самцы

и самки держатся всю зиму, встречаясь и при сплошном снежном покрове. Документированные многочисленные встречи обоих полов имеются из обоих районов для декабря, января и февраля. Самцы здесь несколько преобладают над самками по численности.

Регулярные зимовки полевого луны в Голодной степи приурочены преимущественно к возделываемым участкам, где численность вида относительно высокая. По данным С. Э. Фундукчиева (1984), на сельхозугодьях в декабре учтено 3,3 особи на 1 км², в январе - 2,2, в феврале - 2,2. В то же время зимовки полевого луны указывались здесь и раньше, до начала орошения этих районов (Зарудный, 1915; Павленко, 1962). По наблюдениям 1971 - 1973 гг., полевые луны многочисленны на зимовках в Ферганской долине, особенно на участках рисовых полей, изобилующих домовыми мышами и мелкими птицами. Часто держатся группами, причем самцы и самки вместе. Соотношение самцов и самок чуть в пользу самцов (56%), причем оно сохраняется на этом уровне в течение декабря - февраля. В районе Бухарского оазиса и на возделанных участках Каршинской степи полевые луны встречаются всю зиму, но относительно немногочисленны. В Сурхандарьинской области в январе одиночные зимующие особи отмечены в низовьях Шерабада (Степанян, 1970) и в устье Тупаланга, а в феврале (19-24.02) - в равнинной части бассейна (Салимбаев, Остапенко, 1964).

Начало весеннего пролета и отлета полевых луней определить трудно, так как трудно дифференцировать их от зимующих птиц. В низовьях Сурхандарьи в 1975 г. при стационарных наблюдениях первая пролетная самка отмечена 28.02, первые самцы - 10.03, много птиц летело 5.04, а последняя встреча полевого луны датирована 11.04 (Остапенко и др., 1978; наши данные). В то же время, из этих же районов имеются и более поздние встречи полевого луны. В частности, в нижнем течении р. Шерабад одиночный самец встречен 2.05.65, а 4 и 15.05.65 по паре птиц наблюдалось у пос. Байсун (Степанян, 1970). Интенсивный

пролет полевых луней мы наблюдали в первой декаде апреля 1985 г. в бас. р. Кашкадарья. Здесь 5.04 в районе пос. Джам отмечено 6 самцов, летевших на север. 6.04 при пересечении равнинной части оазиса с севера на юг над полями встречены 4 самки и 2 самца, а 8 - 9.04.85 в северо-западных предгорьях Кугатанга в районе пос. Тогайтемир за 2 дня отмечено 13 самцов и 3 самки, пролетевшие на север. После 10.04 при работе в более восточных, предгорных частях бассейна мы этот вид больше не отмечали. Регулярно пролетает по всей равнинной части бассейна р. Зарафшан, но конкретные сведения отсюда мало. В районе северных предгорий Нуратау пролетные отмечены 2.03.84 (самка, Янгикишлак) и 14.03.84 (самец, Джингилсай). В Голодной степи интенсивный пролет отмечен в начале апреля (Loudon, 1910). По нашим наблюдениям, в 1984 - 1985 гг. полевые луны встречались здесь регулярно с 5 по 17.04.

В окрестностях Ташкента наиболее обычны на пролете в конце марта (23 - 31.03) и начале апреля; наиболее поздний экземпляр датирован 9.04.07 (самка, Н.А.Зарудный). Очень поздние сроки приводит И. А. Абдусаламов (1971): 23.04 на Кураминском хребте, 29.04 на северных склонах Туркестанского хребта, 24.05 в урочище Сарыкамыш на р. Сырдарье и 14.04 в урочище Палдарак (р. Зарафшан).

В центральных Кызылкумах первые пролетные птицы отмечены 2.03. Пролет полевых луней особенно хорошо выражен (по встречам самцов) в третьей декаде марта (41,8%) и первой декаде апреля (32,7%). Основная часть птиц пролетает к середине апреля, последняя встреча взрослого самца на севере узбекских Кызылкумов отмечена 17.04. Как и в других районах, отдельные птицы встречаются почти через месяц после окончания валового пролета. Так, самки отмечены нами 15 и 16.05.81 на севере центральных Кызылкумов (ур. Култумсек). Относятся ли майские встречи к пролету самых северных популяций этого вида или это холостующие птицы, задержавшиеся южнее области гнездования, сейчас решить трудно. В пользу второго предположения

говорит факт добычи старого самца на Сырдарье Н. А. Зарудным даже 15.06 (по И. А. Абдусалямову, 1971). Однако других летних встреч полевых луней в Узбекистане нет.

На пролетах и зимовках полевые луни предпочитают возделанные районы, побережья водоемов, где находят обильную добычу в виде домовых мышей, слепушонок и мелких зимующих птиц. В Кызылкумах этот вид особенно тяготеет к местам повышенной численности краснохвостых песчанок, характеризующихся в осенне-зимний период дневной активностью. Из птиц основной добычей луней, по нашим наблюдениям, служат разные виды жаворонков, камышовые овсянки, отмечена добыча зимующего бекаса. Неоднократно приходилось наблюдать, как луни схватывали и уносили раненных выстрелом мелких птиц.

В целом полевой луень, истребляющий значительное количество грызунов, полезен. Доля мелких птиц в его питании незначительна. Специальных мер охраны в период пролета на территории Узбекистана не требует.

СТЕПНОЙ ЛУНЬ *CIRCUS MACROURUS GMEL.*

Регулярно встречается в Узбекистане на весеннем и осеннем пролетах. Известны отдельные встречи летующих взрослых птиц, но гнездование не доказано, хотя и возможно.

Размерами с полевого луня. Самцы в окончательном наряде на 4-м году жизни сверху светло-серые, бока головы, грудь и брюхо белые. Надхвостье, в отличие от полевого луня, одноцветно с хвостом и спиной. Черное пятно на вершине крыла узкое, острым углом (мысом) заходит в глубь крыла, а не прямо обрезано, как у полевого луня. От самца лугового луня отличается отсутствием черной поперечной полосы на второстепенных маховых перьях, отсутствием продольных буровато-ржавчатых пятен на брюхе и общей более светлой окраской. Самка и молодые в поле неотличимы от лугового луня. Самец в первом годовом наряде схож с самкой, во

втором и третьем промежуточных нарядах усиливается сероватый оттенок на верхней стороне тела, низ светлеет, сохраняя продольные буроватые пестрины на груди и брюхе.

Гнездовой ареал относительно невелик и приурочен преимущественно к зоне степей Восточной Европы, Западной и Средней Сибири от долины Дуная на западе до Забайкалья и северо-западной Монголии на востоке; к югу простирается до Закавказья и южной границы степей на территории Казахстана, а также нижней части долины р. Сырдарьи, бассейнов оз. Иссык-Куль и р. Атбаши на Тянь-Шане. Подвидов не образует.

Южная граница гнездования степного луня в бассейне Амударьи и Сырдарьи может быть определена лишь предположительно. Бесспорные указания на гнездование этого вида здесь имеются только для территории Казахстана, в частности для долины нижнего течения р. Сырдарьи (Зарудный, 1915; Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962). Видимо, степные луни гнездились и по восточному побережью Аральского моря, где в конце июля добывались только начавшие летать молодые птицы (Зарудный, 1916).

Имеются неопределенные указания на летние встречи в низовьях Амударьи (Молчанов, 1912; Гладков, 1932, 1935) и в предгорьях западного Тянь-Шаня между Арысью и Келесом, а также в предгорной части долин Чирчика и Чаткала (Корелов, 1956, 1962). В этом районе степной луень отмечен также 12.07 в котловине Чимгана и в июле в долине р. Ангрэн около одноименного города.

Н. А. Зарудный (1915) 21.05 - 3. 06.07 отмечал степных луней по кромке песков юго-восточных Кызылкумов и предполагал их гнездование в этом районе. На добычу степного луня 21.05 и редкие летние встречи в Голодной степи указывает Т. А. Павленко (1962). Можно предполагать гнездование степных луней в долине среднего течения р. Сырдарьи и ее притоков, тем более, что имеются прямые указания на добычу птиц, в частности в Ферганской долине, 4.07 у Ленинабада (Иванов, 1969) и 10.06.39 в тугае Сарыкамыш (Урманова, 1982). Неясен

характер летнего пребывания степных луней в низовьях р. Амударьи.

Степной лунь многочислен в Узбекистане на весеннем и осеннем пролетах. Первые единичные особи появляются в некоторые годы уже в середине февраля. В районе Самарканда один степной лунь добыт 13.02.49 (Богданов, 1956), а в среднем течении Сырдарьи самец отстрелян 16.02.07 (Зарудный, кол. ТашГУ). Основной весенний пролет этого вида в республике проходит в марте - апреле. В Сурхандарьинской области в низовьях р. Сурхан в 1975 г. пролет отмечен с 15.03 по 3.04 (Остапенко и др., 1978), причем 27.03 здесь добыт самец (кол. ИЗИП АН УзССР).

На пролете луни обычны в Каршинской степи, где отмечены с конца второй декады марта по первую половину апреля (Салихбаев, Остапенко, 1967). В районе Бухарского оазиса самец добыт О. П. Богдановым 25.04.53 (кол. ИЗИП). В районе хр. Нуратау на весеннем пролете отмечены с начала марта (3.03.84, Фариш) и до середины апреля (14.04.85, Пистелитау) с пиком пролета в конце марта - апреле (Салихбаев и др., 1970; наши данные). В Голодной степи отдельные особи наблюдались нами 7.04.85 и добыты 9.04 (Павленко, 1962) и 18.04.48 (кол. ТашГУ). Отсутствие мартовских встреч здесь связано, по-видимому, с недостатком наблюдений, так как восточное, в долине р. Сырдарьи, в частности у Чиназа, самец был добыт Н. А. Зарудным уже 17.03.07 (кол. ТашГУ). В центральных Кызылкумах пролет степных луней начинается 18.03. Большая часть встреч самцов (87,3%) относится к третьей декаде марта - первым двум декадам апреля. Последний пролетный самец наблюдался в окрестностях г. Учкудук 8.05. Пролет самок идет с некоторым запозданием. В то время, когда пролет самцов уже закончен, самки еще встречаются. Большинство самок, отмеченных в центральных Кызылкумах в третьей декаде апреля и в мае, мы склонны отнести к этому виду. В юго-восточных Кызылкумах, в районе Айдарских разливов, достаточно регулярный пролет отмечен в первой декаде апреля (Лановенко, Абдуназаров, 1983; наши данные).

Опубликованных данных о сроках весеннего пролета степных луней для других территорий Узбекистана нет, что же касается сведений З. Л. Сатаевой (1937) о встречах этого вида в Ташкенте 24.02 и 1.04.29, с ошибкой процитированных С. Д. Матякубовым (1984), то определение луней З. Л. Сатаевой вызывает сомнения, особенно в свете ее неправильных ссылок на экземпляры Н. А. Зарудного, якобы добытые им в январе.

Осенний пролет степных луней в Узбекистане начинается в первых числах августа и продолжается весь сентябрь, но первая, летняя часть пролета изучена слабо.

В период с 1906 по 1910 г. в юго-восточных Кызылкумах Н. А. Зарудным добыто в августе (5-20.08) 9 птиц - 6 самок и 3 самца, из которых 2 - первородки. В первой половине августа они попадались ему регулярно и в долине среднего течения р. Сырдарьи (кол. ТашГУ). В августе степной лунь отмечен в дельте Амударьи по Улькундарье, Караузюку и Чичимкулю (Гладков, 1932). В центральных Кызылкумах осенний пролет отмечен нами с 15.09 по 26.10 (всего встречено 7 самцов), в Голодной степи - 8 и 21.09 (Павленко, 1962), под Самаркандом - 8.09.29, 18.09.48 и 23.09.31 (Богданов, 1956). Для других районов сведений нет, хотя степные луни и на осеннем пролете, безусловно, встречаются во всех равнинных районах Узбекистана. Указания на зимовки степного луня на территории республики не имеют фактического обоснования и базируются либо на неверных определениях (Сатаева, 1937), либо на встречах весенних раннепролетных птиц. (Богданов, 1956; Абдусаламов, 1971).

Степной лунь, как и все другие виды рода (кроме болотного), относится к полезным птицам, заслуживающим охраны.

ЛУГОВОЙ ЛУНЬ *CIRCUS PYGARGUS L.*

Гнездящийся, улетающий на зиму вид, приуроченный к речным долинам. Весной и осенью через территорию Узбекистана регулярно пролетают луговые луни, гнездящиеся в более северных районах.

Самец лугового луня самый мелкий по сравнению с другими видами рода.

Окончательный наряд самцы одевают на 4-й год. Верх, горло и грудь сизо-серые, надхвостье белое с затемняющими его бурыми или серыми пестринами, брюхо и подхвостье светлые с узкими рыжеватыми продольными пятнами. Наиболее характерное отличие от других видов луней - поперечная черная полоса на второстепенных маховых крыла, почти доходящая до черного клинообразного пятна на вершине крыла. Самка лугового луна с темным верхом и охристо-рыжим низом тела, с продольными бурыми пятнами. Надхвостье узкое, белое, с рыжеватыми пятнами в первом годовом наряде. Во втором наряде пятна исчезают, одновременно светлеет низ. В поле самки лугового луна очень слабо отличимы от самок полевого и практически не различимы с самками степного луна. Самцы в первом годовом наряде сходны с самками, во втором и третьем усиливаются серые тона в оперении. Молодые похожи на самку, но низ однотонно ржавчато-рыжий без продольных бурых пятен. В гнездовое время характерны брачные игры в виде совместного полета с подъемами и спуском пары птиц, сопровождаемые свистящим криком при снижении, передаваемым как «кие-кие».

Общий ареал вида в гнездовой период охватывает северо-западную часть Африки, большую часть южной Европы, Закавказье и Среднюю Азию, незначительно выходя к югу за ее пределы, юг Сибири и некоторые районы Центральной Азии. Подвидов не образует.

В гнездовой период распространение лугового луна в Узбекистане ограничивается преимущественно долинами крупных равнинных рек.

По нижней. Амударье в пределах республики достоверных наблюдений о гнездовании нет, однако несколько севернее границ Узбекистана раньше гнезился по восточному побережью Аральского моря (Зарудный, 1916). В Хивинском оазисе по встречам в мае отнесен к пролетным (Богданов, 1881). По долине среднего течения Амударьи выше Чарджоу обычен на гнездовании (Зарудный, 1891; Яценко, 1891). Самец добыт здесь на правом берегу Амударьи у Фараба 26.04.15 (В. И. Лаздин,

кол. ТашГУ). Регулярно гнезился по долине нижнего и среднего течения р. Зарафшан (Loudon, 1910; Богданов, 1956), хотя в настоящее время этот вид здесь редок. Брачные игры лугового луна наблюдались в пойме Зарафшана 22. 04. 48 в районе кишлаков Балат и Даул (Богданов, 1956).

Еще в конце 30-х годов луговой лунь был одной из самых массовых гнездящихся птиц в средней части бассейна р. Кашкадарьи. Он наблюдался «едва ли не сотнями», в окрестностях Шахрисябза, кишлаков Каучин, Чим, Карабак, в устье р. Танхас (Мекленбурцев, 1958). В настоящее время и здесь луговой лунь на гнездовании очень редок. В степях восточное пос. Нишан самец добыт 2.06.63 (кол. ИЗиП). Нет данных о гнездовании этого вида в бассейне р. Сурхан-Дарьи.

В долине Сырдарьи гнездование, подтвержденное находками гнезд, известно для нижней части реки (Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962; Кисленко, 1968), а для среднего течения в пределах Казахстана неизвестно. Гнездование в узбекской части бассейна Сырдарьи не вызывает сомнения, так как луговой лунь в течение всего весенне-летнего периода регулярно отмечался нами в среднем течении р. Ангрэн между городами Ахангарап и Ангрэн, на поросших высокотравьем прибрежных лугах северных и южных побережий Арнасайских разливов. В апреле 1985 г. луговой лунь был достаточно обычен во многих местах южного побережья оз. Тузкан. Непосредственно в долине Сырдарьи в гнездовое время добывается регулярно. Около г. Ленинабада добыт Н. А. Северцовым 21.05 (Иванов, 1969), в тугаях реки в пределах Ферганской долины 3.06. 39 (самка, тугай Сарыкамыш), 10.05.40 (2 самца из Туракурганского и Наманганского районов собраны Г. И. Бадаевым; Урманова, 1982). В районе пос. Солдатское самка добыта С. Матякубовым 25.06.67 (кол. ИЗяП). Кроме того, в коллекции Музея природы г. Ташкента имеется несколько летних птиц из среднего течения Сырдарьи, добытых на территории южного Казахстана - 2 самки от 28 и 29.06.61 из Четтытугая, самка от 29.06.70 и пара от 3.07. 72 из Ширинкультугая (Урманова, 1982).

Весеннее появление лугового луня в Узбекистане отмечается в середине марта, массовый пролет - в апреле. В начале мая встречаются отдельные запоздавшие птицы. В связи со значительным снижением общей численности луговых луней конкретных данных о сроках миграций этого вида немного. В Сурхандарьинской области в низовьях р. Сурхан одиночная птица отмечена 15.03 (Остапенко и др., 1978). В равнинной части бассейна р. Кашкадарья вид отмечен 31.03.64 в ур. Сохта и 13.04 в Карабулаке (Салихбаев, Остапенко, 1967). По наблюдениям Н. Loudon (1910), луговой лунь в конце марта - начале апреля был обычным хищником в бассейне р. Зарафшан, в Голодной степи и в Ферганской долине. Достаточно интенсивный пролет в западной оконечности хр. Нуратау наблюдался в конце марта - начале апреля (Салихбаев и др., 1970). В коллекции ИЗиП имеется экземпляр самки, добытой 14.03.83 на южном берегу Айдарских разливов. Весной 1985 г. многочисленные луговые луны наблюдались по побережью Арнасайских разливов, по берегам и на островах оз. Тузкан. Особенно много (20 птиц) отмечено 20.04, когда шел явно выраженный пролет. Позднее пролетные особи, видимо, терялись на фоне гнездовых пар. В окрестностях Ташкента явно пролетные птицы добывались 30.03.15 (Н. А. Зарудный) и 27.04.32 (Р. Н. Мекленбурцев) (кол. ТашГУ). В долине Сырдарьи у Чиназа В. Ф. Руссов наблюдал этот вид 14.04 (Pleske, 1888). В центральных Кызылкумах луговые луны встречаются на пролете очень редко. Самцы отмечены здесь 4 и 10.04.80 и 21.04.83. Труп самца найден на кромке песков севернее хр. Букантау 4.05.82. Самки этого вида здесь на пролете нами достоверно не отмечены. Н. А. Зарудный (1915) добыл явно холостующих самок 22.05.12 в юго-восточных Кызылкумах у кол. Турумбет и 16.06.12 г. в оазисе Тамды. Негнездящийся молодой самец добыт на юге центральных Кызылкумов в ур. Караката И. И. Колесниковым 18.07.36 (кол. ТашГУ).

Осенний пролет луговых луней проходит относительно рано, в августе - сентябре. Во всяком случае, при многолетних

наблюдениях в октябре и позже в Кызылкумах нами не встречен. В районе Юнускудука (юг центральных Кызылкумов) пролетные самцы добыты 18 и 25.08.48 (Захидов, 1971). Регулярный пролет в долине р. Зарафшан и в бассейне Кашкадарьи отмечен в августе (Богданов, 1956; Мекленбурцев, 1958). В долине Сырдарьи у Ленинабада добыт 29.08 (Иванов, 1969). На восточных предгорьях хр. Кугитанг у пос. Вандоб самка добыта 17.08.56 (кол. ИЗиП). Очень поздний экземпляр самки, добытой в Ташкенте, датируется 14.11.67 (кол. ИЗиП).

Как весенний, так и осенний пролет лугового луня проходит по долинам рек, оазисной зоне и побережью Аральского моря, обходя крупные участки пустынь, на которых присутствие его носит характер случайного залета.

Биологических наблюдений по гнездованию лугового луня в Узбекистане очень мало. Брачные игры отмечены 22.04.48; 7, 15 и 18.04.85, дерущиеся самцы - 24.04.85. Гнезда этого вида с территории нашей республики не описаны. Сведения по составу питания отсутствуют.

Как очень редкий, исчезающий на гнездовье в республике вид, чрезвычайно полезный в луговых биоценозах, луговой лунь должен быть взят под действенную охрану.

БОЛОТНЫЙ ЛУНЬ *CIRCUS AERUGINOSUS L.*

Обычная гнездящаяся птица на равнинных водоемах Узбекистана. Весной и осенью регулярно пролетают более северные популяции. На юге республики изредка зимует.

Гнездовой ареал охватывает практически всю Палеарктику, включая Северную Африку и Евразию от Атлантического до Тихоокеанского побережий, к югу до Малой Азии, Ирака, Ирана, Афганистана, южных склонов Тянь-Шаня, северо-западной Монголии, северо-восточного Китая и КНДР. В Узбекистане гнездится номинативный подвид *C. a. aeruginosus*. Указания на встречу в республике восточной формы *C. a. spilonotus* недостоверны и основываются на встречах птиц, в порядке индивидуальной

изменчивости приближающихся к фенотипу *spilonotus*. Самцов, типичных для восточной формы, в Узбекистане, как, видимо, и во всей Средней Азии, не найдено.

Размерами болотный лунь несколько мельче черного коршуна и заметно крупнее трех других видов луней, но такой же длиннокрылый и длиннохвостый. Взрослый наряд самца появляется на 4-м году жизни. Верх бурый, низ охристо-рыжий, с продольными бурыми пестринами, более светлый на груди, горле и голове. Хорошо отличим по сизым хвосту, второстепенным и внутренним первостепенным маховым и верхним кроющим крыла как от самки, так и от других видов хищных птиц. Самка во взрослом наряде однообразно темно-бурая со светло-охристым верхом головы, горлом и плечевыми перьями. Самцы в первом и во втором годовых нарядах сходны со взрослыми самками, в третьем начинает появляться сизый налет на хвосте и маховых, получающий максимальное развитие к 4-му году.

В Узбекистане болотный лунь гнездится по долинам практически всех крупных равнинных рек, на большей части озер и водохранилищ. Избегает водоемов на высоте свыше 1000 м над ур. м., а также безводных районов или небольших по размерам водоемов, хотя на пролете пересекает обширные пустынные пространства. В горах не встречается. Гнездование болотного луня известно по всей нижней Амударье, где оно констатировано всеми работающими там исследователями (Бутлеров, 1879; Богданов, 1882; Никольский, 1892; Молчанов, 1912; Гладков, 1932, 1935; Костин, 1956). В начале столетия, когда уровень Аральского моря был достаточно высоким, болотный лунь в большом количестве гнезился по всему его восточному побережью (Зарудный, 1916), но сейчас в связи с отмиранием тростников этот вид здесь практически исчез. Обычен на озерах в долине среднего течения Амударьи, в Хорезмской области (Костин, 1956; Урманова, 1982), на территории Кызылкумского заповедника (Сагитов, Салимов, 1978).

В долине р. Зарафшан гнездится от низменных частей бассейна, по границе

Бухарского оазиса, вверх до Самарканда и Пенджикента (Маслов, 1947; Богданов, 1956; Абдусаломов, 1971), но не очень многочислен. В южном Узбекистане гнездование отмечено непосредственно в долине р. Кашдарьи (Мекленбурцев, 1958), в бассейне р. Сурхандарьи, на Амударье, по имеющимся здесь озерам, в частности на оз. Хитай, Соленое, Айкуль (Салихбаев, Остапенко, 1964). Многочисленны болотные луни на гнездовании по всей долине р. Сырдарьи, вверх от Чардаринского водохранилища, где обычно придерживаются крупных заросших тростником озер, стариц и водохранилищ.

Гнездование вида прослежено по всей равнинной части Ферганской долины. Имеются указания на встречи в нижней части р. Чирчик, вверх до Газалкента (Корелов, 1956), но гнездование его здесь вряд ли возможно в связи со значительной освоенностью этого района. В долине р. Ангрэн ранее гнезился на территории Акчинского охотхозяйства, где только в 1957 г. было уничтожено 5 гнезд с кладками (Мекленбурцев и др., 1961). Сейчас этот вид здесь, видимо, отсутствует. Многочисленны болотные луни по всем озерам Голодной степи, но особенно - по обширным разливам и тростниковым крепям Арнася и Тузкане. Здесь гнездятся многие десятки пар.

До периода интенсивного освоения Кызылкумов болотные луни здесь отсутствовали, но сейчас в связи с образованием большого количества артезианских озер, иногда очень крупных по площади, этот вид стал гнездиться, причем особенно многочислен на территории Каракалпакских Кызылкумов. В центральных Кызылкумах гнездование установлено на оз. Рогатое и Комсомольское в районе г. Учкудука. Большое количество болотных луней в настоящее время гнездится по крупным водохранилищам и сбросовым озерам Бухарской, Навоийской и Кашкадарьинской областей (Денгизкуль, Тудакуль, Каттакурганское водохранилище, Заманбобо и др.). В целом по республике природная обстановка для этого вида в настоящее время благоприятна.

Весенний прилет болотных луней в Узбекистан начинается в марте, хотя первых прилетных птиц трудно отличить от зимующих. В долине р. Сурхандарьи первые птицы отмечены 15.03.75 и пролет продолжался до 8.05 (Остапенко и др., 1978). Интенсивный пролет этого вида через Голодную степь отмечался в первой половине марта (Loudon, 1910; наши данные). В районе хр. Нуратау интенсивный пролет наблюдался в период с 25.03 по 10.04, хотя первые появились раньше (Салихбаев и др., 1970). В конце марта (25 и 31.03.38) болотные луни добывались под Самаркандом (Богданов, 1956). В центральных Кызылкумах самая ранняя встреча датируется 9.03, но конец пролета в связи с наличием местных гнездящихся птиц определить трудно. Во всяком случае, явно пролетные особи в песках, вне водоемов, отмечались нами до 16.05. Пролетные птицы раньше добывались здесь 13.04.12 (Зарудный, 1915) и 17.05.43 (Захидов, 1974). В окрестностях Ташкента болотные луни во время пролета обычны весь март и апрель. О сроках пролета этого вида дают представление даты первого появления у северных границ республики, где луни не зимуют. В долине средней Сырдарьи первое появление отмечено в районе Чиили - 16.03.27, на Караузьяке - 25.03.27 (Спангенберг, Фейгин, 1936). На восточном побережье Аральского моря, южнее дельты Сырдарьи первые прилетные отмечены 27.03.78; они летели до середины мая (Березовский, 1983).

Несмотря на обычность болотного луня, гнездование его в Узбекистане практически не изучено. Строительство гнезда в районе Самарканда наблюдалось 2.04.50 (Богданов, 1956). Две кладки из 4 и 3 яиц были собраны В. Ф. Руссовым (Резке, 1888) 20 и 21.04.1878 у Чиназа. Средние размеры яиц - 51X39,5 (50,5-51X40 - 39) мм. У 2 самок, добытых на озерах северо-западных Кызылкумов 29.03, фолликулы в яичниках были увеличены, максимальные достигали 5-6 мм в диаметре. В центральных Кызылкумах на оз. Комсомольское 16.05.81 в заламах затопленного тростника найдено гнездо с 3 слабонасиженными яйцами (46,0X35,7;

46,3x36,5; 46,6X35,7 мм). Покинувшие гнезда летающие молодые птицы наблюдались на Кашкадарье 19.07 (Мекленбурцев, 1958). Для сравнения укажем, что гнезда с кладками в долине средней и нижней Сырдарьи и по северному берегу Аральского моря находили в течение всего мая (Спангенберг, Фейгин, 1936; Петровская, 1951).

Сразу после вылета молодых начинаются кочевки, и птицы появляются на водоемах, где не гнездились, а также широко рассеиваются по оазисным районам. О сроках начала кочевки говорить трудно, но, например, уже 2.07.43 птица добыта в оазисе Тамды в центральных Кызылкумах (Захидов, 1974) не менее чем в 100 км от ближайших мест гнездования. В эти же сроки (29.06-2.07) взрослая самка отмечалась в верховьях Катта-Урударьи (1800 м над ур. м.) на северных склонах Гиссарского хребта вне гнездового ареала (Мекленбурцев, 1958). На оз. Искандеркуль пролетные отмечены П. Ф. Рыплом 6.08.33 (Иванов, 1969). Заметный осенний пролет, видимо, начинается с середины сентября, когда в Кызылкумах птицы начинают регулярно встречаться в глубине песчаных массивов. Пролет идет весь октябрь и ноябрь, численность вида значительно снижается только во второй половине ноября. К декабрю остаются относительно немногочисленные зимующие особи.

В низовьях Амударьи и в Кызылкумах зимовки болотных луней не известны. Нет зимних экземпляров и из бассейна р. Зарафшан, хотя, по словам А. Н. Богданова (1956), они здесь зимуют. В Ташкентском оазисе этот вид зимой отмечался редко. Имеются экземпляры Н. А. Зарудного от 28.12.08 (самка), 21.01.80 (самец). 28.01.08 (самка) и 13.02.11 (самец). На станции Голодная степь самец добыт 15.02.12 (все в кол. ТашГУ). Относительно регулярные зимовки болотных луней известны из бассейна р. Сурхандарьи и из долины верхней Амударьи, где птицы наблюдаются в течение всего года (Салихбаев, Остапенко, 1964). На оз. Сиплан в долине Шерабада этот вид отмечен 17.01.67 (Степанян, 1970). Количество зимующих в республике птиц

тесно связано с ледовой обстановкой на водоемах. В теплые зимы с массовой зимовкой водоплавающих птиц луней больше; в суровые зимы, когда большая часть водоемов замерзает, болотные луни откочевывают южнее.

По типу питания болотный лунь преимущественно орнитофаг, но охотно ловит грызунов, рептилий, насекомых. Из птиц в его добыче преобладают молодые и раненые особи водоплавающих, а также отмечены поимки скворцов и серой вороны. Из грызунов часто ловит больших песчанок. В апреле на берегу Айдара кормился мертвой рыбой.

До самого последнего времени болотного луня считали вредной птицей и усиленно преследовали. Сейчас этот вид находится под охраной. Вопросы регуляции численности болотных лупей в отдельных охотхозяйствах, специализирующихся на разведении дичи, должны решаться специально в каждом конкретном случае и только специалистами.

ТЕТЕРЕВЯТНИК *ACCIPITER* *GENTILIS L.*

Зимует в долинах крупных рек и в горах. Большую часть равнинных районов Узбекистана посещает в период осенних и весенних миграций.

Размерами с обыкновенного канюка, но заметно стройнее его. Самка крупнее самца. От других видов хищных птиц отличается относительно короткими закругленными крыльями и длинным хвостом. Верх темный, серовато-бурый, варьирует по интенсивности окраски. У взрослых птиц низ беловатый с поперечным серым рисунком, у молодых светло-охристый с темными продольными пятнами. Среди взрослых особей некоторые чрезвычайно светлые, производят впечатление почти белых. Хвост с 4 поперечными хорошо заметными темными полосами. Бровь и подхвостье белые. Полет стремительный, очень маневренный, нередко активный полет с довольно частыми взмахами крыльев чередуется со скольжением.

Гнездится по всей лесной зоне Северной Америки и Евразии от Западной Европы до Тихого океана, на юг до горных лесов северо-

западного Ирана и Кавказа. Изолированный участок ареала находится в горах на юго-западе КНР. Недавно (Корелов, Пфеффер, 1983) подтверждено гнездование тетеревятника в еловых лесах северного Тянь-Шаня. В осенне-зимнее время часть особей широко кочует к югу от гнездового ареала.

Первые тетеревятники появляются в Узбекистане в сентябре (лишь в работе Нуратдинова, 1968, имеются сведения о встречах этого вида в августе в тугаях низовьев Амударьи). В горах Нуратинского заповедника пара встречена 7.09.79 (Коршунова, Коршунов, 1983), а в долине р. Кашкадарьи у г. Чиракчи одна птица отмечалась в период с 20 по 24. 09. 39 (Мекленбурцев, 1958). В конце сентября молодой самец добыт Н. А. Зарудным в г. Ташкенте (кол. ТашГУ). Появление тетеревятников в конце сентября указано и для Бухарской области (Маслов, 1947). Приведенные сроки хорошо согласуются с началом осеннего пролета тетеревятников в местностях, лежащих севернее и восточнее Узбекистана - Наурзум, Кургальджино, Барса-Кельмес, оз. Аккуль из Бийлюкульской группы озер, Киргизский хр. (Михеев, 1938; Шнитников, 1949; Исмагилов, Васенко, 1950; Владимирская, Меженный, 1952; Корелов, 1962). Видимо, начавшие миграцию птицы достаточно быстро пересекают равнинные пустынные участки и концентрируются в горных и предгорных районах, а также в долинах крупных рек и озер.

В октябре, особенно во второй половине, и в ноябре тетеревятники становятся обычными. Это основное время их прилета в республику, хотя конкретных находок для Узбекистана в этот период и немного, что, видимо, обусловлено тем, что птицы держатся преимущественно в горных районах. В конце октября тетеревятники отмечены в центральных Кызылкумах (20 - 21.10.73 в Кульджуктау, Гужумды; 30.10.74 в Букантау). В эти же сроки оживляется пролет и в западном Тянь-Шане, где молодые птицы добыты Н. А. Зарудным и Р. Н. Мекленбурцевым 29.10.09 (г. Туркестан) и 31.10.57 (среднее течение р. Бугунь). Многочисленны данные о встречах

тетеревятника и в других районах Южного Казахстана (Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962). В ноябре в Узбекистане тетеревятник отмечен в долине р. Сырдарьи (Дальверзин в Ташкентской области 5 - 30.11.68), долине р. Санзар (15.11.84), под Самаркандом (Богданов, 1956) и во многих горных районах Казахстана, Ферганы, на Гиссарском хребте (Попов, 1959; Корелов, 1962; Иванов, 1969).

Собственно на зимовках (декабрь - начало февраля) тетеревятник распространен в республике спорадично, придерживается в основном или горных районов, богатых кекликом (западный Тянь-Шань, р. Шавазсай - 17.01.69), или тугаев по долинам крупных рек, где сохранились фазаны, - Ангрена (Акчинское охотхозяйство), Сырдарьи (Дальверзин - 20.12.66), Зарафшана (Каратюбе - 11.12, Даргом - 20. 12.39; Богданов, 1956; Иванов, 1969; наши данные), Амударьи (Шакалтугай - 14. 01. 57; Рашкевич, 1962). В Дальверзине, где существует крупное охотничье хозяйство на фазанов, по сообщению О. Н. Сударева, ежегодно бывает до десятка тетеревятников, причем за зиму примерно половину их отстреливают. В долине р. Зарафшан тетеревятник встречается регулярно с ноября по февраль (Богданов, 1956). Видимо, очень редок в тугаях по Амударье, где конкретные встречи ограничиваются единственной встречей, приведенной выше. Н. Loudon (1910) видел в Фарабе в марте 2 подготовленных к охоте тетеревятников. Указание Г. П. Дементьева (1952) об осмотре Лоудоном в Фарабе одной привозной птицы не совсем точно, так как тетеревятники могли быть пойманы и на Амударье.

В зимнее время тетеревятники иногда отмечаются и в антропогенных ландшафтах, в частности, взрослая самка добыта в Ташкенте 2. 12. 62. Здесь же зимой отмечался и другой экземпляр, добывший галку.

В феврале часть зимовавших тетеревятников начинает откочевку с мест зимовок. В это время они снова появляются в Нуратинских горах (26.02 и 1.03.80; Коршунова, Коршунов, 1980), где в период зимовки (ноябрь - январь) не встречались.

Взрослая птица зарегистрирована в долине Келеса (с.-х. Капланбек) 24.02. 77, а также в долине средней и нижней Сырдарьи (Спангенберг, Фейгин, 1936). Пролет усиливается в марте. Птицы отмечены в Нуратинских горах 19 и 21.03.81 (Хаятсай), 13.03.84 (Синтябсай и окрестности п. Кызылча) и в Пистелитау 21.03.81 (Коршунова, Коршунов, 1983; наши данные). 31.03.74 один экземпляр добыт в Кызылкумах (Кульджуктау, Гужумды) (Каш-каров, Остапенко, Третьяков, 1974). В это же время продолжает встречаться на местах зимовок, в частности в Дальверзине, где годовалая самка добыта О. Н. Сударевым 21.03.65. В апреле одиночные пролетные птицы отмечены в Нуратинском заповеднике 9.04.79, в центральных Кызылкумах (г. Тамдытау) 25.04.76, в долине р. Пскем 24 и 28.04.53, в Чаткальском заповеднике 25.04.76 (Корелов, 1956; Коршунова, 1983; наши данные). 9.04.77 пролетная птица встречена в г. Ташкенте. В апреле тетеревятники найдены в горных районах Бадахшана, Прииссыккуля, в Кочкорской долине, Казгурте (Шнитников, 1949; Янушевич и др., 1959; Корелов, 1962; Абдусаламов, 1971). В мае в Узбекистане тетеревятник не отмечен, хотя в горных районах Южного Казахстана, а также в низовьях Или и на Кургальджино отдельные птицы еще встречаются (Корелов, 1962).

В целом в Узбекистане зимует довольно большое число тетеревятников, пролетающих через центральный и восточный Казахстан.

Очевидно, большая часть птиц перемещается горными районами и реже пересекает открытые пустынные пространства. В долине Сырдарьи тетеревятники встречаются гораздо чаще, чем в долине Амударьи. Южнее этот вид лишь очень редко встречается в южном Таджикистане. Нет сведений о пролете через равнинные районы Туркмении западнее Амударьи. Редкие встречи северных подвидов тетеревятников на зимовках в западной Туркмении, видимо, связаны с пролетом этих птиц по восточному побережью Каспия, где они достаточно обычны. Как уже отмечено выше, собственно

зимовки тетеревятника в Узбекистане приурочены к среднему и нижнему поясу гор, преимущественно к их краевым хребтам, а также к долинам крупных рек. Большую часть равнинных районов они посещают только на пролете. Мало материалов о встречах тетеревятника на Каракалпакской части Устюрта. Единственная пролетавшая высоко птица отмечена нами 13.10.77 в окрестностях ст. Каракалпакия.

Питание тетеревятника на зимовках в Узбекистане специально не изучалось. Однако бесспорно, что по своим трофическим связям у нас это типичный орнитофаг, приуроченный к местам с повышенной численностью птиц средней величины, преимущественно куриных. Прежде всего это кеклики, которых тетеревятник добывает в западном Тянь-Шане, на хребтах Нуратау и Туркестанском, в центральных Кызылкумах. В Дальверзине, на р. Сырдарье тетеревятник питается преимущественно фазанами. По-видимому, это основной объект (во всяком случае, был) питания этого хищника и в долинах рек Зарафшан, Кашкадарья, всей долине р. Амударьи. Тетеревятник регулярно добывает врановых (серая ворона, галка), голубей, реже других птиц (сизоворонка, козодой, совки) и домашних кур. В марте на северных предгорьях Нуратау дважды отмечалась охота на степных и двупятнистых жаворонков.

Оценивая питание тетеревятника в целом, следует сказать, что из-за своей малочисленности он не оказывает существенного влияния на количество охотничье-промысловых птиц. В связи с достаточной универсальностью в добыче птиц тетеревятник хорошо обеспечен кормами в течение всего осенне-зимнего периода.

Фактором, лимитирующим его численность в республике, является незаконный отстрел охотниками. Имеются попытки отлова тетеревятника для использования в качестве ловчей птицы. Так, по сообщению О. Н. Сударева, у одной из птиц, добытых зимой в Дальверзине, на лапах имелись обрывки кожаных ремешков. Видимо, птица вырвалась из неволи.

Основная масса тетеревятников, зимующих в Узбекистане, относится к форме *A. g. schvedowi* Menz., 1882 (*A. g. Suschkini* Dem., 1940), гнездящихся в средней и южной полосе Западной и Средней Сибири. Обитающая севернее форма *A. g. buteoides* Menz., 1882 не всегда четко дифференцируется и достоверно в республике не отмечена (Дементьев, 1951). Подвид *A. g. buteoides*, особенно хорошо отличающаяся его белая морфа, найден недалеко от границ Узбекистана - в Джулке (6. 11. 28), Фрунзе (январь 1929 г.) и в Гульче (Ошская обл., 26 и 28.11) (Спангенберг, Фейгин, 1936; Шнитников, 1949; Иванов, 1969).

ПЕРЕПЕЛЯТНИК *ACCIPITER NISUS* L.

В горно-лесной зоне Узбекистана гнездятся перепелятники, близкие к горно-азиатской группе подвидов *A. n. melanoschistus - dementjevi*. Оседлость их не доказана. На большей части территории республики пролетают весной и осенью и зимуют перепелятники более северных районов Советского Союза - *A. n. nisus - nisusimilis*.

Перепелятник, как и тювик, отличается от мелких соколов (пустельга, дербник), с которыми они примерно одних размеров, закругленными короткими крыльями и длинным хвостом. Самец сверху аспидно-серый, самка буровато-серая, снизу с коричневато-ржавчатым поперечным рисунком. Темный верх тела мало отличается от темных маховых перьев. Низ крыла заметно темнее, чем у тювиков, с четко выраженным поперечным рисунком. Хвост с 4 поперечными темными полосами. Самец перепелятника отличается от тювиков хорошо заметной рыжей щекой, а самка - белой бровью. Молодые буроватые сверху, с темным продольным рисунком снизу. Радужина желтая. Голос - звонкое, хорошо слышимое «ги-ги-гиг», повторяемое многократно. Охотно и часто кричит на гнездовом участке до появления кладки. Полет активный, быстрыми взмахами крыльев, чередующийся со скольжением. Никогда, в отличие от мелких соколов, не зависает.

Перепелятник гнездится по всем лесным массивам северной Евразии от Атлантического до Тихого океана, а также в горных лесах северо-западной Африки, Передней, Средней и Центральной Азии.

Только в последние десятилетия факт гнездования этого вида в Узбекистане получил окончательное подтверждение. Гнездящиеся в Узбекистане птицы (*A. p. melanoschistus - dementjevi*) широко распространены по горным районам республики, хотя в большинстве из них малочисленны и спорадичны.

В системе хребтов западного Тянь-Шаня гнездование доказано находками гнезд и кладок только на северо-западных склонах Чаткальского хребта (долина р. Аксаката и Чаткальский горно-лесной заповедник). До настоящего времени не найден в бассейнах рек Ангрэн и Пскем, хотя севернее, в Таласском Алатау, гнездится (Ковшарь, 1966). Видимо, обычен в лесной зоне северных склонов Туркестанского и Алайского хребтов, где отмечен в долинах рек Шахимардан, Исфара, Шахристан и Сох. На левом притоке Соха (Раутсай) найден выводок молодых около гнезда (Мекленбурцев, 1962). Самка от 12. 07.58 из верховьев р. Катташевырсай (северные склоны Туркестанского хребта), добытая Л. М. Балан сохраняется в республиканском Музее природы (Урманова, 1982). Перепелятник неоднократно отмечен в период с 17.06 по 6. 07. 35 в арчовниках Зарафщанского хребта (Даль, 1936). Регулярно гнездится в Нуратинском хребте на территории Нуратинского заповедника по искусственным лесосадам (Коршунова, Коршунов, 1983).

В гнездовое время (июль 1979 г., июль - август 1984 г.) мы регулярно встречали перепелятника в зоне арчовых лесов в верховьях р. Каттаурударья (окрестности с. Дуканхона) на северных склонах хр. Байсунтау. Восточнее этот вид неоднократно встречался летом в районе оз. Искандеркуль, а также в верховьях р. Пугус на южном склоне хребта, где также предполагается его гнездование (Иванов, 1969). До настоящего времени нет данных о гнездовании перепелятника в хр. Бабатаг и Кугитанг, в

лесах южных склонов Гиссарского хребта, а также Кураминском, Пскемском и Угамском хребтах из системы западного Тянь-Шаня. На некоторых из этих хребтов гнездование перепелятника вполне возможно.

На весенних и осенних пролетах перепелятники обычны практически на всей равнинной территории республики и в горах до верхней границы лесной зоны. На зимовках регулярно встречаются в тугаях всех речных долин Узбекистана, в сельскохозяйственных оазисах, включая крупные города, в предгорной и лесной зонах, вплоть до верхней границы арчовника, т. е. всюду, где в это время отмечена повышенная численность воробьиных птиц - основного кормового объекта зимующих перепелятников.

Характер весеннего и осеннего пролета представлен в табл. 2, При всей отрывочности данных можно выявить некоторые закономерности: пик осеннего пролета (58,1% всех осенних встреч) приходится па октябрь, весеннего (66,7%) - па апрель.

Месяц	Число встреч	% всех встреч	Сезон	% встреч в данном сезоне
IX	23	8,4	Осенний пролет (n=93)	24,7
X	54	19,8		58,1
XI	16	5,9		17,2
XII	17	6,2	Зимовка (n=51)	33,3
I	20	7,3		39,2
II	14	5,1		27,5
III	40	14,6	Весенний пролет (n=129)	31,0
IV	86	31,6		66,7
V	3	1,1		2,3

Таблица 2. Сезонные особенности распределения перепелятников в Узбекистане (по данным регистрации 273 встреч)

Распределение зимующих перепелятников в течение декабря - февраля достаточно равномерное. В ноябре осенний пролет, видимо, заканчивается, и остаются только зимующие птицы (5,9% общего числа встреч). В марте (14,6% всех встреч) начинается весеннее пролетное движение.

Осенью появление первых пролетных птиц в центральных Кызылкумах отмечено 25.09.41, 21.09.71, 12.10.72, 12.09.73, 10.09.74, 8.10.84, причем пролет здесь в основном проходит в октябре. В низовьях р. Зарафшан перепелятники добыты 17.10.35 (Даль, 1936), под Самаркандом - 27.10.30 и 8.10.33 (Богданов, 1956), в окрестностях Ташкента - 1.10.09, 13.10.10, 18.10.11, 6.10.25 г. (кол. ТашГУ), на Кокбулаке - даже 28.09.07. В октябре перепелятники появляются и на юге Узбекистана, в Сурхандарьинской области, где 9.10 встречены в горах Акташа и 19.10 в Кугитанге (Салихбаев, Остапенко, 1964). В коллекции Ташкентского университета хранится явно пролетный экземпляр самки, добытый 13.10.28 в Душанбе.

Весной последние птицы в долине р. Сурхан отмечены 12.04 (Остапенко и др., 1978), в окрестностях Самарканда - 20.04.28 и 30.04.32 (Богданов, 1956), в горах Моголтау - 29.04.33 (Р. Н. Мекленбурцев). Под Ташкентом наиболее поздние из добытых особей датированы 26.04.07 (самец и самка) и 26.04.37 (кол. ТашГУ). В центральных Кызылкумах наиболее поздние встречи перепелятников зарегистрированы 20.04.73, 22.04.80, 29.04.81 и 27.04.85, хотя основная масса птиц пролетает здесь в конце марта - начале апреля.

Гнездовые биотопы перепелятника в Узбекистане своеобразны. Это преимущественно участки арчово-лиственных лесов в горно-лесной зоне, чаще по долинам рек. Характерно, что в Аксакате и на Сохе они располагались в березовых рощах или на участках леса, где имеются березы. В хр. Нуратау перепелятники гнездятся в спелых, созданных человеком более 100 лет тому назад лесосадах, в древостое которых преобладает грецкий орех, произрастают шелковица, яблоня, абрикос, ива, тополь и др. Вместе с тем, в Туркестанском, Зарафшанском и Байсунтауском хребтах перепелятники в летнее время наблюдались на участках высокоствольных арчовых лесов, где лиственные породы преимущественно в виде мелкоколосья приурочены к руслам рек и полянам.

В вертикальном направлении перепелятники на гнездовании отмечены в Нуратинском хребте (Коршунова, Коршунов, 1983) в пределах 1000 - 1400 м над ур. м. (выше лесосады, в которых они гнездятся, не растут). В западном Тянь-Шане в Аксакате гнездовая пара отмечена на высоте 1400 м над ур. м., причем нигде ниже птицы не отмечены. В Чаткальском заповеднике по Башкызылсаю встречены на высоте 1600 - 1800 м над ур. м., на Алайском хребте гнездо найдено на высоте 1800 - 1900 м над ур. м. (Мекленбурцев, 1962). В хребте Байсунтау перепелятники отмечены нами до высоты 2200 - 2500 м над ур. м. (верхняя граница смешанных арчово-лиственных лесов).

В хр. Нуратау, по данным Е. Н. и Е. Н. Коршуновых (1983), на территории заповедника площадью 220 км² гнездится не менее 8 - 9 пар (3-4 пары на 100 км²); западнее, в лесосадах ур. Сентябрь, на 74 км² встречено не менее 3 пар (4,1 пара на 100 км²). Численность перепелятника в пересчете на площадь лесосадов составляет в первом случае 31-35, во втором - до 60 пар на 100 км². Такой высокой численности в горных системах западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая в пределах Узбекистана нигде больше не отмечается. Р. Н. Мекленбурцев (1962) считает его нередким в Туркестанском и Алайском хребтах, где на экскурсиях за 7-10 дней он отмечается 1-2 раза. Примерно такая же численность перепелятника в смешанных арчово-лиственных лесах хр. Байсунтау. В западном Тянь-Шане за 2 недели работы в долине Аксакаты найдена 1 гнездящаяся пара, на территории горно-лесного Чаткальского заповедника - 2 (Башкызылсай). В целом он здесь весьма спорадичен и немногочислен, хотя встречается регулярно.

В Нуратау гнезда перепелятника отстоят друг от друга на 3-4, реже на 1-2 км, причем гнездовые участки обычно изолированы гребнями с безлесными склонами. Лишь в одном случае в ущ. Сентябрь гнезда двух соседних пар отстояли всего на 500 м. Гнездовые участки, видимо, постоянны у одних и тех же пар. Гнезда на следующий год могут устраиваться в другом месте, иногда отстоящем от прошлогоднего на 700-1200 м.

Следует отметить, что ни разу не отмечен случай гнездования чеглока выше по ущелью, чем перепелятника. Являясь более сильным хищником, к тому же раньше приступающим к гнездованию, перепелятник выбирает себе наиболее выгодные места гнездования. По отношению к коршуну и орлу-карлику безразличен, появляясь же в районе гнездования пустельги, немедленно подвергается нападению с ее стороны.

Для устройства гнезд перепелятник использует высокоствольные деревья преимущественно лиственных пород. В Нуратау гнезда найдены (n=32) на орехе (15), иве (13), реже на урюке, яблоне, боярышнике (4), в Аксакате - на березе (1), в долине р. Сох - в кроне арчи, густо оплетенной ломоносом. Высота расположения гнезд над землей колеблется от 5 до 12 м, в среднем 7-8 м. Обычно гнезда расположены на развилке ствола или боковой ветви в верхней части кроны.

Гнездо перепелятник строит сам, причем каждый год новое. В одном случае из 33 была занята прошлогодняя постройка. Материалом для гнезда служат тонкие веточки, тщательно и плотно укладываемые. Лоток выстилается еще более тонкими прутиками и кусочками коры деревьев. В целом гнездо не крупное: диаметр 28-63 см, высота 14-42 см. Лоток в виде нечеткого углубления до 10,5 см. По внешнему виду гнездо хорошо отличимо от гнезд других хищников.

На гнездовой участок птицы прилетают довольно рано (если не находятся тут постоянно). Так, 7.03. 84 мы отметили крики самца в небольшой роще Хаятсая (Нуратау) у прошлогоднего гнезда, вблизи которого сидела на ветке самка. Две пары перепелятников, встреченные неоднократно в одних и тех же местах в третьей декаде апреля, видимо, тоже находились на гнездовых участках.

Кладка яиц начинается в Нуратинском заповеднике с первых чисел мая, и, судя по срокам вылупления птенцов, продолжается у некоторых пар до конца второй - начала третьей декады мая (по наблюдениям за 32 гнездами) (Коршунова, Коршунов, 1983). Птенцы вылупляются с середины до конца

июня, а с середины до конца июля большая часть выводков оставляет гнезда. В Аксакате против устья впадающей в нее р. Кашкасу гнездо с 5 слабо насиженными яйцами найдено 27.05. 78. Свежерасклеванное черной вороной яйцо перепелятника найдено в долине Башкызылсая в Чаткальском заповеднике в середине июня. Выводок птенцов, уже покинувших гнездо, но еще находившихся вблизи него на деревьях, отмечен 7 - 10.08 в бас. р. Сох в правом притоке (Раутсай) (Мекленбурцев, 1962).

В полных кладках или недавно вылупившихся выводках перепелятника в 8 случаях найдено по 4 и в 5 случаях - по 5 яиц или птенцов, в среднем (n=13) 4,38. По наблюдениям в Нуратау, в среднем на 1 пару (n = 9) вылупляется 3,2 птенца, успешность гнездования составляет 1,9 слетка на пару. Отход яиц, таким образом, составляет 1,1 на гнездо («болтуны», «задохлики», поврежденные яйца), а смертность птенцов - в среднем 1,0 на пару.

Яйца с белым основным фоном, по которому разбросаны интенсивные чернотурные, иногда очень крупные пятна, мазки, пятнышки и точки. На некоторых яйцах рисунок только из мелких пятнышек и точек. Размеры яиц в среднем по Узбекистану (n=28) 41,14x33,31 (46,4-38,4x35,4-32,4) мм. Из них в Нуратау промерены 4 полные кладки. Размеры яиц в среднем по кладкам: 41,05x33,0 (4 яйца), 39,18x32,80 (4), 40,92x33,26 (5), 42,10x33,48 (5). Два яйца из очень крупной кладки были размерами 46,4x35,4 и 45,7x35,3 мм. Размеры трех одиночных яиц из разных кладок в среднем 40,43x33,90 мм (Коршунова, Коршунов, устное сообщение). Размеры яиц в кладке из долины р. Аксаката (западный Тянь-Шань) в среднем 40,48 X X32,68 (41,4-40,1x33,0-32,7) мм, масса их (слабо насижены) в среднем 22,38 (22,77-22,47) г.

Сведения о продолжительности отдельных этапов периода размножения у перепелятника с нашей территории отсутствуют.

Перепелятник почти исключительно орнитофаг, хотя иногда использует в пищу мелких грызунов (мыши полевки)

(Дементьев, 1951; Ковшарь, 1966). Самец ловит мелких воробьиных птиц, самка же чаще более крупную добычу. В гнездовое время под гнездом в Сохе найдены остатки щегла, рыжешейной синицы, седоголовой горихвостки, иволги, розового скворца, кукушки и двух молодых кекликов размером с горлицу (Мекленбурцев, 1958), в Нуратау - остатки серой и райской мухоловок, иволги, каменок, удода, кекликов (Коршунова, Коршунов, 1983) и сизого голубя. На зимовках в парках Ташкента и его окрестностей в остатках пищи на местах ночевки нами найдены перья черного и чернозобого дроздов, юрков, зябликов, домовых воробьев, овсянок, малой горлицы. В желудке добытой под Ташкентом птицы встречены остатки мышевидного грызуна (Матякубов, 1984). Регулярно охотится за ночующими в тростниках скворцами. На пролете в пустынной части республики отмечены нападения на пролетных жаворонков (серого и степного). На Устюрте в желудке добытого самца перепелятника найден зяблик, остатки перьев которого встречены и на месте отдыха другого хищника.

Из-за малочисленности перепелятника на большей части территории Узбекистана существенного вреда гнездящимся мелким воробьиным птицам он нанести не может. Специальных мер охраны не требует.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЮВИК *ACCIPITER BREVIPES SEV.*

Редкий пролетный вид Узбекистана.

Похож на перепелятника, в поле почти не отличим от него. При рассматривании вблизи отличается отсутствием рыжины на щеке, красновато-коричневым поперечным рисунком низа тела, без рыжеватого оттенка. Хвост самца с 6-7 поперечными полосами (у самца перепелятника их всего 4), причем средние рулевые у взрослых птиц одноцветны, и с более широкой предвершинной полосой. Радужина, как и у туркестанского тювика, красно-коричневая. Белая бровь, характерная для самки перепелятника, у самки европейского тювика почти не видна. Темная полоса на горле,

характерная для туркестанского тювика, имеется только у молодых птиц, у взрослых особей она отсутствует или слегка намечена. От туркестанского тювика взрослые особи европейского отличаются более темным верхом тела, с которым однотонны щеки. У молодых птиц европейского тювика снизу темные сердцевидные пятна, в то время как у молодых особей туркестанского тювика рисунок на груди в виде продольных полосок.

Гнездовой ареал европейского тювика включает юго-восток Европы и Передней Азии, на севере до долины р. Урал и на юге до северо-западного Ирана. В Средней Азии на пролете изредка встречается на Мангышлаке (Корелов, 1962; наши данные), в Туркмении (Зарудный, 1896; Дементьев, 1952), в бас. р. Сырдарьи (Зарудный, 1915, 1916).

В Узбекистане на весеннем пролете самец добыт 25. 05. 41 в долине среднего течения р. Амударьи у Дарганаты (Дементьев, 1952). Осенью добыт 17.09.08 в долине р. Сырдарьи у Казалинска (Зарудный, 1915, 1916). Экземпляр европейского тювика из южных подножий хр. Кульджуктау в южных Кызылкумах (Кашкаров и др., 1974 г.) хранится в коллекции ИЗИП АН УзССР. При переисследовании он оказался идентичным молодым туркестанским тювикам, добытым на осеннем пролете здесь же и в других районах Узбекистана.

На основании редких находок европейских тювиков на осеннем и весеннем пролете в Средней Азии следует предположить, что известная сейчас восточная граница гнездования этого вида по р. Урал не является пределом. По-видимому, европейский тювик спорадично гнездится по югу лесной зоны Западной Сибири и северного Казахстана.

ТЮВИК *ACCIPITER BADIUS GMEL.*

Гнездящийся в Узбекистане, перелетный вид, на зимовку не остается.

По общему силуэту птица напоминает перепелятника. Отличается от него заметно более светлым буровато-серым верхом тела. Щеки светлые, бледнее темени, а не рыжие, как у перепелятника. Хвост и низ крыла

заметно светлее темных маховых перьев. По светлому горлу проходит продольная бурая полоса, являющаяся видовым признаком тювика. Низ тела с поперечным коричневатым, а не рыжим, как у перепелятника, рисунком. Средние рулевые хвоста у взрослых особей не полосатые, отчего он у сидящих птиц выглядит одноцветным. Радужина красно-коричневая, а не желтая, как у перепелятника. Половой диморфизм выражен менее ярко, самка больше похожа на самца. Молодые сверху заметно темнее, низ тела с продольными темными пятнами. Голос («тю-ви, тю-ви») хорошо отличим от голоса перепелятника. На гнездовом участке в брачный период очень криклив.

Тювик широко распространен на гнездовании в низменной части Узбекистана, где приурочен к долинам крупных рек и к земледельческим оазисам. Нигде не поднимается в горы и практически не гнездится в местностях выше 1,0 - 1,2 тыс. м над ур. м., представляя в этом отношении замечательный викариат с перепелятником, который гнездится у нас только в горах, не спускаясь ниже 1000 м над ур. м.

В Сурхандарьинской области тювик в целом не очень многочислен в долине

Амударьи, где добыт 2. 06. 15 В. Я. Лаздиным в окрестностях Термеза (кол. ТашГУ) и отмечен для острова Арал-Пайгамбар (Воложенинов, 1983). Видимо, более обычен в долинах р. Сурхандарьи, где несколько гнезд найдено в тугаях у кишл. Салават и в 12 км выше г. Термеза (Степанян, 1970; Остапенко и др., 1978; Филатов, Кашкаров, 1979), а также по р. Шерабаддарье, где гнездящиеся пары наблюдались в пос. Шерабад (Степанян, 1970) и добывались в гнездовое время (Бианки, 1886). Вероятно, гнездятся в кишлачных садах по крупным поселкам (Вандоб, Шалкан, Тангидувал) у подножья хр. Кугитанг (Иванов, 1940; Салихбаев, Остапенко, 1964). И. А. Абдусалымов (1971) упоминает о гнездовании в долине р. Соленой (ур. Панджоб). Неясно, как далеко поднимается тювик на гнездовании по южным склонам Гиссарского хребта в пределах республики. Он был добыт у Байсуна (Алексеев, 1911).

Тювики гнездятся по всем древесным насаждениям долины р. Амударьи между Келифом и Чарджоу в пределах Туркменской ССР (Зарудный, 1881; Яценко, 1891; Дементьев, 1952). Относительно изолированный участок гнездового ареала

расположен в низменной части бассейна Кашкадарьи, где это обычная гнездящаяся птица. Гнезда и встречи его в гнездовое время известны из окрестностей г. Шахрисябза, Кызылдарьи у устья р. Танхаз, г. Карши, р. Чияльдарьи у кишл. Калкома (Дементьев, 1952; Мекленбурцев, 1958; кол. ТашГУ). В бассейне Кашкадарьи строго приурочен к ландшафтам речных долин и оазисов, отсутствует в долинах горных рек, даже там, где имеются густые сады в широких долинах (реки Аксу и Каттаурударья). Даже в районе кишл. Акчува на высоте, приближающейся к 1000 м над ур. м., добыта негнездящаяся птица (Мекленбурцев, 1958). Характерно, что в собственно Каршинской степи и в песках Сундукли тювик не отмечен даже для оазисов (Салихбаев, Остапенко, 1967).

Наиболее многочисленны наблюдения в бас. р. Зарафшан, где тювик регулярно гнездится от низовий реки вверх до г. Пенджикент. Гнездование, подтвержденное находками гнезд или регулярными летними встречами, известно для Алата, Свердлова, Шафиркана, Кагана, Бухары, Галаасии, Вогоутдина, Джильвана, Варданзи в Бухарском и Каракульском оазисах (Дементьев, 1952; Абдусалямов, 1971; Сагитов, Бакаев, 1980; кол. ТашГУ). Повидимому, тювики гнездятся по всей средней части долины Зарафшана, но конкретных находок между Бухарским оазисом и Самаркандом (здесь он, в частности, добыт 7-8.08.30 в Кермине), где он снова весьма обычен (Богданов, 1956), немного. Кроме собственно долины, тювик широко заселяет искусственные древесные насаждения культурной зоны, вплоть до их границ с пустыней Кызылкум на севере и подножья невысоких Каратепинских гор на юге (9.08.36 2 особи добыты; в Зиаддине). Выше Самарканда имеются летние находки и сборы тювика из Тайлака, Агалыка, Ургута, выше по долине Зарафшана до границ республики (Богданов, 1956).

О встречах тювика в мае на хр. Нуратау писал Р. Н. Мекленбурцев (1937), но добыты птицы не были. В дальнейшем этот вид здесь не находили (Салихбаев и др., 1970). Е. Н. и Е. Н. Коршуновы (1983) обнаружили в этом

хребте гнездование перепелятника, тювик отсутствует.

Тювик распространен на гнездовье в тугайных лесах и древесных насаждениях оазисов всей долины средней и нижней Амударьи, вплоть до тугаев дельты Куванджармы (Молчанов, 1912), Улькундарьи и Каттагару (Гладков, 1932). Гнездование или летние находки тювика установлены для Фараба, Кызылкумского заповедника, Ловака, Турткуля, Ургенча, Хивы, Нукуса, Шакалтугая и Бадайтугая, Кунграда, причем большинство авторов отмечают почти повсеместное распространение вида (Зарудный, 1916; Гладков, 1932; Костин, 1956; Салихбаев, 1956; Мамбетжумаев, 1968; Сагитов, Салимов, 1978; Абдреимов, 1981; Аметов, 1981).

Широко распространен тювик также в долине Сырдарьи в пределах Узбекистана, а также по среднему и нижнему ее течению в Казахстане. В Ферганской долине гнезда тювика отмечены в г. Фергане и на ст. Горчакове (Салихбаев, 1956), а встречи в гнездовое время по долине Сырдарьи от ур. Сарыкамыш до Фархадского водохранилища (Абдусалямов, 1971). По нашим наблюдениям, в целом численность тювика в Ферганской долине невысока, распространен он спорадично, в горах не встречается.

Особь, добытая Н. А. Зарудным (Иванов, 1969) на горе Муйнак в бассейне р. Исфара 27.06.08, оказалась бродячей, негнездящейся. Более обычен этот хищник в долине Сырдарьи в пределах Ташкентской области, особенно в хорошо сохранившихся тугаях в районе Дальверзина, Джидали, Баяута. Видимо, распространен по всему Ташкентскому оазису, а до 30 - 50-х гг. регулярно гнездился даже в центре Ташкента (Зарудный, 1915; Сатаева, 1937; Мекленбурцев, 1982). В настоящее время в городе отмечается только в пролетное время. По долинам рек Чирчик и Ангрэн, видимо, не поднимается выше одноименных городов, но точных наблюдений в этом районе мало. В долине р. Угам (верховья бас. Чирчика) наблюдался 10-11.06.49 несколько выше Булчалпаксая (Корелов, 1956). По Ангрэну гнездится в тугаях в окрестностях пос. Акча, но выше летом не отмечен. Единственная

встреча тювика в долине р. Кызылча (1500 м над ур. м.) относится к 6.05.77, когда еще не закончен пролет, а при многолетних работах здесь в июне-июле этот вид не обнаружен. С началом освоения Голодной степи тювика, видимо, расширили область гнездования, заселяя искусственные лесополосы 10-15-летнего возраста (Павленко, 1962), хотя в больших садах городов и селений этого района встречались и раньше (Зарудный, 1915). Из конкретных пунктов гнездование указано для Джизака и Заамина (Абдусаломов, 1971).

Весной тювик прилетает в Узбекистан в апреле, но отдельные экземпляры встречаются и раньше. Для крайнего юга республики (Сурхандарьинская область) прилет отмечен в первых числах апреля (Остапенко и др., 1978). Ранние сроки прилета (8.04.39 и 7.04.46) указаны для окрестностей Самарканда (Богданов, 1956), хотя самый ранний добытый экземпляр датируется 28. 04.34 г. В середине апреля тювики появляются в Ташкенте - 18. 04. 36, 13.04.67 (Сатаева, 1937; Матякубов, 1984) и примерно в это же время на средней Сырдарье - 15.04.28 (Джулек), в Каратау - 18.04 (Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962). Несколько более поздние сроки прилета тювиков приводятся для низовий р. Зарафшан (Шафиркан) - 16. 04. 67, 20.04.68, 24. 04. 78 (Сагитов, Бакаев, 1980).

Противоречивы данные о сроках появления тювика в низовьях р. Амударьи. Видимо, в целом ряде наблюдений фиксировались не первые экземпляры, а в ранних (мартовских) встречах он неверно идентифицирован и был смешан с многочисленным в это время на пролете перепелятником. Во всяком случае, во всех приводимых работах отсутствуют ссылки на добытые коллекционные экземпляры. Приводим имеющиеся сведения о датах прилета тювика в низовья Амударьи: 25.04. 57, 27.04. 59 (Рашкевич, 1965); 23.03.67, 5.04.68, 10.04.69 (Мамбетжумаев и др., 1973); 14.04.67, 21.04.69, 18.04.70 (Абдреимов, 1981); 22.04.73, 24.04.74, 28.04.75 (Аметов, 1981). 24.04.41 добыта самка на оз. Даман Хорезмской обл. (Урманова, 1982). Сроки,

приводимые Н. А. Рашкевичем (1965), кажутся нам слишком поздними, в других случаях (Мамбетжумаев и др., 1973) - нереально ранними.

Следует критически относиться к данным визуального определения сроков прилета тювика. Весенний пролет тювиков, особенно в пределах гнездового ареала, наблюдать очень трудно, так как они смешиваются с гнездящимися птицами. Явно пролетными можно считать птиц, отмеченных нами в центральных Кызылкумах, где тювик не гнездится. Здесь одиночные птицы отмечены в окрестностях г. Учкудук 22.04. 72, 22.04.76 и 24.04. 76. Пролет продолжается и в мае, когда в южных предгорьях Кульджуктау у пос. Гужумды одиночка отмечена 8.05. 1973. 14.05.73 здесь держалось 4 птицы, причем одна из них была поймана. Еще более поздний «запоздало пролетный экземпляр» добыт 21.05.12 у кол. Дорткудук в восточных Кызылкумах (Зарудный, 1915). Интенсивный пролет в начале мая зарегистрирован в центральной части Каракалпакского Устюрта, где 5 - 6. 05. 85 на станции Бердах О. Н. Сударевым добыты осмотренные нами самец и самка, а всего встречено до десятка птиц. На пролете тювики встречаются и в горах западного Тянь-Шаня, где отмечены в Наувалисае (дол. р. Пскем) между 20 и 30.04.53 (Корелов, 1956) и в долине Кызылча 26.04.77. К пролетной встрече мы относим и наблюдение птицы 6.05.77 на северной окраине г. Ташкента (Каракамыш).

Отлет тювиков происходит в сентябре, но точных сведений мало. Наиболее поздние из добытых экземпляров: в Ташкентской области - самец от 24.09.40 (Урманова, 1982), в окрестностях Самарканда 21.09 (Дементьев, 1952); А. Н. Богданов (1956) встречал самого позднего 27.09.46.

Отлет из низовий Амударьи начинается в конце августа - начале сентября (Рашкевич, 1965; Абдреимов, 1981). Последние экземпляры отмечены здесь 8.09.73 и 20.09.75 (Аметов, 1981). В Бухарском оазисе отлет датирован 15.09.67, но может задерживаться и до 1.10 (ст. Каракуль) (Сагитов, Бакаев, 1980). Как весной, так и осенью летят и в горах, где добыты на оз. Искандеркуль

(западная часть Гиссарского хребта) на высоте около 2000 м над ур. м. 30.08.15 и 7.09.32 (Богданов, 1956).

Гнездовыми станциями туркестанского тювика на территории республики являются тугайные заросли в поймах рек, лесозащитные полосы с деревьями в возрасте не менее 10-15 лет (Павленко, 1962), сады, городские парки и другие типы древесной растительности. Непременным условием гнездования тювика является наличие высокоствольных деревьев. В условиях городов он строит гнезда на самых высоких и недоступных деревьях. Во время пролета может быть встречен в несвойственных для гнездового времени ландшафтах - на равнинах, но на ночевку и здесь слетаются к одиночным деревьям или небольшим оазисам, как это было отмечено в Голодной степи (Боййоп, 1910), на Устюрте (О. Н. Сударев), в окрестностях Учкудука. Концентрация здесь пролетных воробьиных птиц создает ему хорошую кормовую базу.

Максимальная для Узбекистана численность тювика отмечена в долине р. Зарафшан в районе Самарканда и его окрестностей и в Бухарском оазисе. В Шафирканском районе на 15 км учета в лесопосадках отмечено 10 гнезд, в окрестностях Варданзинского заповедника на 3 км учета - 2 гнезда, по тугаям левобережья р. Зарафшан на 2 га - 3, в окрестностях аэропорта г. Бухары на 0,6 га - 1 гнездо (Бакаев, 1983). На территории Кызылкумского заповедника гнездится одна пара (Сагитов, Салимов, 1978). На 8 км учета в низовьях Амударьи отмечено 2 птицы (Абдреимов, 1981). Низкую численность птиц для этого района отмечают и другие авторы (Мамбетжумаев, 1968; Аметов, 1981). На некоторых участках, начиная от Бадайтугая, тювик может быть обычным (Костин, 1956). Так, он многочислен по лесистым берегам протоков дельты Улькундарьи и Каттагора (Гладков, 1932). В Ташкентском оазисе численность его в последние годы заметно снизилась, как и по всему среднему течению Сырдарьи. Н. А. Зарудный (кол. ТашГУ) и З. Л. Сатаева (1937) регулярно добывали и отмечали его в

окрестностях Ташкента и в самом городе. Еще в 40-50-х годах в центре города гнездились одиночные пары (Мекленбурцев, 1982), теперь же его нет и в ближайших окрестностях. По среднему течению Амударьи в прошлом столетии был многочислен (Зарудный, 1891; Ященко, 1891). На этом же уровне численность его сохранилась до настоящего времени (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение).

Гнезда тювик чаще строит сам, реже использует постройки других птиц. В долине Зарафшана из 16 осмотренных гнезд 10 были построены самой птицей, остальные - чужие (сороки - 2, грача - 1, черной вороны - 2, одно гнездо не указано; Сагитов, 1983). У кишл. Алат гнездо также размещалось в постройке сороки (Абдусалымов, 1971). В низовьях Амударьи одно из 5 найденных гнезд было в прошлогодней постройке черной вороны (Абдреимов, 1981), на хр. Кугитанг - одно на базе гнезда коршуна (Абдусалымов, 1971). Интересно, что при осмотре в низовьях Сырдарьи более 70 гнезд (Спангенберг, Фейгин, 1936; Кисленко, 1968) не отмечено ни одного случая гнездования его в чужой постройке. Гнезда тювика найдены в долине Зарафшана на акации (6), иве (3), тополе (2), абрикосе (1), лохе (1). В Фергане гнезда обнаружены на урюке, карагаче, акации, в Ташкенте - на тополях, в дельте Амударьи - на лохе, тополе и туранге.

Высота расположения гнезд колеблется от 6 до 15 м (чаще в 7-8 м). Располагается оно на развилке основного ствола, боковых ветвей в верхней части дерева. По форме гнездо напоминает перевернутый конус с узким основанием, расширяющийся кверху. Наружный каркас гнезда делается из сухих ветвей (ива, тополь, тамарикс, саксаул и т. п.), внутренняя часть заполняется более тонкими прутиками тех же растений. Лоток без мягкого материала, выкладывается небольшим количеством листьев, кусочками коры деревьев. В одном гнезде в выстилке были клочки шерсти домашних животных. В лотке гнезда, обнаруженного в низовьях Сырдарьи, найдена глина, скрепляющая прутья в выстилке (Спангенберг, Фейгин, 1936). Надо полагать, что в гнездо глина в

Таблица 3 Расчетные сроки начала размножения тювина в Узбекистане

Район	Апрел	Май			Июнь		Автор
	II	I	II	III	I	II	
Бас. р. Зарафшан		4	9	3	4	1	Богданов, 1956, Сагитов, Бакаев,
Низовья р. Амударьи	1		2	3	1		Абдуреимов, 1981, Мамбетжумаев, 1968
Среднее течение р. Амударьи		1				2	Кашкаров Д. Ю.
Бас. р. Сурхандарьи	1						Филатов, Кашкаров, 1979
Всего по Узбекистану	2	5	11	6	5	3	(32)

данном случае принесена не тювиком, так как это нетипично для хищных птиц в целом. Вероятно, описываемые гнезда принадлежали сороке и были перестроены тювиком. Одно из таких гнезд, с которого тювик скинул крышу и часть веток из боков гнезда, а глину оставил, описано И. А. Абдусалымовым (1971) из низовьев р. Зарафшан.

Диаметр гнезд (n=16) в долине Зарафшана 33 см, высота - 26,7, диаметр лотка - 16,7, глубина - 7,7 см; в низовьях Амударьи (n=5) диаметр гнезда - 33, лотка - 17, глубина - 6 см (Сагитов, Бакаев, 1980; Абдуреимов, 1981). •

Таблица 4 Плодовитость тювика в Узбекистане в зависимости от сроков начала кладки

Число яиц в кладке	Апрел	Май			Июнь		Всего
	III	I	II	III	I	II	
2				1		1	2
3		1	2	1	4		11
4	1	3	7	3			14
5	1	1	2				4
В среднем	4,5		3,8			3,2	3,6

Тювик приступает к размножению довольно поздно. Сразу же после прилета начинает встречаться на гнездовых участках, поправляя старые или начиная строительство новых гнезд. На юге Узбекистана (Остапенко

и др., 1978) птицы, образовавшие пары, отмечены 13.04, а 20.04 они уже приступили к строительству гнезд. На постройку гнезда уходит 8-10 дней. Так, гнездо, начатое 29.04, было закончено 8.05 (Абдуреимов, 1981). После завершения строительства самка сразу же приступает к кладке. Начатые кладки обнаруживаются уже в конце апреля и принадлежат, видимо, более старым птицам, прилетающим раньше и гнездящимся в готовых гнездах. Оптимальным сроком яйцекладки следует считать середину мая (табл. 3). В целом за последнюю декаду апреля и май яйца отложены в 24 из 32 осмотренных гнезд. Кладки, в которых яйца появляются позднее, следует считать повторными, взамен утерянных первых, так как у самки, начавшей кладку 15.05 (после разорения), первое яйцо повторной кладки появилось 26.05 (Мамбетжумаев, 1968), что свидетельствует о повторных случаях гнездования уже в конце мая. Кроме данных, учтенных в таблице, имеются сведения о находке гнезд с полными кладками в 3-4 яйца 23 и 29.05. и 10.06 в окрестностях Ферганы, 28. 05 - полной кладки и 2.07 гнезда с птенцами в окрестностях ст. Горчакове в Ферганской долине (Салихбаев, 1956). В Бухарском оазисе свежие кладки отмечаются с начала мая до первой декады июля (Бакаев, 1983). Полные кладки в низовьях Амударьи, чаще из 3 яиц, находили в конце мая, но еще в середине июля попадались гнезда со слабо

насиженными яйцами (Рашкевич, 1965). Случаи находки самых ранних птенцов в гнездах тювика в начале мая описаны Н. М. Масловым (1947) из Бухарского оазиса, им же описаны и самые поздние, когда 25.08 птенцы еще не покинули гнезда. Учитывая, что все сведения о размножении тювика автором были отнесены к перепелятнику, трудно говорить о достоверности этих данных. В других районах (Рашкевич, 1965; Сагитов, Бакаев, 1980; Абдреимов, 1981) пуховичков в гнездах встречали в июне, вылетали птенцы в июле и даже в августе (Мекленбурцев, 1958).

Растянность сроков размножения определяется прежде всего значительной гибелью гнезд. Гнезда, расположенные в антропогенном ландшафте, разоряются человеком, но большее число гнезд разоряется гнездящимися здесь же черными воронами и сороками. Кроме того, яйца и птенцы часто выпадают из гнезд при сильных ветрах. Так, в долине Зарафшана в 1967 г. из 15 яиц не вылетело ни одного птенца (3 погибли по вине человека, 3 - от ветра), в 1968 г. из 21 яйца 6 было уничтожено людьми (Сагитов, Бакаев, 1980).

В кладке встречается от 2 до 5 яиц (табл. 4). И. А. Абдусаламов, ссылаясь на Н. А. Зарудного, указывал на нахождение до 7 яиц в одной кладке, в среднем ($n=31$) - 3,6. Е. Н. Спангенберг и Г. А. Фейгин (1936) в низовьях Сырдарьи находили в полной кладке 3-4 яйца. В повторных кладках, как правило, только 3 яйца, а при следующем разорении - 2, которые чаще всего оказываются болтунами.

Размеры яиц тювика из долины Зарафшана в среднем $40,8 \times 32,3$ ($42,1-39,0 \times 33,5-31,6$) мм, масса свежих яиц $22,9$ ($20,0-26,3$) г, сильно насиженных - $19,9$ г. Размеры яиц одной кладки из низовьев Сурхандарьи (3): $40,0 \times 32,9$, $40,0 \times 32,3$, $41,3 \times 33,2$ мм (Филатов, Кашкаров, 1979).

Яйца из низовьев Сырдарьи (Кисленко, 1968) двух типов окраски - с бледно-голубым и белым фоном. У белых имеются бледные палевые глубокие пятна, усыпанные желто-бурыми точками и пятнышками, создающими «глинистый» рисунок на поверхности. Этот редкий тип окраски известен и по описаниям других авторов (Reiser, 1905; Makatsch, 1974).

Основным отличием от яиц перепелятника является отсутствие интенсивных чернотурых крупных поверхностных пятен.

По наблюдениям в Узбекистане, откладка яиц происходит через день (Сагитов, Бакаев, 1980; Абдреимов, 1981; Бакаев, 1983). Приводим данные наблюдений за отдельными кладками (первая дата откладка первого яйца, вторая - завершение кладки): 7.05 - 1 яйцо, 11.05 - 3 яйца; 14.05 - 1, 22.05 - 2; 12.05 - 1, 18.05 - 4; 12.05 - 1, 20.05 - 5; 14.05 - 1, 20.05 - 4; 27.04 - 1, 2.05 - 4. Вылупление птенцов в гнездах наблюдается на 30 - 34-й день (в среднем - 32,4), птенцы покидают гнезда на 27 - 30-е сутки. Доля неоплодотворенных яиц в кладках велика. В 1968 г. из 22 яиц 8 были неоплодотворенными.

Одним из основных компонентов питания тювика являются насекомые. Присутствие их в питании отмечено во всех районах Узбекистана (Салихбаев, 1956; Салихбаев, Остапенко, 1964; Рашкевич, 1968; Абдреимов, 1981; Бакаев, 1983; Матякубов, 1984; и др.). Для низовьев Амударьи доля насекомых в питании достигает 52%, в бассейне Зарафшана - 75%. Наиболее часто встречается саранча, крупные жуки, стрекозы, гусеницы. Грызуны указаны в питании тювика в сельскохозяйственных районах Ферганской долины (Салихбаев, 1956) и бассейна Зарафшана (Бакаев, 1983), где по встречаемости стоят на втором месте после насекомых и составляют 50%. Представлены они в основном мелкими мышевидными. Птицы встречаются в 10 - 50% проб корма. В основном это мелкие воробьиные, но иногда и более крупные - перепел, коростель, малая горлица, иногда стрижи (Мекленбурцев, 1958, 1982). Известен случай поимки рыжей вечерницы в Ташкенте, вылетевшей днем из дупла. В 10 - 30% случаев отмечены рептилии, причем иногда желудок был просто набит ими (Гладков, 1932); это пустынные гологлазы, быстрая ящурка и др. В Бухаре в 1930 г. тювики ловили преимущественно лягушек (Р. Н. Мекленбурцев).

Тювик является полезным видом, служит украшением древесно-парковых насаждений в городах и поселках. Подлежит охране, местами необходимо привлечение на гнездование.

ЗИМНЯК *BUTEO LAGOPUS PONT.*

В северных районах республики обычен на пролете, на зимовках встречается в оазисных зонах равнинного Узбекистана.

Зимняк мельче курганника. Несмотря на сильную индивидуальную изменчивость в окраске, легко отличим от других представителей рода. Верх от темно- до светло-серо-бурого с хорошо выраженной пестротой. Крылья снизу почти сплошь белые с черными концами маховых и черным пятном на сгибе. У светлых форм хорошо заметны темно-бурые пятна на груди и верхней части брюха. Хорошим отличием служит хвост, белый у основания, с широкой вершинной черной полосой. Лапа, в отличие от других видов канюков, оперена до пальцев. В полете часто зависает на одном месте, высматривая добычу.

Гнездовой ареал зимняка охватывает тундровую и лесотундровую зоны Евразии от Скандинавии до Тихого океана. На пролете и зимовках встречается во всех южных районах СССР, кроме крупных лесных массивов. Кроме номинативного подвида *B. l. lagopus*, в Узбекистане зимует также и восточносибирский подвид *B. l. pallidus*.

В пределах республики могут быть встречены во всех равнинных районах, но сведений о его наличии в Сурхандарьинской области нет.

Сроки осеннего появления и численность зимняка в Узбекистане сильно колеблются по годам и определяются в первую очередь обилием и доступностью жертв и климатическими особенностями как на местах гнездований, так и в более северных районах зимовок - на равнинах Казахстана и Южной Сибири.

Наиболее раннее появление зимняка зарегистрировано в окрестностях Самарканда - 21.09.48. Здесь же один экземпляр был добыт в сентябре 1936 г. (Богданов, 1956). В Кызылкумах и долине Зарафшана в октябре этот вид становится обычным, хотя отмечается не каждый год, а в ноябре встречается уже относительно регулярно. Появление зимняков осенью в Кызылкумах зарегистрировано 24.11.73,

20.11.75, 22.10.80, 4.11.81, 5. 10.82. В долине Зарафшана птицы добыты 12.10.31 на р. Карадарье и 17.10.38 в г. Самарканде (Богданов, 1956). Восточное, в районе Голодной степи и Ташкентском оазисе, встречи раньше ноября не известны. Так, в Голодной степи первые зимняки отмечены Д. Ю. Кашкаровым 6.11.84. В окрестностях Ташкента Н. А. Зарудный добывал их 15.11.08, 3.11.09, 16.11.13 (кол. ТашГУ), а З. Л. Сатаева (1937) отметила первого 28.11.28. Приведенные ею данные с ссылкой на Н. А. Зарудного о встрече зимняка в Ташкенте 28.08 не подтверждены фактическими доказательствами. Мы отметили пролет двух зимняков через город 20.11.75.

В земледельческих районах весенний отлет с зимовок проходит в марте, постепенно и малозаметно. Выраженная миграция с явным увеличением численности птиц наблюдается только в Кызылкумах, где последние особи отмечены 4.03.70, 23.03.73, 30.03.80, 19.03.81, 28.03.82, 3.03.85. На предгорных равнинах хр. Нуратау зимняк наблюдался 19.03.84, а последние особи в окрестностях Самарканда - 13.03.49 (Богданов, 1956). Мартом датируются последние встречи в окрестностях Ташкента - 27. 03. 07, 19.03.10 (кол. ТашГУ) и 4.03.29 (Сатаева, 1937). Наиболее поздние встречи (28 - 30.03) отмечены в северных районах центральных Кызылкумов, где птиц наблюдали на плакорах севернее г. Учкудук и в песках в районе колодца Тогузбай.

Обращает особое внимание встреча О. В. Митропольским группы из 3 птиц (судя по пестрой окраске спины, видимо, годовалых) в окрестностях Учкудука на участке с высокой численностью краснохвостой песчанки 8.05.79. Встречи зимняков после окончания весеннего пролета известны для районов, где вид не гнездится (Дементьев, 1951). Сущность этого редкого явления неясна. Возможно, задерживаются молодые холостующие особи. Поздние весенние встречи зимняков (23 и 27.04.66) указаны и для южных склонов Кураминского хребта (Абдусаламов, 1971).

Распределение зимняка по некоторым природным районам во время его пребывания

Таблица 5 Сезонное распределение зимняка в ландшафтах Узбекистана

Географический район	Кол-во встреч							
	всего встреч	по месяцам, %						
		IX	X	XI	XII	I	II	III
Пустыня Кызылкум	52		17,3	15,4	11,5	11,5	3,8	40,5
Земледельческие оазисы:								
Долина Зарафшана	22	9,5	14,3	4,8	14,3	28,6	19,0	14,3
Голодная степь	72			2,8	87,4	5,6	2,8	1,4
Ташкентская область	72			11,1	27,8	25,0	22,2	13,9
В целом по оазисам	166	1,2	1,8	6,6	51,8	16,9	13,2	8,5
Всего по Узбекистану	218	0,9	5,5	8,7	42,3	15,6	11,0	16,0

в Узбекистане представлено в табл. 5, составленной по оригинальным материалам и просмотренным коллекциям.

На пролетах зимняки встречаются на большей части пустынных районов Узбекистана. Однако по Каракалпакской части Устюрта конкретных наблюдений мало. Самец добыт И. И. Колесниковым 10. 11.44 на чинках Устюрта в районе кишла. Джанаберлик (кол. ТашГУ). В Кызылкумах зимняки встречаются с октября по март, причем в период осеннего пролета (октябрь - ноябрь) и весной (март) численность их заметно выше, чем зимой. По данным многолетних наблюдений, в Кызылкумах из 52 встреч 32,7% приходится на осень, 40,5 - на март и только 26,8 - на зимние месяцы. В Кызылкумах за 12 лет отмечены только 4 случая зимовки зимняка и лишь в годы с повышенной численностью краснохвостой песчанки в ландшафтах плато и подгорных равнин, при отсутствии сплошного снегового покрова.

В отличие от курганника, зимняки, видимо, не способны эффективно охотиться на больших песчанок, у которых хорошо развита система звуковой сигнализации, благодаря чему они легко обнаруживают невысоко парящего хищника. Все птицы, встреченные в массивах барханных песков, относятся к пролетным экземплярам.

Наибольшая концентрация зимующих особей характерна для оазисной зоны, где

почти ежегодно наблюдается высокая численность домовых мышей, иногда краснохвостых песчанок и слепушонок, активных в бесснежный период. На зимний период приходится 75% встреч вида в Ташкентском оазисе, 95,9 в Голодной степи и 61,9 в долине Зарафшана. Несколько реже зимняки встречаются в Бухарском оазисе, где мы наблюдали их 24.11.73. Южнее мест основных зимовок (долина Зарафшана, Голодная степь и среднее течение Сырдарьи) зимняки проникают в незначительном количестве. Мы наблюдали их в равнинной части Кашкадарьинской области (окрестности Мубарека) 24.02.72 и в Карнабчульской степи (колодцы Игрича и Тутли) 30.11 - 2.12.84.

Зимняк - обычный вид для среднего течения Сырдарьи; видимо, проникает и в Ферганскую долину, где одиночная птица отмечена 17.01.73 на северных склонах Алайского хребта у пос. Сырт. Горных районов на зимовках избегает из-за обилия здесь снега, но на пролетах пересекает их, о чем свидетельствуют встречи птиц на оз. Искандеркуль и в окрестностях Душанбе (Иванов, 1969).

По своим трофическим связям зимняк типичный миофаг. В пустынных ландшафтах питается краснохвостой песчанкой, в земледельческих районах - домовой мышью и слепушонкой. Возможно, добывает полевок (в Ташкентском оазисе киргизскую, по

долине р. Зарафшан и в Нуратау афганскую). Охотится преимущественно с воздуха при парении на небольших высотах, зависая над одним местом. Редко подкарауливает слепушонок, сидя на земле у выходов свежевыкопанных нор.

Уничтожает большое количество грызунов в оазисной зоне, принадлежит к полезным видам, заслуживает охраны.

МОХНОНОГИЙ КАНЮК *BUTEO HEMILASIUS TEMM.*

Видимо, очень редко встречается в некоторые зимы в равнинных и предгорных районах восточного Узбекистана.

Ареал приурочен к горным системам Центральной Азии от Алтая, Тарбагатая и восточного Тянь-Шаня до хребтов Хингана и северных склонов Гималаев. Подвидов не образует.

Распространение в Узбекистане не изучено, что объясняется ненадежностью визуальных определений канюков, особенно в зимнее время, когда в республике возможно обитание четырех видов с чрезвычайно развитой индивидуальной изменчивостью окраски.

Указания на возможность зимнего пребывания мохноногого канюка в Узбекистане неопределенны и приурочиваются к верховьям Амударьи (Зарудный, Билькевич, 1918) и Ферганской долине (Иванов, 1940, 1969). Достоверные сведения о случаях появления вида в восточном Казахстане (Корелов, 1962) и в долинах северной Киргизии (Янушевич и др., 1959) позволяют предполагать возможность встреч этого вида в зимнее время в республике.

КУРГАННИК *BUTEO RUFINUS CRETZ.*

Обычная гнездящаяся птица всех равнинных районов республики. Немногочисленна на гнездовании в горно-лесной зоне. Регулярно встречается на пролетах, кочевках и зимовке как в пустынях, так и в оазисах.

Наиболее крупный из сарычей. Индивидуальная изменчивость велика. Отдельные экземпляры почти одноцветные

темно-бурые как сверху, так и снизу. От обыкновенного канюка отличается светлым, беловатым надхвостьем, в основном не полосатым хвостом, очень светлым, со слабой рыжиной. Голова и грудь у большинства птиц светлые, желтовато- или охристо-белые, остальная часть контурного оперения рыжеватого-коричневая. Белые «зеркала» на крыльях заметно крупнее, чем у обыкновенного канюка, поперечная полосатость на крыле слабо заметна и только на второстепенных маховых.

Отдельные цветовые вариации очень похожи на обыкновенного канюка (*B. buteo burmanicus*, *B. b. vulpinus*). *B. b. vulpinus* также отличается слабой полосатостью хвоста, но курганник заметно крупнее обоих указанных подвидов. Голос в брачный период на гнездовом участке звучит как тоскливое, монотонное «кау-кау-кау». Слышать его можно редко, обычно при беспокойстве птиц у гнезда.

Ареал вида охватывает большую часть пустынно-степной зоны от Северной Африки, через Переднюю и Среднюю Азию и Казахстан до Монголии и северного Китая. В Узбекистане, как и на всей территории СССР, распространен номинативный подвид *B. r. rufinus*.

На территории республики встречается по всему Каракалпакскому Устурту, где гнезда найдены как на депрессиях ландшафта (обрывы, скалы, чинки), так и на одиночных или растущих группами деревьях, искусственных сооружениях (мазары, развалины, опоры ЛЭП и др.) (Гладков, 1935; Костин, 1956; Сабилаев, Мамбетжумаев, 1969; и др.; наши наблюдения).

В Кызылкумах курганник является обычной гнездящейся птицей в годы с высокой и нормальной численностью грызунов и становится чрезвычайно редким в период депрессии их численности. В северных Кызылкумах (Казахстан) встречается по всему левобережью Сырдарьи от восточного побережья Аральского моря (Зарудный, 1916) до окрестностей г. Туркестан (Зарудный, 1915; Спангенберг, Фейгин, 1936; Кривошеев, 1958, 1962; Кисленко, 1968; Степанян, 1969; Корелов,

1962). На территории Узбекистана многочисленные встречи в гнездовое время и находки гнезд свидетельствуют о практически повсеместном распространении его здесь, вплоть до кромки оазисов (Зарудный, 1915; Захидов, 1971; Лаханов, 1965; 1977; Сабиллаев, Мамбетжумаев, 1969; наши наблюдения). Довольно обычная гнездящаяся птица Каршинской степи и Карнабчуля (Салихбаев, Остапенко, 1967; наши данные). Обычен на аллювиальной равнине древней дельты Амударьи, в Ташаузской области и в Хорезме, в Сарыкамышской впадине (Костин, 1956).

В долине Зарафшана обычен в низинной части как на гнездовании, так и на пролете (Бойлоп, 1910; Даль, 1936). Гнездится в Каратепинских горах под Самаркандом (Богданов, 1956), в антропогенном ландшафте на территории совхоза Гульбулак (Сагитов, 1978). В хр. Нуратау более многочислен в его западной части (Джингилсай, Сайхансай), где имеются поселения краснохвостой песчанки (Салихбаев и др., 1970; наши данные), в небольшом количестве встречается по северным склонам хребта в его центральной

части (Е. Н. Коршунова, устное сообщение). Гнезда с кладками осмотрены нами в горах Пистелитау близ пос. Учкулач и южнее оз. Тузкан; судя по встречам птиц в гнездовое время, он здесь обычен. В юго-восточной оконечности Нуратау гнездо найдено у совхоза Галляарал (Салихбаев, 1956).

В настоящее время в Голодной степи найден на ее северной границе с неосвоенными землями и на кромке тугаев юга Чардаринского водохранилища. В пределах освоенных земель отсутствует.

Найден на гнездовании в южных отрогах Казгурта в окрестностях ст. Джилга и Дарбаза (Мекленбурцев, 1956) и северо-восточнее г. Сарыагач по каменистым обнажениям правобережья р. Келес (Фоттелер, 1979) на территории южного Казахстана. Это наиболее близкое гнездование курганника к Ташкенту, в окрестностях которого он бывает только на пролетах и зимой (Аюпов, 1978; Мекленбурцев, 1982). Гнездится в Бостанлыкском районе (Корелов, 1956), на границе Чаткальского заповедника (Петров, 1958). Нами его гнезда найдены в верховьях р. Аксаката (бас. Чирчика) на высоте 1300 м над ур. м. и в долине р. Кызылча (верховья р.

Ангрен) на высоте 1800 м. Судя по встречам, на гнездовье курганник должен быть по всей предгорной зоне западного Тянь-Шаня, хотя и с невысокой численностью. Найден на гнездовании в Моголтау и по северным склонам Туркестанского хребта (Абдусалымов, 1971). В Ферганской долине гнезда приурочены к остаточным поселениям большой песчанки и обнаружены нами в Язъяванских песках, в окрестностях поселков Олтикуш, Яккатут, между Ферганой и Чимионом. Неоднократно наблюдался в горной части долины Кашкадарьи и Чияльдарьи, гнездится в окрестностях пос. Хитай на Танхасе (Мекленбурцев, 1958). Гнездящиеся пары встречены по предгорьям Ку-гитанга и Бабатага (Е. Л. Шестоперов, по Иванову, 1940). Регулярна встречается по долинам Сырдарьи и Амударьи.

Курганник - типичный номадный вид, кочующий к местам повышенной численности грызунов, являющихся его основными кормовыми объектами. Более или менее постоянным население курганника остается только в гнездовой период. После становления молодых на крыло начинаются кочевки.

В зоне пустынь (Кызылкумы) под воздействием засухи и жары в позднелетний период, когда дневная активность грызунов резко сокращается и время их пребывания на поверхности в светлое время дня становится недостаточно долгим для обеспечения успешной охоты взрослых птиц и выводка, курганники откочевывают севернее, где основные жизненные процессы грызунов более растянуты. Явление это было уже давно замечено орнитологами и обобщено в региональной сводке (Корелов, 1962). Увеличение числа особей этого вида отмечено нами и в высокогорной части Ангренского плато, где имеются поселения реликтового суслика с высокой численностью. С наступлением осенних холодов, уходом в спячку многих видов грызунов, появлением снежного покрова курганники начинают откочевку к югу, что создает впечатление осеннего пролета, интенсивность и продолжительность которого обусловлены синоптической

обстановкой. В годы с нормальной численностью грызунов в Кызылкумах зимой курганник является одной из самых многочисленных хищных птиц.

Весной птицы, гнездящиеся севернее южной границы сплошного снежного покрова, пролетают к местам гнездования, когда местные популяции уже приступили к гнездованию (с конца февраля до первых чисел апреля). Кроме таких сезонных перекочевок, отмечены перемещения и большего масштаба, сопряженные с динамикой численности грызунов. Так, в годы депрессии численности грызунов (1977 - 78, 1983 - 84 гг.) курганник исчезает на огромных площадях и появляется вновь при заселении этих территорий грызунами. Определяющим фактором при этом является численность большой песчанки. В предгорной и горно-лесной зонах западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая вне ареала большой песчанки, где курганник преимущественно питается рептилиями, население его более постоянно. Встречается он здесь каждый год, но с относительно постоянной низкой численностью.

Являясь одним из фоновых видов птиц равнин Узбекистана, курганник распространен очень широко. Встречается в различных типах ландшафта. Это песчаные пустыни с саксаульниками, горы-останцы со скалами, овраги, сухие русла, речные долины, глинистые и песчаниковые обрывы. В условиях монотонных равнин присутствие его зависит от наличия удобных мест для гнездования (одиночные деревья, выходы скал или каменистых обнажений, геодезические вышки, опоры ЛЭП, мазары, кошары и др.).

В горах более или менее обычен в пределах горно-лесного пояса и в предгорной зоне. Негнездящиеся особи, видимо, неполовозрелые и уже закончившие размножение, встречаются в высокогорьях до 3 тыс. м. над ур. м. Тугайных зарослей, сплошных лесных массивов, густых искусственных посадок саксаула избегает, встречается только на границе их с открытыми ландшафтами. В период зимовок и пролета отмечен и в культурной зоне.

Численность курганника в пустынной зоне зависит от плотности поселений большой песчанки, с которой он тесно связан. Это явление, описанное на большом материале из Муюнкумов (Тристан и др., 1965), проявляется в полной мере также и на нашей территории. Если в хр. Букантау (центральные Кызылкумы) в годы с нормальной численностью большой песчанки (1979, 1980 гг.) на участке до 250 км² находили до 10 - 12 гнездящихся пар (по одной в каждом крупном ущелье), то в 1983 г. за полтора месяца работы на гораздо большей территории найдено всего 2 гнездящиеся пары. В пустынной зоне численность его еще ниже. Если в нормальные годы за весенний сезон обнаруживают 20 - 22 гнезда, а птицы встречаются много раз в день, то при низкой численности большой песчанки отмечаются 1 - 3 гнезда за весну, а птицы встречаются 1 раз в 3 - 4 дня. Это объясняется откочевкой как взрослых, так и неполовозрелых, негнездящихся особей, усиливающих впечатление многочисленности вида.

В благоприятные годы на бетонных столбах по подгорной равнине севернее г. Учкудук на 35 км линии электропередач учтено 4 обитаемых гнезда с птенцами. В песках Джаманкумы западнее г. Зарафшан и в песках северо-западнее хр. Кульджуктау занятые гнезда имеются на каждой пятой или шестой металлической опоре. На аллювиальной равнине древней дельты Амударьи встречено 3 пары на 30 га, а вдоль южного чинка Устюрта на 5 км учтено 7 гнезд, из которых 4 обитаемых (Костин, 1956). По учетам в саксаульниках севера Каракалпакского Устюрта (плато) зарегистрировано 0,5 - 1 гнездо и 2 - 4 птицы на 1 км. На равнинах здесь же численность гораздо ниже (1 птица на 30 - 40 км), а гнезда не найдены вовсе (Сабилаев, Мамбетжумаев, 1969). По данным этих же авторов, в северо-восточных Кызылкумах в русле Джанадарьи на 1 - 2 км учета встречено 1 - 1,5 жилых гнезда, в ячеистых песках и шлейфах на 3 - 5 км 1 гнездо, в плакорных равнинах на 5 - 7 км 1 гнездо. Эти данные не согласуются с приводимыми этими же

авторами итогами учета, когда на 5 тыс. км пеших и автомобильных учетов зарегистрировано 15 гнезд.

Иначе обстоит дело в районах, где большая песчанка отсутствует (хр. Нуратау, Голодная степь, предгорья и горно-лесная зоны западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая). Численность курганника здесь постоянно низкая и не подвержена значительным колебаниям. На правом берегу Келеса на участке адыров, пересеченных песчаниковыми обрывами, численность его достигает 3 - 4 пары на 35 км², что для этих мест следует считать высоким показателем. В Нуратинском заповеднике ежегодно находят не более 1 гнезда на площади 22 тыс. га (Е. Н. Коршунова, Е. Н. Коршунов, устное сообщение). В остальных районах редок. В Ферганской долине общая численность гнездящихся пар невелика, но в поселениях большой песчанки, к которым они приурочены, довольно обычны. В Язъяванских песках 27 - 28. 03. 79 на площади около 500 га песков найдено 3 жилых гнезда с кладками.

Гнезда курганник устраивает на деревьях (саксаул, карагана, песчаная акация, ива, джунгил), скалах, чинках, песчаниковых и глинистых обрывах. В горных районах все известные гнезда были размещены на скалах, даже при наличии древесной растительности (хр. Нуратау, западный Тянь-Шань, Гиссарский хр.). Лишь одно гнездо в бассейне Аксакаты, расположенное на обрыве, снизу было подперто аркой (Корелов, 1956). На линиях электропередач гнезда располагаются в местах перекрещения опоры с траверсой, прикрепления изоляторов. На бетонных столбах с одной поперечной перекладиной гнезда были обнаружены на 3 из 178 осмотренных. Более удобны и чаще используются металлические опоры. На некоторых участках таких линий гнезда хищных птиц встречаются на каждой второй опоре, из них более половины гнезд построены курганником.

На Устюрте известны гнезда, располагавшиеся на могильных постройках, тригопунктах, одно было устроено на плоской крыше дома на нежилом

приколодезном участке. Иногда для гнездования используются старые постройки других хищных птиц (гриф, беркут), в которых обновляется только лоток. В качестве основания для сооружения могут использоваться гнезда пустынного ворона. В основном же курганник строит гнезда сам. Гнезда используются многократно. В одном и том же гнезде на одиночном саксауле пара курганников имела кладку в 1979, 1980, 1982 и 1983, гг., причем оно надстраивалось минимально только по краям лотка, который перестилался заново. Как правило, вблизи жилого гнезда имеется от 2 до 5 старых полуразвалившихся и относительно целых гнезд, использовавшихся раньше и находящихся в пределах видимости. В случае гибели кладки одно из них занимает для повторного гнездования.

Высота расположения гнезд от земли зависит от высоты развилки ствола на выбранном дереве. Основная масса гнезд в Кызылкумах находится на высоте 2 - 2,7 м, однако встречались гнезда на высоте от 0,7 - 0,8 и до 4,5 - 5 м от земли. Это всецело зависит от состояния саксауловых лесов, наличия или отсутствия в них высокоствольных деревьев. На участках зарастающих саксауловых вырубках гнезда чаще, чем в спелых лесах, встречаются на карагане и песчаной акации, не используемых при заготовке дров местным населением, ввиду чего они гораздо выше и предпочтительнее для птиц при выборе мест для гнезд. На скалах предпочитают наиболее труднодоступные карнизы, выступы, ниши.

В останцовых горах Кызылкумов, где скальные породы сильно разрушены и почти повсеместно легко проходимы, осмотр гнезд не вызывает затруднений.

Гнездо курганника - довольно рыхлое нагромождение сухих ветвей саксаула, джузгуна, песчаной акации, в горах - арчи, лиственных деревьев и кустарников. Грубые сучья и ветки укладываются в основе и стенках гнезда, заменяясь ближе к лотку мелкими прутиками, веточками, кустиками полыни, часто встречаются обломки сухих зонтиков ферулы вместе с семенами, трава и пр.

Диаметр гнезда до 1 м, в среднем 85 - 90 см, однако оно кажется больше из-за торчащих концов ветвей. Высота гнезда 50 - 55 см (от 42 до 70), иногда встречаются 2-, редко 3-слойные. Лоток выстилается пучками злаков, часто с корнями, обрывками влагилиц ферулы, веточками полыни, встречаются обрывки тряпок, бумаги, вата, куски веревок, полиэтилена, иногда клочья шерсти, бересты, очень редко одиночные перья. Диаметр лотка 22 - 29,5 см, глубина - 5,5 - 8,3.

Сроки размножения курганника необходимо рассматривать в связи с динамикой численности большой песчанки, их определяющей. В пределах ее ареала курганник гнездится в Кызылкумах и на Устюрте. При общей растянутости сроков гнездования отметим, что только отсюда известны самые ранние, начатые в феврале кладки (n=16).

Рассматривая начало размножения вида в Кызылкумах отдельно по годам,

Район наблюдений	Число кладок, начатых в									Источник сведений (число кладок)*	
	февраль			март			апрель				
	1	2	3	1	2	3	1	2	3		
Устюрт				1	5	1	2	1			Костин, 1956 (8); Сабиллаев, Мамбетжумаев, 1969 (1)
Кызылкумы	1	4	11	24	29	36	15	4	5	Лаханов, 1977 (4); Сабиллаев, Мамбетжумаев, 1969 (1)	
Долина р. Зарафшан							1			3 Богданов, 1956 (1); Сагитов, 1978 (3)	
Хр. Нуратау и Пистелитау				2	2	2	1			Салихбаев, 1956 (1); Салихбаев и др., 1970 (2);	
Горы Западного Тянь-Шаня							2			1 Коршунова, Коршунов устно (2);	
Ферганская долина					3	2				Корелов, 1956 (1)	
Итого по Узбекистану	1	4	11	32	37	43	17	5	9		

* Остальные кладки по данным авторов.

Год	Число кладок, начатых в									Численность большой песчанки	
	Февраль			Март			Апрель				
	1	2	3	1	2	3	1	2	3		
1976						1			1	5	Депрессия
1979		2	5	7	3	3			2		Высокая
1980			1	6	16	12			2	1	Начало снижения
1981				2	3	5	7	3	1		Низкая
1982	1	2	1	6		3	3				Депрессия
1983					1	1	1				Депрессия
1985					1	2	1				Депрессия
Итого	1	4	9	22	26	23	12	3	5		

характеризующимся разной численностью большой песчанки, отметим, что самые ранние (февральские) кладки чаще встречались в 1979 г. в местах плотных поселений грызунов. По мере снижения численности большой песчанки пик размножения курганника смещается на более поздние сроки (1980 и 1981 гг.) таким образом, что появление птенцов в гнездах соответствует периоду появления молодняка в колониях зверьков.

Наличие большого числа жертв в ранневесенний период (1979 г.) стимулирует и раннее начало кладки. По мере стабилизации численности большой песчанки на минимальном уровне (повсеместно менее одного зверька на 1 га) в 1982 - 1985 гг. первые яйца в гнездах курганника начинают появляться в более сжатые сроки, в основном во второй половине марта и апреле. Наличие в 1982 г. значительного числа (n=10) кладок, начатых в феврале и первой декаде марта, связано с тем, что исследования проводились на участке с остаточной довольно высокой численностью большой песчанки в горах-останцах центральных Кызылкумов (2 - 5 зв/га). После резкого падения численности зверьков зимой 1982 - 1983 гг. за весь весенний сезон в этих же районах найдено всего 3 гнезда, также начатых в марте - апреле.

При сравнении расчетных сроков начала кладки в период депрессии численности большой песчанки на территории Кызылкумов с данными из районов, где большая песчанка отсутствует (Нуратау, дол. Зарафшана, западный Тянь-Шань) видна их синхронность. То же наблюдается и в Ферганской долине, где из-за интенсивного освоения песков, населенных большой песчанкой, численность ее стабильно

находится на низком уровне. Размножение курганника здесь, как и в ранее названных районах, тоже начинается позднее.

Пуховички в гнездах начинают появляться в середине апреля. В мае кладок уже мало, в большинстве гнезд птенцы опереются, некоторые вылетают из гнезда в середине и конце месяца.

Имеются сообщения о кладке яиц в последней декаде марта - начале апреля в юго-западных Кызылкумах (Лаханов, 1965; 6 гнезд), на Устюрте и в северо-западных Кызылкумах (Сабиллаев, Мамбетжумаев, 1969; 5 и 10 гнезд). Эти сроки согласуются с общим ходом размножения курганника.

Яйца курганника с крупнозернистой матовой скорлупой. Поверхностные пятна бурые, обычно немногочисленные, сконцентрированы на одном из полюсов яйца. Глубокие элементы рисунка в виде серовато-лиловых пятен разбросаны по всей поверхности. В целом яйца малопятнистые, основной фон всегда хорошо заметен. В некоторых кладках яйца почти белые. Размеры яиц следующие: Ферганская долина (n=15) - 61,33X47,27 (64,3 - 58,3x49,8 - 45,2) мм, масса (n=12) - 71,86 (77,0 - 62,1) г; долина Ангрена, Кызылча (n=1) - 63,3X46,8 мм; среднее течение р. Келес (n=7) - 58,60X45,93 (60,0 - 56,9X48,2 - 42,4) мм; хр. Нуратау и горы Пистелитау (n=6) - 60,28x45,73 (60,9 - 59,5X46,8 - 44,6) мм; Кызылкумы (n=130) - 58,88X45,81 (64,7 - 53,9x50,0 - 41,4) мм, масса (n=31) - 64,1 (78,4 - 48,6) г; Устюрт (n=15) - 61,31X47,09 (62,7 - 58,8X47,5 - 46,0) мм; в среднем по Узбекистану (n=174) - 59,37X46,06 (64,7 - 53,9x50,0 - 41,4) мм, масса (n=46) 66,09 (78,4 - 48,6) г.

В полной кладке курганника от 1 до 7 яиц (в среднем 3,3), число которых, как и сроки размножения, находятся в прямой зависимости от динамики численности большой песчанки. Так, средние размеры кладки в гнездах, начатых в феврале (что происходит только на фоне высокой численности грызунов), выше, чем в гнездах, где откладка яиц происходила в марте и апреле (табл. 6), а крупные кладки (5 - 7 яиц) отмечены только при высокой плотности поселений зверьков. При падении их

Таблица 6 Плодовитость курганника в зависимости от начала сроков размножения

Плодовитость курганника в зависимости от начала сроков размножения

Число яиц или птенцов в гнезде	Февраль			Март			Апрель			Из них кладок		Срок откладки неизвестен
	1*	2	3	1	2	3	1	2	3	с яйцами	с птенцами	
1												
2		2	1	7	8	5	1			1	6	1
3	1		2	15	6	7	9			25	12	4
4		2	3	6	8	12	3	2	1	25	17	2
5		1	3	4	5	4	3			14	12	
6		1	1		3					7	6	
7					1				1	3	3	
За декаду	3,0	3,8	4,1	3,2	3,6	2,5	2,5	3,0	2	3	3	
За месяц		3,9			3,1			3,1	4,1	3,3	3,2	

* Декада.

численности отмечаются мелкие кладки. Минимальный средний размер кладки курганника в Узбекистане наблюдается в районах гнездования его вне ареала большой песчанки (долина р. Зарафшан, хр. Нуратау и Пистелитау, пески севернее Айдарских разливов, предгорья западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая).

Приводим данные по плодовитости курганника в зависимости от численности большой песчанки.

У птиц, гнездящихся в 'Ферганской долине на изолированных поселениях большой песчанки с постоянно низкой численностью, размер кладки близок к кызылкумским показателям при тех же грациях численности зверька.

составляли грызуны, в гнездах находили от 2 до 5 яиц, наиболее часто - по 3 (Сабилаев, Мамбетжумаев, 1969). В Кульджуктау, из 230 проб корма 216 составляли рептилии и лишь 11 - млекопитающие, среди которых не было ни одной большой песчанки. В 2 гнездах было по 3 яйца, в 3 - по 2, и в 1 гнезде - 1 яйцо (Лаханов, 1965). В более поздней работе этот же автор указывает на находку 29 яиц в 12 кладках (Лаханов, 1977).

Таким образом, интенсивное раннее размножение при большем числе яиц в кладке связано со вспышками численности большой песчанки. При низкой численности зверька или вне его ареала, когда основу питания курганника составляют рептилии, число яиц в кладке сокращается и происходит она в

Численность большой песчанки	Число яиц или птенцов в кладке							Средний размер кладки
	1	2	3	4	5	6	7	
Высокая и нормальная		1	15	17	13	6	3	3,9
Низкая и депрессия	6	23	16	5				2,4
Низкая (Ферганская долина)		1	3	1				3,0
Вне ареала большой песчанки	3	8	5					2,1

В литературе для некоторых районов приводятся обобщенные данные по плодовитости курганника. Так, Н. А. Зарудный (1915) в Кызылкумах встречал в гнездах от 2 до 4 птенцов. На Устюрте в годы, когда 50 - 65 % в питании хищника

более поздние сроки. Аналогичные выводы были сделаны и для территории Муюнкумов (Тристан и др., 1964).

По наблюдениям в Узбекистане, яйца курганник откладывает через день, насиживание длится около 35 дней, а птенцы

покидают гнездо, через 45 - 47 дней. Так, в Куль-джуктау 18.03 гнездо было еще пустым, 19, 21 и 23. 03 было отложено по одному яйцу, птенцы из них вылупились 24, 25 и 26.04 и покинули гнездо до 10.06 (Лаханов, 1965).

В гнездах курганника «болтуны» отмечены в 9 кладках; в 7 случаях по 1, в 2 - по 2 (полные кладки из 2 и 3 яиц). В 2 случаях найдено по 1 яйцу с погибшим эмбрионом. Об относительной редкости появления неоплодотворенных яиц можно судить и по среднему числу яиц и птенцов в кладке, которые у курганника практически одинаковы. Смертность птенцов, видимо, достаточно велика. При наличии крупных 5 - 7-яйцовых кладок вылетающих или уже полностью оперенных птенцов более 4 в гнездах не отмечалось. При среднем числе пуховичков 3,8 на гнездо среднее число оперенных птенцов составляет 2,6. Разница между этими двумя цифрами (1,2) составляет птенцовую смертность, причем в основном за счет гнезд с большим числом птенцов. В 6 случаях, когда кладки состояли первоначально из 2 - 3 яиц, вылетели все молодые.

Гибель гнезд происходит по разным причинам: от заморозков (1), от камня, случайно упавшего в гнездо с нависающей над ним скалы (1), в результате разорения пустынным вороном (5). В песках окрестностей кол. Бургак (север узбекских Кызылкумов) на сидящую в гнезде самку курганника напала пара пустынных воронов, которые по кругу, один за другим, пикировали на нее, пролетая буквально в нескольких сантиметрах над прижавшейся к гнезду птицей. После нескольких таких атак курганник слетел с гнезда, и яйца были расклеваны воронами.

Курганник - хищник, специализирующийся на добыче большой песчанки. Одним из наиболее распространенных способов охоты является высматривание зверька с возвышенного места (скала, дерево и т. п.) недалеко от облюбованной колонии. После выбора жертвы птица слетает вниз и, планируя очень низко над землей, прикрываясь неровностями рельефа и растительностью, подлетает к зверьку и

нападает на него. При охоте на рептилий иногда зависает в воздухе, тяжело взмахивая крыльями.

Основной корм курганника - большая песчанка. В зимнее время он кормится практически только ею. Из других млекопитающих ловит мелких песчанок (полуденную и краснохвостую), тонкопалого и желтого сусликов, слепушонок, в горах реликтового суслика и полевок. Изредка в питании отмечаются зайцы и ушастые ежи. Рептилии в годы с высокой численностью песчанок составляют в рационе незначительную долю и, напротив, являются основным кормом в годы депрессии численности грызунов. Так, в Кульджуктау, по наблюдениям за 45 дней, в гнездо было принесено 185 круглоголовок, 10 ящурок, 15 удавчиков, 3 стрелки, 3 мелкие черепахи; 14 проб составляли грызуны (слепушонка, заяц-толай) и птицы (славка-завирушка) (Лаханов, 1965). В Кызылкумах курганник регулярно добывает степную агаму, полозов и других змей. В предгорьях Гиссарского и Байсунского хребтов в составе корма обычен желтопузик, который отмечен и в остатках корма у гнезда в Нуратау. Питание птицами для курганника в целом нетипично, хотя в период массового появления слетков воробьиных птиц он активно охотится за ними. Мы находили в гнездах слетков двупятнистого и хохлатого жаворонков. В лотке гнезда, отмеченного южнее Утемурата, было найдено целое вареное куриное яйцо, подобранное птицей у дороги среди остатков завтрака проезжающих людей.

Деятельность человека в основном вреда курганнику не приносит. Напротив, зона его гнездования на равнинах расширяется в связи с использованием искусственных сооружений. Истребляя в массе грызунов, многие из которых вредны для человека, курганник приносит пользу. Специальных мер охраны не требует.

САРЫЧ *BUTEO BUTEO L.*

Пролетный весной и осенью, зимующий в Узбекистане вид. На зимовках остается в небольшом количестве, придерживаясь долин рек и земледельческих районов.

Хищник средних размеров. Оперение варьирует от темно-бурого до очень светлого, часто с сильной рыжиной. От других видов канюков отличается многочисленными, порой неясными поперечными полосами на хвосте. На крыле зеркало, образованное белыми основаниями маховых. Крылья с выраженной полосатостью. У светлых форм хорошо заметно черное пятно на сгибе крыла. Низ тела у взрослых особей с более или менее заметными поперечными полосами, у молодых - с продольными пятнами.

Гнездится по всей лесной зоне палеарктической Евразии от Западной Европы до Тихого океана. Ближайшие к Узбекистану районы гнездования приурочены к зоне еловых лесов северного Тянь-Шаня (Джунгарский, Заилийский хребты и Кунгей-Алатау), западнее и южнее которых сарыч не гнездится. Указание на гнездование в горных лесах Ташкентской области (Матякубов, 1984) не соответствует действительности.

Распространение сарыча в Узбекистане своеобразно. Обильный пролет известен для долины средней Сырдарьи, равнинной части Ташкентской области и Голодной степи. Западнее, в Кызылкумах и долине Зарафшана, численность этого вида заметно ниже, а в долине средней и нижней Амударьи встречается единично. На пролете из долины средней Сырдарьи сарычи, видимо, пересекают горные хребты западного Таджикистана, снова становясь относительно обычными в долине верхней Амударьи, в частности в Сурхандарьинской области. Западнее этого пролетного пути, в равнинной части бассейна Кашкадарьи, встречаются очень редко. Данные о пролете сарыча в Каракалпакской части Устюрта отсутствуют.

Осенний пролет в восточных частях Узбекистана начинается в августе. Так, по наблюдениям Г. П. Третьякова, в 1974 г. в районе Айдарских разливов первые пролетные сарычи отмечены 23.08, преимущественно одиночками, реже - группами в 2 - 3 птицы. Пролет продолжался весь сентябрь, причем в некоторые дни птицы встречались в больших количествах. Так, 8.09 отмечены непрерывно летящие в юго-

западном направлении стаи из 30 - 35 птиц. 15.09 за 1 ч на высоте 800 - 1200 м пролетело примерно 2 тыс. сарычей, на следующий день отмечено около 200 птиц. Интенсивный пролет продолжался и 20 - 22.09, причем в первый день за 4 ч пролетело около 1 тыс. птиц.

Массовый пролет сарычей, иногда скоплениями до 100 и более птиц, наблюдается ежегодно в середине сентября в долине р. Келес севернее Ташкента. По сообщению Д. Ю. Кашкарова, 10.09.79 в поле зрения одновременно находилось до 50 сарычей. В 1984 г. первые особи появились здесь 8.09, а 15.09 уже наблюдался массовый пролет. С меньшей интенсивностью их миграция продолжалась в октябре. В частности, еще 25.10.75 одиночные сарычи летели в течение всего дня. 24.10.77 отмечены 4 пролетные птицы в Голодной степи. Окончание осеннего пролета установить трудно, так как часть особей остается на зимовку, но еще 15.11.84 2 птицы встречены в районе г. Джизака, где они зимуют очень редко, а группа из 3 птиц - в долине р. Санзар на перевале в долину Зарафшана, т. е. в районе, где могли быть только пролетные особи.

На осеннем пролете в Кызылкумах сарычи немногочисленны и отмечаются не ежегодно. В 1980 г. большая часть встреч прихлась на 22.10 - 16.11.80. В это время при массовом размножении песчанок на участках плато и в антропогенном ландшафте в районе городов Учкудук и Зарафшан отмечены 10 птиц (преимущественно одиночки). Одиночный пролетный экземпляр встречен в барханных песках в окрестностях колодцев Кунек (север центральных Кызылкумов) 8.10.27.

В долине Зарафшана сарыч встречается на пролете редко (Богданов, 1956). Южнее Бухарского оазиса в районе водохранилища Тудакуль 2 одиночные птицы зарегистрированы 17 и 22.11.84. Конкретный материал по осеннему пролету сарычей в долине Амударьи, в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях отсутствует. Вид не известен на пролете и по восточному побережью Аральского моря (Зарудный, 1916; Березовский, 1983).

В зимний период на большей части

территории Узбекистана сарычи встречаются относительно редко и одиночными экземплярами. Они наиболее обычны в Ферганской долине, где регулярно встречались зимой 1970 - 1974 гг. в районах Вуадила, Пунгана, Чуста, Андижана, Касанся, Тергачи, Урганджи над полями и в адырах. По многолетним наблюдениям, численность сарычей здесь в декабре - феврале в основном постоянна. Встречаются они практически ежедневно и держатся поодиночке. В меньшем количестве зимующие сарычи обнаруживались в оазисах Голодной степи, в Ташкентской области и в долине Зарафшана на участках с развитой древесной растительностью и в тугаях. На территории Голодной степи 3 птицы встречены 13.01.78 в направлении дороги от р. Сырдарьи на Джизак. По Ташкентской области данные более многочисленны. Так, в коллекции Н. А. Зарудного сохранились 7 экз. из окрестностей Ташкента, добытых в периоды с декабря по февраль 1905 - 1913 гг. Здесь они отмечались и в последние годы (10.01.74, 10.01.85). В декабре 1975 г. сарычей неоднократно встречал О. Н. Сударев в Дальверзине.

В долине р. Санзар зимующих сарычей мы отмечали 7.12.75 (2 одиночные птицы) и 26.02.76 (одиночка). Редок на зимовках под Самаркандом, где 1 экз. добыт 4.02.27 (Богданов, 1956). На севере Бухарского оазиса одиночку наблюдали 15.11.70. Редко сарычи зимуют в низовьях Амударьи, известна одна встреча 2.12.59 в тугае Назархан (Рашкевич, 1962).

Время откочевки местных зимующих птиц и начало весеннего пролета транзитных особей установить трудно. Массовый весенний пролет, также приуроченный к среднему течению Сырдарьи, приходится на март - апрель. На юге Узбекистана в низовьях р. Сурхан первые сарычи отмечены 3.03.75, последние - только 2.05, причем за весь срок пролетело всего 17 птиц (Остапенко и др., 1978). В Каршинской степи в районе Сухта самец добыт 6.04.64 (кол. ИЗиП). Как и осенью, многочислен на пролете весной в Голодной степи (Loudon, 1910; Зарудный, 1915; Павленко, 1962), где образует скопления как на пролете, так и на ночевках.

Начало весеннего пролета в Голодной степи мы наблюдали 2.03.84 (за день зарегистрированы 3 птицы). В долине р. Зарафшан они добыты 8.04.31 и 14.03.41 (Богданов, 1956). В предгорьях Нуратинского хребта (окрестности пос. Кушрабат) 18.03.84 отмечено 5 птиц, пролетевших одна за другой. По северному берегу Айдарских разливов, западнее пос. Баймурат, пару сарычей видели 1.04.74; 7.04.82 здесь же за 3 ч пролетело 25 птиц (Лановенко, Абдуназаров, 1983). Наиболее поздняя встреча птиц весной в Голодной степи зарегистрирована 30.04 (Павленко, 1962).

В центральных Кызылкумах, где сарычи и весной относительно редки, птицы отмечаются в марте (15 встреч) и апреле (5 встреч), но сроки пролета очень растянуты. Так, 5.03.77 встречены 2 экз.; 10.03.78 - 4; 2 - 9.03.81 - 4; 23.03.81 - 1; 11 - 13.03.80 - 4; 17.04.73 - 2; 23.04.77 - 1; 3.04.80 - 1; 8.04.81 - 1. Можно предположить, что за весну через центральные Кызылкумы проходит 2 - 3 небольшие волны пролета. На появление стаи сарычей примерно из 10 особей в середине апреля в Тамды указывает Н. А. Зарудный (1915). В эти же сроки проходит их пролет в северо-западных Кызылкумах (район Тахтакупыра), где 4 птицы отмечены нами 27.03.77.

Биологических наблюдений над пролетными и зимующими сарычами очень мало. На зимовках птицы придерживаются земледельческих районов, долин рек и аридной зоны предгорий, где имеются поселения мышевидных грызунов (мыши, серые полевки и слепушонки). Особенно часто можно видеть охотящихся сарычей над рисовыми полями в долине Сырдарьи и над межами хлопковых полей. В желудке очень жирной самки (масса 972 г), добытой в середине декабря в Дальверзине, обнаружены остатки 2 домашних мышей и 1 медведки.

Подвидовая принадлежность птиц, встречающихся в Узбекистане в разные сезоны, изучена плохо. Коллекционные экземпляры и немногие добытые особи позволяют считать, что осенние и весенние пролетные птицы представлены в основном *B. b. vulpinus*, гнездящимся в лесных зонах восточной Европы, Западной Сибири и

северного Тянь-Шаня. Птиц этой формы добывали в среднем течении Сырдарьи как осенью, так и весной (15.09.84; 30.09.07; 5.10.06 и 11.03.13), в Каршинской степи - 6.04.64. Возможно, к этому подвиду относятся определенные фенотипически как кавказский *V. b. menetriesi* птицы из коллекции ТашГУ, добытые 9.04.12 в Голодной степи (Н. А. Зарудный) и 11.04.26 в окрестностях Ташкента (Д. Н. Кашкаров). Не исключено, что это действительно кавказские птицы, увлеченные массовым потоком мигрирующих *V. b. vulpinus*. В зимние месяцы представители этого подвида не добывались. Основная масса зимующих птиц представлена, видимо, восточно-сибирской формой *V. b. burmanicus*. Птицы этого подвида не образуют у нас больших скоплений, держатся рассредоточенно и поодиночке. Из окрестностей Ташкента Н. А. Зарудным в 1907 - 1910 гг. (кол. ТашГУ) добыто 9 экз. с 22.11 по 4.04 (в ноябре - 2, январе - 2, феврале - 2, марте - 2, апреле - 1). 1 экз. найден в декабре в Дальверзине. Зимующие птицы этой формы известны также из Ферганской долины (Андижан, Ош) (Иванов, 1969). К ней же относятся редкие зимние находки сарычей из Туркмении (Дементьев, 1952).

ЗМЕЕЯД *CIRCAETUS GALLICUS* GMEL.

Гнездится в горно-лесной зоне, пустынных и низкогорных районах. На зиму улетает.

Размером с курганника. Характерна крупная голова с большими желтыми глазами. Верх темный. Горло и верхняя часть груди бурые, у отдельных особей светлые (вариация *hyroleuca*). Низ тела и крылья светлые, с поперечным рисунком на груди и редкими поперечными полосами на маховых, вершинные части которых темные. Хвост относительно длинный, с двумя узкими полосами и одной широкой вершинной (как у осоеда). Клюв и ноги голубовато-серые. В полете много парит, часто с полусогнутыми крыльями, зависает над одним местом.

Гнездовой ареал охватывает большую часть Африки, южную и среднюю Европу,

южную половину западной части Азии. В Узбекистане гнездится характерная для Средней Азии форма *S. g. heptneri*.

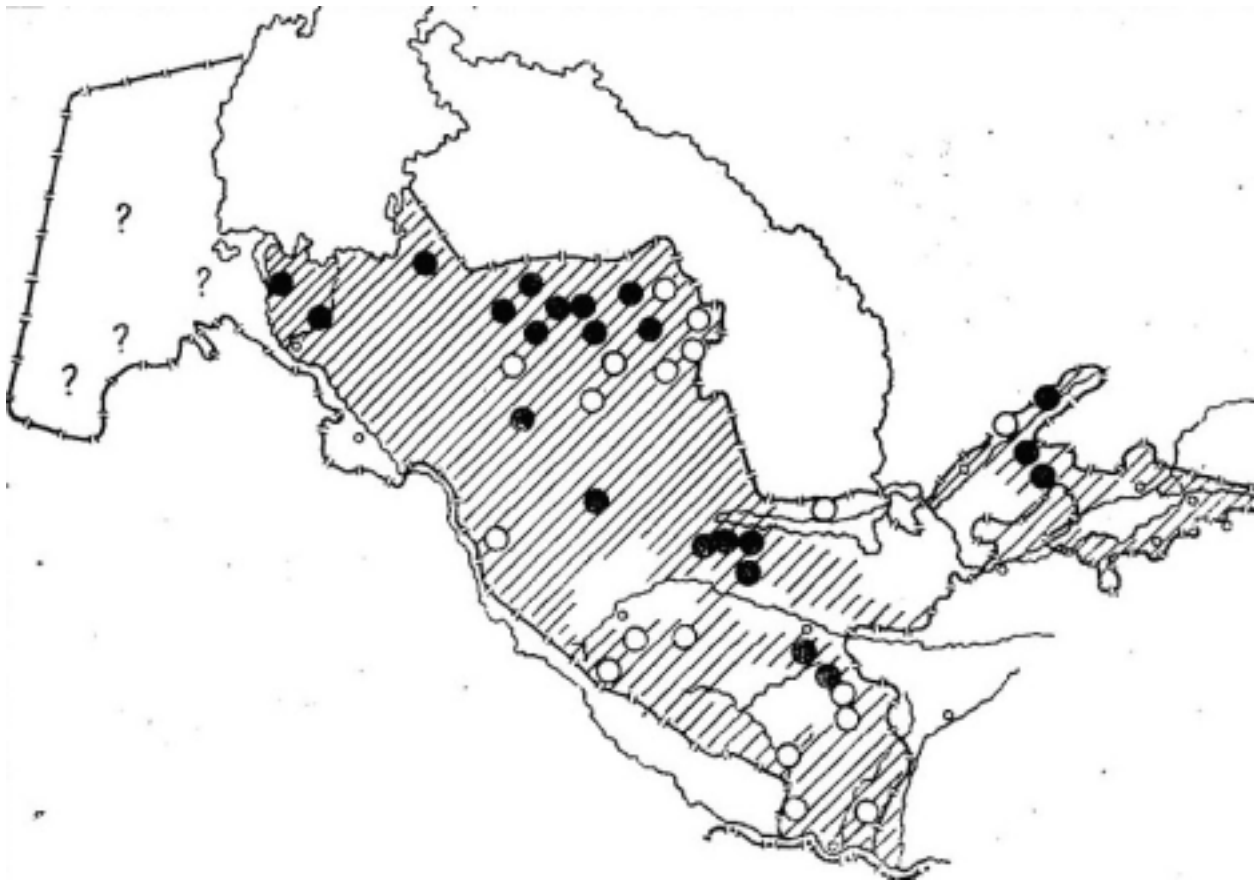
Широко распространен на территории Узбекистана. Отсутствует только в зоне высокогорий и в земледельческих районах. В Кызылкумах на гнездовье встречен во многих районах, что свидетельствует о повсеместном распространении его здесь. Так, на севере узбекистанской части Кызылкумов гнезда найдены нами в окрестностях пос. Акбугет, колодцев Костере, Кунек; гнездовые пары обнаружены у колодцев Жалпактау, Култумсек, Акбайтал, Таспен, Сагинбай, Узункудук. Н. А. Зарудный (1915) наблюдал змеяда у колодца Саймон на границе Узбекистана и Казахстана. Севернее гнездование и летние встречи этого вида известны для Кызылординской области (Зарудный, 1916; Спангенберг, Фейгин, 1936; Смирин, 1959; Корелов, 1962).

В центральных Кызылкумах найден нами в хр. Букантау и на его подгорной равнине (колодцы Турбай и Куркудук), в Минбулакской котловине, Бузаубайских песках, Джаманкумах, Тамдытау, Аристанбельтау. Здесь же его наблюдали Н. А. Зарудный (1915), Т. З. Захидов (1971). Еще южнее гнездо найдено в долине между Ауминзатау и Кульджуктау (Лаханов, 1965). Судя по встреченным нами в гнездовой период птицам, обитает по всей территории южных

Кызылкумов, но находок гнезд отсюда не известно. В низовьях Амударьи добыт по Куаньшдзарме 2.08.1911 Л. А. Молчановым (1912). А. М. Мамбетжумаев (1968) обнаружил гнездо в Сарыкугае. Единственное указание на гнездование змеяда на Устюрте в пределах Узбекистана (Костин, 1956) ошибочно и должно быть отнесено к курганнику, однако, судя по доказанному гнездованию змеяда на сопредельных территориях, его обитание здесь вероятно.

Гнездится в прилежащих к Каршинской степи горах, изредка залетает в пески (Салихбаев, Остапенко, 1967). Наблюдался охотящимся у Авазчиля (Мекленбург-цев, 1958).

Широко распространен в предгорной и, преимущественно, горно-лесной зонах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. В западном Тянь-Шане

в пределах Узбекистана гнездование змеяда доказано в долинах рек Пскем, Угам, Чаткал, Ангрэн (Н. А. Зарудный - рукопись; по А. И. Иванову, 1969; Корелов, 1956, 1962; Пляскин, 1983; А. Назаров, устное сообщение; наши наблюдения). В Аксу-Джабаглинском заповеднике найден на гнездовании А. Ф. Ковшарем (1966).

По Ферганской долине сведения о распространении змеяда отсутствуют. Из-за почти полного освоения долины встретить его можно, видимо, только в ее горном обрамлении.

В Нуратау отдельные пары гнездятся в районах Сайхана, Джингилсая, Джуша (Салихбаев и др., 1970) и в ур. Сентяб (Коршунова, Коршунов, 1983). Неоднократно наблюдался на осеннем и весеннем пролете в окрестностях Самарканда вверх по р. Зарафшан до кишл. Суджен и южнее Пенджикента (Богданов, 1956; Абдусаламов, 1971). По северо-западным оконечностям Гиссарского хребта встречен на небольших высотах в окрестностях пос. Хитай, в долине Чияльдарьи, а также на осеннем пролете у пос. Чиракчи (Мекленбурцев, 1958). Изредка мы отмечали его в летнее время в долине р. Каттаурударья.

Южнее Н. А. Зарудным (по Иванову, 1969) наблюдался в ар-човниках Кугитанга и фисташниках Бабатага. На острове Арал-Пайгамбар в дельте Амударьи южнее Термеза Г. И. Ишунин нашел гнездо с птенцом (Салихбаев, Остапенко, 1964). При обследовании поймы этой реки от ст. Мукры до Дарганаты летом 1984 г. змеяда не встречен ни разу (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение).

Сведений по миграциям змеяда немного.

Осенний пролет начинается незаметно. Уже в конце июля - начале августа отмечаются птицы, явно не связанные с гнездовой территорией, - «бродячие». Н. А. Зарудный (1916) наблюдал таких птиц 11.06 и 5.08 на островах у восточного побережья Аральского моря. В Кызылкумах мы отмечали их с 19.07. У пос. Карасу (бассейн р. Зарафшан) добыт Р. Н. Мекленбурцевым 21.08.38, у г. Ташкента - 25. 08. 09, у пос. Пскент (Ташкентская обл.) - 13. 08. 26 (Н. А. Зарудный, Д. Н. Кашкаров, кол. ТашГУ). За многолетний период наблюдений в Кызылкумах мы отметили змеяда всего 8 раз - в III декаде сентября - октябре, причем 2 наиболее поздно зарегистрированные птицы

(возможно, одна и та же особь) встречены в окрестностях г. Зарафшана 24. 10. 80. В окрестностях кишл. Суджен в долине р. Зарафшан змеяед встречен 3. 10. 52, 1 экз. добыт под Самаркандом 17.10.47 (Богданов, 1956). В районе пос. Чиракчи (долина Чияльдарьи) 22 - 26. 09 пролетных птиц наблюдал Р. Н. Мекленбурцев (1958), причем в жаркое время дня они отдыхали группами по 3 - 4 особи. На южном побережье Айдарских разливов встречен 10.07.74 (Филатов, кол. ИЗиП). Зимние находки в пределах республики отсутствуют.

Весенний прилет начинается в середине марта, причем птицы сразу же появляются на гнездовых участках, хотя кладка происходит намного позднее. Южнее Пенджикента пролетные птицы отмечены 24.04 (Абдусаломов, 1972). Под Самаркандом змеяед добыт 19. 04. 27 (Богданов, 1956), в окрестностях Ташкента 6.04.09 и 31.03.13 (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ). Нами в Кызылкумах первые особи встречены 18.04. 72; 27.03.75; 19.04.79; 24.03.80; 23.03.81; 19.04.82 и 5.04.85. Пролетных птиц наблюдали в устье Сырдарьи 16.04. (Березовский, 1983). 1 экз. добыт у Казалинска 23.04.11 (Зарудный, 1916). Во всех случаях пролетные особи отмечены нами по одной, редко - парами. Общее число встреч невелико. Поэтому вызывают сомнение результаты наблюдений Е. Н. Лановенко, Б. Б. Абдуназарова (1983) в юго-западной части Кызылкумов севернее Айдарских разливов, где за 3 ч через учетную полосу пролетело 37 змеяедов. Во всяком случае, пролет такой интенсивности нигде не отмечался, а скопление в стаи не характерно для этого вида (Корелов, 1962; наши наблюдения). Пролет одиночных птиц, видимо северных популяций, продолжается до последних чисел апреля, когда у местных особей уже начинается кладка.

По вертикальному распространению змеяед должен быть отнесен к птицам равнин, предгорий и горных лесов. В западном Тянь-Шане он отмечен гнездящимся на высоте до 2500 м над ур. м., хотя лишь редкие пары гнездятся в зоне арчовника (выше 1600 - 1700 м). В бассейне

Чияльдарьи самое высокое гнездование (1600 - 1800 м) найдено у нос. Хитай (Мекленбурцев, 1958). В Байсунтау встречен нами до высоты 2000 м над ур. м.

Гнездовые станции змеяеда разнообразны. Широко распространен па гнездовье в Кызылкумах и на подгорных равнинах. В западном Тянь-Шане и Памиро-Алае населяет горные леса, перемежающиеся горностепными участками. Встречается в тугаях крупных рек. В безлесных останцовых горах Кызылкумов более редок, гнездится на скалах. Основное условие при выборе гнездового участка - наличие крупных рептилий с дневной активностью (змеи, степная, туркестанская агама, желтопузик и пр.) в сочетании с удобными местами для устройства гнезд (саксаульники, горные леса, тугаи, одиночные деревья, реже кусты, скалы).

Численность змеяеда из-за осторожности его в гнездовой период определить непросто. В Букантау на 250 км² (безлесные горы) ежегодно гнездится 1, реже 2 пары. При стационарных работах в Нуратинском заповеднике (220 км²) змеяед не найден. Многолетнее гнездо известно из ур. Сентяб (Коршунова, Коршунов, 1983) и на горе Санджартау близ пос. Нурак. В центральных и северных Кызылкумах за 2 месяца разъездных работ на территории в 2 - 3 млн. га отмечено не более 4 - 5 гнездящихся пар. В горных лесах западного Тянь-Шаня змеяед - самый обычный и многочисленный из орлов (Корелов, 1956). По нашим наблюдениям, в долине р. Аксаката (бассейн Чирчика), от ее верховьев до впадения Нурекаты (100 - 110 км²), гнездится не менее 3 - 4 пар.

В песчаных массивах и на подгорных равнинах Кызылкумов гнезда устраивает на невысоких кустах саксаула, песчаной акации и караганы, растущих, как правило, в межбарханных понижениях. Высота постройки от земли 1,3 - 1,8 м, редко до 2,5 м. 1 гнездо найдено в центре поросли саксаула всего в 20 см от почвы. В Букантау 2 гнезда располагались в небольших ущельях на выступах скалы, причем одно было устроено в лотке нежилого гнезда черного грифа, другое - на базе старого гнезда курганника. В западном Тянь-Шане 2 гнезда

(Н. А. Зарудный, рукопись, по Иванову, 1969; А. Назаров, устное сообщение) найдены на высокоствольной арче (5 - 7 м). На острове Арал-Пайгамбар (Салихбаев, Остапенко, 1964) и в низовьях Амударьи (Мамбетжумаев, 1968) гнезда располагались на тополях на высоте 7 - 8 и 4,5 м.

Гнездо, используемое змееедом первый раз, представляет собой довольно рыхлую постройку (яйцо иногда просвечивает сквозь основание) из нетолстых разветвленных ветвей, часто с остатками листьев. Лоток выстилается свежими ветвями с зелеными листьями. Птицы приносят их в течение всего периода насиживания и даже после появления птенцов. Травянистой растительности или растительной ветоши мы в лотках не обнаружили.

Обычно в районе гнезда, на деревьях или скалах имеется несколько присад ночующей у гнезда птицы, обеленных пометом и остатками погадок. При многократном использовании постройка приобретает внушительные размеры. Используя старое гнездо другого хищника, птицы заново выкладывают лоток свежими зелеными ветвями. Две расположенные на скалах постройки отличались незначительным числом веток, лежащих тонким слоем на горизонтальных выступах. Еще до появления кладки в лотке и у места постоянных присад появляется масса мелкого пуха и пера, хорошо заметная издали.

Диаметр гнезда от 55 до 80 см (n=6), высота от 10 - 12 до 45 см (Лаханов, 1965; наши данные). Диаметр лотка 24 - 32 см, он неглубокий (3,5 - 7 см), слабо выражен. Конфигурация его в процессе насиживания постоянно меняется из-за подкладывания ветвей.

С момента завершения строительства гнезда до откладки яйца проходит много времени. Так, 13.04 кладки еще не было, 24.04 появился пух и мелкое перо, но гнездо по-прежнему оставалось пустым.

Сведения о гнездовании змеееда в Узбекистане немногочисленны. Данные о размножении этого вида на Каракалпакском Устюрте отсутствуют. Описанные В. П. Костиным гнезда (1956), судя по количеству птенцов (2 - 3), нетипичному для змеееда

расположению на триангуляционных вышках и земляных саркофагах, явно принадлежали курганнику. В Сарыктугае (низовья Амударьи) 6.06. 58 было обнаружено гнездо с пуховичком и «болтуном» (Мамбетжумаев, 1968). В узбекистанской части Кызылкумов в 10 км севернее Акбугета, близ Жалпактау 16. 05.81 было найдено гнездо с 1 яйцом. По сообщению Р. А. Урманова, 23. 04. 85 у кол. Кунек (окрестности ГМС Акбайтал) было осмотрено гнездо со свежим яйцом. В центральных Кызылкумах в хр. Букантау и на его подгорных равнинах (в 10 км восточнее колодца Уру) найдены строящиеся и завершённые гнезда (в начальной стадии строительства) 19. 04.77 и 24. 03. 80. В ур. Ташмулла и Алимбай видели гнезда 13.04.79 и 4.05.82, причем в последнем случае самка слетела с лотка пустого гнезда. Видимо, кладка должна была произойти в ближайшие дни. Здесь же полная свежая кладка найдена 27.04.82, слегка насиженная - 29.04.82 в 10 км северо-западнее Кулкудука. В Минбулакской впадине близ кол. Костере гнездо с 1 свежим яйцом осмотрено 5.05.82. Вылупление птенца 1.07 описано из долины между Кульджуктау и Ауминзатау (Лаханов, 1965). Яйцо, вероятно, появилось в этом гнезде в середине мая. В северных Кызылкумах и в долине Сырдарьи на территории Казахстана яйца появляются в конце апреля - начале мая (Спангенберг, Фейгин, 1936; Смирин, 1959; Степанян, 1969).

На северных склонах хр. Нуратау (ур. Сентябрь) в гнезде в верхней части куста бухарского миндаля 24. 06 найден 3 - 4-дневный птенец (Коршунова, Коршунов, 1983). По словам местных жителей, в предыдущем году здесь также был 1 птенец. В западном Тянь-Шане (верховья Пскема) гнездо, видимо с кладкой, Н. А. Зарудный обнаружил 10.06.07. В долине р. Аксаката (Ляйлексай) 21.07.78 был найден птенец накануне вылета (А. Назаров, устное сообщение). Сведения о гнездовании змеееда на Памиро-Алае в пределах республики отсутствуют. На острове Арал-Пайгамбар в дельте Амударьи в тугайном редколесье 19.06.63 Г. И. Ишунин видел гнездо с 1 пуховичком. Откладка яйца, по расчетным срокам, произошла в конце апреля. В целом

можно говорить о довольно дружном размножении, начинающемся в конце апреля - первых числах мая.

Змеяда отличается высокой стабильностью кладки. Это подтверждают результаты осмотра 10 гнезд, найденных на территории республики. Лишь в одном случае в низовьях Амударьи (Мамбетжумаев, 1968) в гнезде был обнаружен недавно вылупившийся птенец и неоплодотворенное яйцо. Среди нескольких десятков гнезд змеяда, известных из литературы для территории Средней Азии и по нашим наблюдениям, это единственный случай двухъяйцовой кладки. Принадлежность гнезда этому виду бесспорна, так как от гнезда был добыт самец, а птенец выкармливался в неволе. В европейской части ареала кладки змеяда с 2 яйцами - исключительная редкость (Makatsch, 1974).

Скорлупа яиц змеяда крупнозернистая, матовая, чисто белого цвета. Изредка они бывают запачканы кровью или с пятнами от листьев выстилки лотка. Размеры 4 яиц из центральных Кызылкумов: 75,1x57,8; 74,4x60,2; 74,6x58,9 и 76,9x56,4 мм.

Продолжительность циклов гнездового периода мало изучена. У европейских птиц насиживание длится 42 - 48 дней, а пребывание птенца в гнезде - от 9 до 11,5 недель (Makatsch, 1974). Р. Л. Потапов (1960) в Таджикистане вылет молодой птицы из гнезда наблюдал на 82 - 84-й день после вылупления. Птенец в возрасте 2 - 4 дней, обнаруженный в Нуратау 24.06, к 17.07 был уже полностью оперен (Коршунова, Коршунов, 1983). В Кульджуктау найден птенец 30-дневного возраста с хорошо развитым контурным оперением верха тела, груди и с пухом на брюхе и подхвостье (Лаханов, 1965).

Материалы по питанию змеяда немногочисленны. В нижнем течении Амударьи под гнездом найдены остатки змей и ящериц (Мамбетжумаев, 1968). В Кызылкумах в 5 из 15 осмотренных погадок была чешуя стрелы-змеи и полоза, в 10 - остатки степной агамы, ящурок и других рептилий. В Кульджуктау в лотке гнезда найдены 6 песчаных удавчиков, 4 полоза, 2

стрелы-змеи (Лаханов, 1965). В районе пос. Чиракчи после выстрела змеяда бросил свою добычу - разноцветного полоза (Мекленбурцев, 1958). В западном Тянь-Шане (верховья Аксаката) на плато Актахта М. Н. Корелов (1956) наблюдал змеяда, охотившегося за реликтовыми сусликами и полевками. Нередко птица парила над гребнями хребтов у снежников, видимо, привлеченная обилием щитомордников и полозов. В желудке экземпляра, добытого в окрестностях Сентяба (Нуратау), была многоножка (Салихбаев и др., 1970).

На основании приведенного материала можно говорить о почти полной герпетофагии вида.

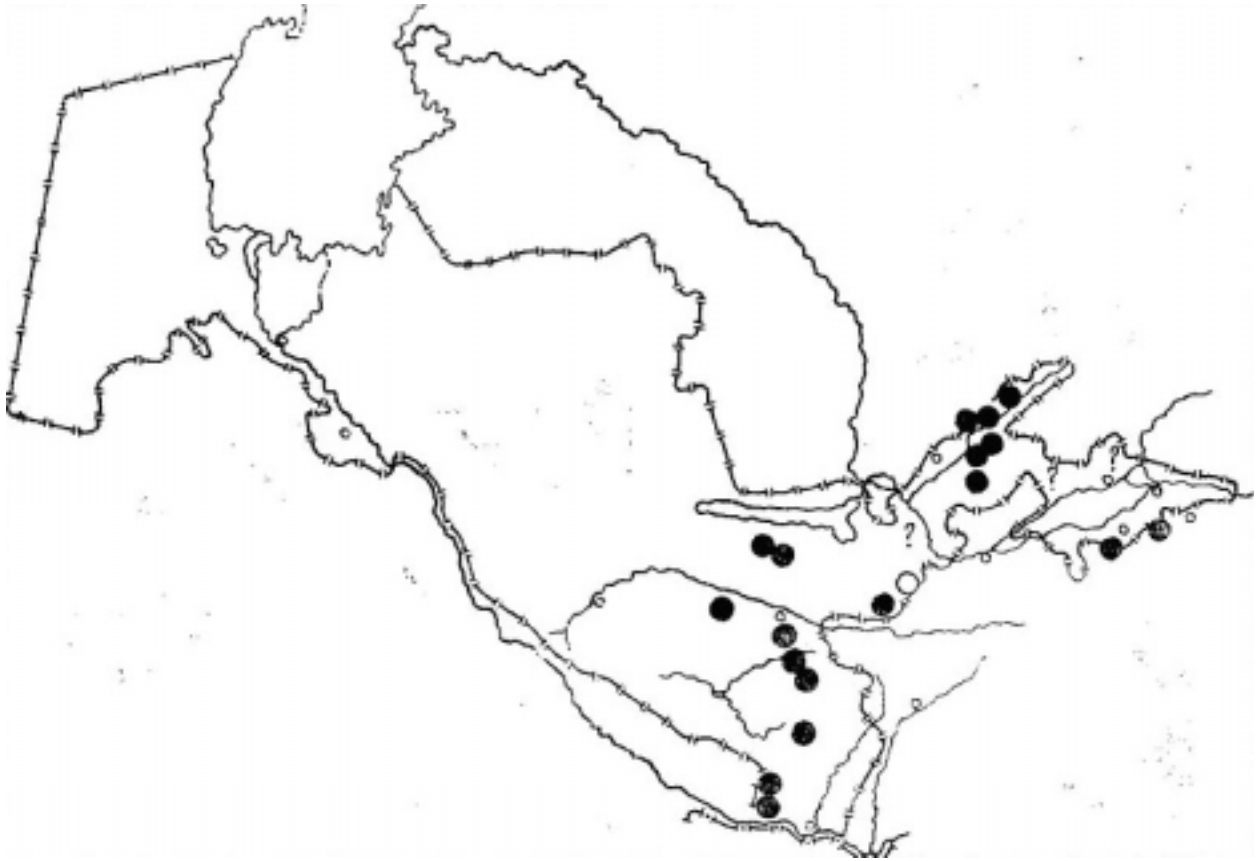
Змеяда - редкий вид, внесенный в «Красную книгу СССР» и «Красную книгу Узбекской ССР».

ОРЕЛ-КАРЛИК *HIERAAETUS PENNATUS GMEL.*

Гнездящаяся перелетная птица, приуроченная к горным лесам, а также тугаям по долинам крупных рек.

Самый мелкий наш орел, по размерам даже несколько мельче курганника, стройнее его и с более длинным хвостом. Орлы-карлики имеют 2 цветовых морфы - темную и светлую. Птицы светлой морфы сверху буроватые с заметной пестротой и небольшими белыми «погонами» на плечах. Голова и горло рыжевато-бурые. Низ тела, подкрылья и хвост беловатые, хорошо контрастирующие с черными маховыми перьями. Птицы темной морфы отличаются однообразной темно-бурой окраской с более светлым, рыжеватым неполосатым хвостом. Похожи на темную морфу курганника, от которой отличаются отсутствием светлого пятна на крыле. Молодые снизу рыжевато-бурые с продольными темными пятнами. Голос звучит как «ки-ки» или «кью-кью», кроме того, двусложное «тер-вить, тер-вить».

Гнездовой ареал простирается от северо-западной Африки, юго-западной и юго-восточной Европы до горных районов Передней и Средней Азии, где распространение изучено недостаточно. На фоне

непрерывного клинального увеличения размеров птиц с запада на восток выделение восточного более крупного подвида *H. p. milvodes* вряд ли целесообразно. Во всяком случае, эта форма, которую можно было бы ожидать на пролете в Узбекистане, на коллекционном (в целом достаточно ограниченном) материале не дифференцируется.

Гнездование орла-карлика в Узбекистане доказано в горных лесах западного Тянь-Шаня, где эта птица достаточно обычна. Гнезда известны из долин Угама, Пскема, Чирчика, Акасакаты, Шавазсая и с территории Чаткальского заповедника (Железняков, 1950; Корелов, 1956; Петров, 1958; Железняков, Колесников, 1958; наши данные). По широким речным долинам выходит на равнины, где найден гнездящимся в тугаях среднего течения р. Ангрэн (Ахча) и встречался в летнее время в нижнем течении этой реки. Видимо, гнездится в сохранившихся тугаях в долине Сырдарьи в пределах Ташкентской области, в частности в низовьях Чирчика и в районе Дальверзина. Выше, в пределах Ферганской долины, раньше отмечался для тугаев в районе

станции Мельникове (Н. А. Зарудный, рукопись, по Иванову, 1969; Loudon, 1910), ныне затопленных Кайраккумским водохранилищем. На сохранившемся участке тугаев выше пос. Пунган в мае 1984 г. нами не обнаружен. В среднем течении Сырдарьи на территории Казахстана неоднократно находили гнезда орлов-карликов (Кисленко, 1968;

Николаев и др., 1977), хотя возможно, что граница гнездового ареала здесь значительно пульсирует (Корелов, 1962).

До настоящего времени плохо выяснено распространение в горах, окружающих Ферганскую долину. Имеется лишь указание на гнездование в Арсланбобе (Кашкаров, 1934). Мы встречали одного орла-карлика 11.05.83 в долине р. Сох выше одноименного поселка. Обычен по всему северному склону Туркестанского хребта, где добывался в гнездовое время в районе Чортаньги, Кульсая, в долине Санзара у устья р. Гуралаш, в окрестностях Ачикишлака (20 км восточнее Джизака) и в бассейне р. Заамин (кол. ТашГУ и ИЗИП).

Многочисленные гнезда орлов-карликов описаны с северных и южных склонов хр.

Нуратау (Салихбаев и др., 1970; Коршунова, Коршунов, 1979, 1983). В бассейне среднего Зарафшана гнездование известно у пос. Чиндона, в Аманкутане и в Каратепинских горах (Богданов 1956; Абдусалымов, 1971), но в нижнем течении этой реки не известен. Широко распространен по горным и тугайным лесам в бассейне Кашкадарьи, где гнезда, выводки и летние встречи известны из окрестностей Шахрисябза и в бассейнах рек Чияльдарьи, Аксу, Танхаса, Урударьи и их притоков (Мекленбурцев, 1958; наши данные). Изредка залетает в Каршинскую степь, где встречен Р. Н. Мекленбурцевым 30.07.57 у Мубарека. В Сурхандарьинской области гнездится в Кугитанге, где неоднократно наблюдался нами, в арчовниках южных склонов Байсунтау (Абдуназаров, 1982) и, видимо, в бассейнах рек Сангардак, Тупаланг и на хр. Бабатаг.

До настоящего времени нет данных о гнездовании орла-карлика в долине Амударьи. Видимо, здесь, как и в низовьях Зарафшана, отсутствует. Сведения по этому району с территории Туркмении ограничиваются упоминанием орла-карлика как залетной птицы долины на отрезке между Чарджоу и Келифом (Зарудный, 1891). О его обитании здесь сведения неопределенные, без ссылок на фактический материал (Дементьев, 1952).

Сроки весеннего прилета, по наблюдениям в Нуратинском заповеднике на высоте 1 - 1,2 тыс. м над ур. м., достаточно растянуты и колеблются от конца февраля до начала апреля. Так, первые птицы были отмечены: 18.03.78; 2.04.79; 1.04.81; 12.03.82; 19.04.83. В 1980 г. первые орлы-карлики отмечены даже 28.02, но в связи с резким похолоданием и выпадением снега откочевали и появились снова только 28.03. Под Самаркандом прилет отмечен в первой декаде апреля (Абдусалымов, 1971). О сроках пролета могут дать представление немногочисленные наблюдения птиц, встреченных явно вне их гнездовых местообитаний. Такие пролетные особи отмечены 12.04.75 в низовьях Сурхандарьи (Остапенко и др., 1978), 10 и 23.04 в Голодной степи (Loudon, 1910; Павленко, 1962).

Осенний пролет начинается, видимо, в августе и заканчивается в сентябре, хотя

конкретных наблюдений очень мало. Явно пролетный самец добыт 13.09.58 в 25 км севернее Ташкента, между Тоболино и Черняевкой (Р. Н. Мекленбурцев). Это самая поздняя дата добычи орла-карлика на территории республики. В Нуратинском заповеднике последние встречи датируются 29.09.80 и 18.09.81.

Сведения о более поздних задержках орлов-карликов немногочисленны. По А. Н. Богданову (1956), в Нуратау этот вид отмечен 2.12.48. Необыкновенно теплой осенью 1973 г. 2 пары орлов-карликов регулярно наблюдались над участками высокоствольных тугаев в устье р. Чирчик 18 - 20.12. Снег еще не выпадал, а в тугаях была масса разнообразных пролетных птиц.

В связи со скрытым образом жизни данных о численности орлов-карликов очень мало. По многолетним наблюдениям, в Нуратинском заповеднике на площади 225 км² гнездится 14 - 15 пар. При ограниченной площади с высокоствольным древостоем гнезда могут располагаться довольно плотно. Например, в урочище Хаят на 4 км полосы древесной растительности по дну ущелья гнезилось 5 пар орлов-карликов. Наименьшее расстояние между жилыми гнездами разных пар - 300 м. Охотничьи участки в таких случаях выходят далеко за пределы гнездовых на прилежащие склоны.

Для остальной территории Узбекистана численность орла-карлика неизвестна. По нашим наблюдениям, в горных долинах Западного Тянь-Шаня она намного ниже. Для Келиф-Шерабадской горной гряды она составляет 1 - 2 пары (Абдуназаров, 1982), что ниже численности таких хищников как бородач и шахин.

На гнездовании орлы-карлики тесно связаны с участками спелых высокоствольных лесов. Наиболее благоприятны такие местообитания, где участки леса чередуются с относительно открытыми пространствами - основными местами охоты. Во второй половине лета карлики иногда встречаются в субальпийской зоне гор выше границы леса. Их неоднократно наблюдали на Ангренском плато в июле - августе. Пролетные особи

могут пересекать и значительные открытые пространства, например Голодную степь, но в таких условиях встречаются редко. В целом орел-карлик типично лесной вид, тесно связанный с древостоями.

Карлики устраивают гнезда преимущественно на деревьях (21 из 24) или, реже, на скалах (3), причем одно из гнезд было обнаружено в старом гнезде другой хищной птицы. Постройки найдены на грецком орехе, иве, яблоне, карагаче, серебристом тополе. На арче в горной части республики гнезда не найдены. Высота расположения гнезд в зависимости от характера древостоя колеблется от 2,5 до 12 - 15 м от земли, чаще в 5 - 8 м.

Материалом для гнезда в Нуратау служили тонкие веточки диаметром менее 2 см. В Шавазсае (южные склоны Чаткальского хребта) гнездо представляло собой настил из грубых ветвей, застланный свежими зелеными ветвями арчи (Железняков, 1950). Лоток выстилается ветвями с зелеными листьями, иногда травой, злаками, полынью, которые птицы приносят в гнездо в течение всего периода насиживания и даже после вылупления птенцов. Размеры гнезда 70 - 90 см, высота - 18 - 42, диаметр лотка - 23 - 33, глубина - 8 - 13. В зависимости от места расположения гнездо может использоваться длительное время (в развилке или мутовке ствола, на основании толстых ветвей) или же только 1 - 2 года (на боковых или горизонтальных более тонких ветвях), после чего оно разваливается, часто даже в период пребывания в нем подросших птенцов. При повторном использовании гнезда обновляются свежим материалом. Новое гнездо взамен разрушенного строится на ближайших деревьях.

Гнездовые пары постоянны «а протяжении многих лет, изменяясь, видимо, только в связи с гибелью одного из пары. К гнездованию приступают через месяц после прилета. В западном Тянь-Шане в конце апреля уже подправляют гнезда (Королев, 1962).

Гнездование орла-карлика в горных районах Узбекистана изучено недостаточно. В западном Тянь-Шане строящееся гнездо найдено на правом берегу Пскема (ур.

Наувалисай) 20.04 (Корелов, 1956); в бассейне р. Ангрэн в Шавазсае (территория, с юга примыкающая к Чаткальскому заповеднику) гнездо с одним крупным, но еще пуховым птенцом отмечено в карагачевой роще 19.06.37 (Железняков, 1950), а 24.08.48 здесь же был отмечен плохо летающий птенец в сообществе со взрослыми птицами. Еще ниже, в долине самого Ангрэна в мае 1976 г. найдено гнездо с 2 яйцами на территории охотничьего хозяйства (точная дата неизвестна), разоренное егерем из-за наносимого орлом ущерба поголовью фазанов. По Ферганской долине и Туркестанскому хребту сведения о гнездовании орла-карлика отсутствуют. Во второй декаде июля в Аманкутане (Зарафшанский хр.) найдено гнездо с 2 пуховыми птенцами (Абдусаламов, 1971). Сведения по размножению карлика в Гиссарском хребте ограничиваются находкой 17.05.55 на скале у кишл. Хитай (бас. Каттаурударьи) гнезда, недоступного для осмотра, а 2 молодые птицы, недавно оставившие гнездо, были добыты в садах Шахрисябза (Мекленбурцев, 1958). Наблюдения по югу республики (бассейн рек Шерабад и Сурхандарья) отсутствуют. В горах Каратепе в окрестностях Самарканда 12.06.25 в гнезде было 2 неоплодотворенных яйца (Богданов, 1956).

Наиболее многочисленные сведения по гнездованию орла-карлика собраны на территории Нуратинского хребта. Здесь в урочище Устуксай на южных склонах хребта 15.05 в гнезде было осмотрено 2 насиженных яйца (Салихбаев, 1970). На северных склонах центральной части Нуратау на территории заповедника и прилегающих районов был установлен 31 случай гнездования в 15 гнездах на 11 гнездовых участках (Коршунова, Коршунов, 1983). Кладка яиц в зависимости от высоты над уровнем моря, характера весны и др. происходит с конца апреля (первое яйцо в самом раннем гнезде отмечено 28.04.78) до конца мая (последняя кладка начата 26.05.79). Птенцы вылупляются в конце мая - июне, а покидают гнездо в конце июля - августе.

Средний размер кладки орла-карлика в

Узбекистане (n=30) составляет 1,87. В 26 случаях в гнезде было по 2 яйца или птенца, в 4 - по 1 (3 гнезда по 1 яйцу и в одном пуховой птенец) (Железняков, 1950; Богданов, 1956; Салихбаев и др., 1970; Абдусалимов, 1971; Е. Н. Коршунова, Е. Н. Коршунов, устное сообщение). Кроме того, 2 гнезда по 1 птенцу в каждом (без указания возраста) найдены в Казнакоксае (Чаткальский горно-лесной заповедник) (Петров, 1958). Размеры яиц из Нуратау в среднем (n=35) 58,28X45,69 (62,1 - 54,8X48,1 - 43,8) мм, масса насиженных яиц (n=11) в среднем 63,93 (68,4 - 58,1) г. За период насиживания снижение массы яиц составляет 9 - 10% от первоначальной.

В 16 гнездах на хр. Нуратау из 30 яиц вылупилось 23 птенца (5 яиц были неоплодотворенными, 2 яйца одной кладки расклеваны) и вылетело 19 слетков из 13 гнезд. В 7 случаях кладки погибли от беспокойства людьми при сельскохозяйственных работах на гнездовом участке. Ежегодная гибель кладок составляет в целом 41 - 43%.

По наблюдениям Е. Н. и Е. Н. Коршуновых, откладка яиц осуществляется с интервалом в 3 - 4 дня, продолжительность инкубации 38 дней. Птенцы вылупляются через сутки после наклева, гнездо оставляют через 1,5 месяца.

Анализ остатков 270 животных у гнезд орла-карлика подтверждает преобладание в его пище птиц мелких и средних размеров (Коршунова, Коршунов, 1983), которые составляют 84% (228 экз.) и принадлежат к 23 видам. Основная часть приходится на кеклика (21,5% - 58 экз.), жаворонков разных видов (36,3% - 98 экз.) и сорокопутов (10% - 27 экз.). Отмечен один случай поедания родителями своего птенца. Млекопитающие (5,2% - 14 экз.) представлены краснохвостой песчанкой и желтым сусликом. Рептилии (туркестанская и степная агамы, серый варан, разноцветная ящурка, длинноногий сцинк) составляют 10,4% (28 экз.). Состав корма отдельных пар зависит от природной обстановки в окрестностях гнезда и индивидуальных особенностей. Доля птиц может колебаться от 76 до 96%, причем доля

определенного вида птиц (например кеклика) может изменяться от 6 до 68%.

По остальным районам Узбекистана сведений о питании орла-карлика нет, кроме находки на краю гнезда в Шавазсае мертвого кеклика (Железняков, 1950) и в желудке пролетной птицы, добытой в Голодной степи (Павленко, 1962), желтого суслика. По сообщениям егерей Акчинского охотничьего хозяйства, орел питается здесь в основном кекликом и фазаном. Регулярно ловит розовых скворцов на колониях.

Во время кампании по истреблению хищных птиц, проведенной в 40 - 50-е годы, одним из наиболее пострадавших видов хищных птиц был орел-карлик. Приверженность его тугайным ландшафтам и горным речным долинам, которые часто посещаются людьми (в том числе охотниками), целенаправленное уничтожение за вред, наносимый популяциям охотничье-промысловых видов птиц (фазан, кеклик), привели, к резкому сокращению численности орла-карлика, особенно в местах регулярной охоты (Акчинсксе, Дальверзинское и другие охотничьи хозяйства), где он сейчас уже не встречается. В результате значительного сокращения площади тугаев в освоенных частях речных долин орел-карлик стал редкой птицей.

Ввиду малочисленности и положительной санитарной функции, выполняемой орлом-карликом в популяциях птиц тугайной и горно-лесной зон, он заслуживает охраны. Мерами ее могут быть общее повышение уровня культуры охоты и прекращение бесконтрольного разорения гнезд этого хищника.

ЯСТРЕБИНЫЙ ОРЕЛ *HIERAAETUS FASCIATUS VIELLOT*

В начале столетия гнездился на относительно большой территории низкогорий от Кызылкумов до южных границ республики. Ареал его непрерывно сокращался и к настоящему времени достоверных случаев гнездования ястребиного орла в Узбекистане не известно, хотя оно и вероятно в южных областях республики. Чрезвычайно редок.

Несколько меньше настоящих орлов, от которых хорошо отличается длинным хвостом и узкими длинными крыльями. Несколько крупнее курганника. Окраска очень характерная: верх светло-бурый, низ грязно-белый, снизу через середину крыла проходит широкая продольная черная полоса, образованная первостепенными и второстепенными нижними кроющими крыла. Иногда все крыло снизу темное. Хвост длинный, беловатый, с широкой черной вершинной полосой. Молодые птицы снизу светло-буроватые с темными продольными пятнами. Хвост темнее, с 9 - 10 поперечными почти черными полосами, причем, темная вершинная полоса, характерная для взрослых птиц, отсутствует. Черная продольная полоса, идущая через низ крыла, гораздо уже и менее выделяется на более темном оперении, но все же хорошо заметна. Голос можно передать как «кай-кай» или «ки-ки-ки», напоминает голос тетеревины. Полет очень маневренный, в основном активный. Парит редко.

Общий ареал ястребиного орла включает большую часть Африки и южную Евразию от Пиренейского полуострова до восточного Китая, к югу простирается до побережья океана. В Узбекистане, как и во всей Средней Азии, гнездится номинативный подвид *H. f. fasciatus*.

Восстановленный ареал ястребиного орла в Узбекистане охватывал значительную часть низкогорных ландшафтов от предгорий западного Тянь-Шаня, Ферганской долины и останцовых гор Кызылкумов до южных границ республики. С начала века площадь распространения неуклонно сокращалась, и возможность его гнездования в Узбекистане сейчас ставится под сомнение.

По правобережью среднего течения Сырдарьи, возможно, гнездился в хр. Каратау (южный Казахстан), где неоднократно отмечался в 1912 - 1914 гг. (Корелов, 1962). Взрослый экземпляр добыт в устье р. Келес под Ташкентом 6. 10.06 (Зарудный, 1911), взрослая самка - вблизи города 1.03.12 (И. А. Зарудный; кол. ТашГУ). Молодая птица добыта в июле 1909 г. около Шахимардана в южной Фергане (Зарудный, 1911). В последующие годы находок ястребиных орлов в этом районе не было.

Достаточно обычным он был, видимо, и в останцовых низкогорьях центральных Кызылкумов, где наблюдался в Аристанбельтау (10 - 12.06. 12), Актау (15.06. 12) и Тохтатау (21 - 22.06.12), причем во всех трех горных группах было найдено по одному недоступному для осмотра гнезду (Зарудный, 1915). В 40-х годах в июле (без точной даты) одиночная птица отмечена в оазисе Тамды (Захидов, 1971). В последние годы при многолетних наблюдениях в низкогорьях Кызылкумов нами не наблюдался. По данным Н. А. Зарудного (1915), гнездился в хр. Нуратау, но ни Р. Н. Мекленбурцев (1937), ни другие зоологи его здесь не обнаружили. Из долины р. Зарафшан известна птица, добытая 17.01.41 в окрестностях пос. Лоиш (Богданов, 1956). Двух взрослых птиц с двумя уже хорошо летающими молодыми наблюдал Р. Н. Мекленбурцев (устное сообщение) в тугайных зарослях р. Зарафшан (Карасу) в окрестностях Каттакурганав августе 1938г. В 1938 - 1939гг. ястребиных орлов наблюдали в долине р. Кашкадарья, в рощах у устья р. Танхаз (район г. Чиракчи). Здесь 11.08.38 отмечены пара и одиночная птица, а 23. 09. 39 добыта взрослая самка, хранящаяся в коллекции ТашГУ (Мекленбурцев, 1958). Более поздних наблюдений ястребиного орла из бассейна Кашкадарьи не известно.

В Сурхандарьинской области в гнездовое время отмечен Н. А. Зарудным в предгорьях Кугитанга и в долине Сурхандарьи (ур. Ходжамильк) в 1910 г. (Н. А. Зарудный, по Иванову, 1969). Для этого района имеются наиболее поздние по годам встречи ястребиного орла Узбекистане. Пара, строго придерживавшаяся ограниченного, видимо, гнездового участка, встречена 7.05.65 у береговых обрывов р. Шерабад выше одноименного города (Степанян, 1970).

Сведения по биологии ястребиного орла в Узбекистане практически отсутствуют. Основываясь на том немногом, что известно о его образе жизни, можно заключить, что из северных районов бывшего гнездования, видимо, на зиму отлетал. Птица, встреченная под Ташкентом в марте, была явно пролетной. Южнее зимовал, совершая только местные кочевки, о чем говорит встреча в январе в среднем течении р. Зарафшан.

Типичный орнитофаг, добывающий птиц преимущественно средней величины - куриных, голубей и т. д. В желудке самки, добытой в сентябре на Кашкадарье, найдены остатки фазана, еще многочисленного в то время. В Кызылкумах основная пища ястребиного орла состояла из кекликов, которых он ловит как на лету, так и бегущих (Зарудный, 1915; Мекленбурцев, 1958). В резком снижении численности ястребиного орла вплоть до полного исчезновения на больших территориях, видимо, помимо прямого преследования человеком, сыграло роль и резкое сокращение численности кормовых объектов, в первую очередь куриных - фазана, кеклика, пустынной куропатки. По трофическим связям ястребиный орел очень схож с ястребом-тетеревятником, как бы замещающий его на территории Средней Азии.

Ястребиный орел относится к редчайшим хищным птицам Средней Азии, занесен в «Красную книгу СССР» и нуждается в действенной охране.

СТЕПНОЙ ОРЕЛ *AQUILA RAPAX* ТЕММ.

В Узбекистане гнездится только в северной части Каракалпакского Устюрта. В равнинных районах республики регулярно встречается на весеннем и осеннем пролете, а в малоснежные годы часть особей зимует. В Кызылкумах, южнее области гнездования, в весенне-летнее время обычны молодые неполовозрелые птицы.

Степной орел мельче беркута и могильника. Окраска однообразная темно-бурая с мало заметным рыжеватым пятном на затылке. Молодые однотонно светло-буровато-коричневые, отличаются от молодых беркутов отсутствием белого основания хвоста и белых пятен на крыльях, а от молодых могильников - отсутствием продольных пятен на груди. Взрослые птицы похожи на больших подорликов, однако у них отсутствует узкое белое надхвостье.

Гнездовой ареал степного орла охватывает большие пространства саванн, степей и полупустынь Африки, Аравии, юго-

восточной Европы, Казахстана, Монголии и северного Китая. Изолированные участки ареала имеются в Белуджистане, Пакистане и Индии. В Узбекистане гнездятся, пролетают и летуют птицы, относящиеся к подвиду *A. g. orientalis*. На зимовках этот подвид не отмечен. На весеннем и осеннем пролетах, а также зимой регулярно встречается подвид *A. g. nipalensis*, гнездящийся на Алтае, в Забайкалье, Монголии и Китае.

Гнездование степного орла в Узбекистане установлено для относительно небольшой территории Каракалпакской части Устюрта, где жилое гнездо найдено 11.07.48 в окрестностях колодца Чийкудук (Костин, 1956). По данным этого автора, описываемый вид шире распространен по Устюрту, но точные даты и возраст птиц не указаны. Известен экземпляр взрослого самца, добытого 22.05.56 в 16 км северо-западнее колодца Белеули О. А. Кранкиным (кол. ИЗиП).

Об относительно регулярном гнездовании степного орла по западному берегу Аральского моря писал Н. А. Зарудный (1916), но конкретных данных о находках жилых гнезд этого вида в Кызылкумах нет, и вопрос о его гнездовании здесь в литературе трактуется неоднозначно. Н. А. Зарудный (1915) писал, что этот вид в ничтожном числе гнездится в горах Бельтау (север каракалпакских Кызылкумов), а также в центральных Кызылкумах в районе пос. Су-кетты, расположенного на западной окраине гор Тохтатау. В подтверждение своих данных автор говорит о наблюдении здесь нескольких старых птиц формы *nipalensis*, а также ссылается на добычу холостого самца формы *orientalis* 22.06. 12 (этот экземпляр взрослого самца с длиной крыла 528 мм сохраняется в кол. ТашГУ, причем на оригинальной этикетке дата добычи обозначена как 3.06, что в переводе на новый стиль соответствует 16.06). Даже учитывая, что все наблюдения Н. А. Зарудного в этом районе проведены в июне, на основании визуальных наблюдений и добычи одного холостого («бродячего», по автору) экземпляра нет оснований говорить о гнездовании. Указание на гнездование

степного орла в Бельтау, видимо, связано с встречей пары взрослых и разоренного гнезда на саксауле на восточном берегу Аральского моря, в двух переходах выше устья Жанадарьи 21.07.14 (Зарудный, 1916). Поздний срок наблюдений не дает возможности считать это гнездо принадлежащим данной паре, а наличие в июле - августе уже явно кочующих степных орлов и в других районах Кызылкумов (Зарудный, 1915; Захидов, 1971) позволяет и данную встречу отнести к кочующим птицам. Что же касается сведений Н. М. Маслова (1947) о гнездовании этого вида в саксаульниках Тамдынского района, то, как и многие другие данные этого автора, они основаны на ошибочных определениях. Другие литературные материалы о гнездовании степного орла в Кызылкумах (Богданов, 1956; Захидов, 1971) не подтверждены оригинальными наблюдениями и, видимо, следует согласиться с мнением М. Н. Корелова (1962) об исключении Кызылкумов из гнездового ареала этого вида.

Весенний пролет степного орла начинается в марте. В Сурхандарьинской области в районе Шерабада 7.03.75 наблюдался интенсивный пролет, когда за 1,5 ч пролетел 31 степной орел (Остапенко и др., 1978). В центральных Кызылкумах пролетные птицы встречаются в первой половине марта. В 1978 г. интенсивный пролет наблюдался 10.03, когда на маршруте от Кенимеха до г. Зарафшана встречено 15 степных орлов (в 8 группах по 1 - 3 птицы). В последующие дни в центральных Кызылкумах 11.03 встречена пара, 15.03 - 3 птицы на трупе раздавленной собаки, но уже 18.03 при повторении маршрута от 10.03 степной орел не отмечен. Высокая численность степных орлов наблюдалась в центральных Кызылкумах в период со 2 по 18.03.81, когда птицы отмечались ежедневно, а 15.03 видели 9 пролетных птиц. Кроме того, ночью на линии столбов, расположенных в стороне от наезженных дорог, отмечены на ночевке 7 птиц (из них 5 взрослых и 2 неполовозрелых). В другие годы появление степных орлов отмечалось в Кызылкумах 27.02.76 (Кенимех), 5.03.77 (6 км южнее г.

Зарафшана), 12.03.80 (между Зарафшаном и Учкудуком). В северо-западных Кызылкумах, в районе Тахтакупыра 2 одиночные птицы отмечены 27.03.77.

Весенний пролет над Ташкентом наблюдается в марте (Мекленбурцев, 1956). Указание на добычу степного орла 8.03.57 в Голодной степи (Павленко, 1962) неверно, так как добытый экземпляр является молодым могильником. Конец пролета взрослых птиц в центральных Кызылкумах приходится на конец марта - начало апреля, последние одиночки встречены 5.04.80 и 7.04.81.

Интенсивный пролет, когда за 3 ч пролетело 65 степных орлов, отмечен 7.04.82 в юго-восточных Кызылкумах (Лановенко, Абдуназаров, 1983). Если нет ошибки в определениях (в это время здесь же наблюдается пролет большого подорлика, не отмеченного авторами), то можно предположить, что в начале апреля идет пролет восточных популяций степного орла. Молодые степные орлы встречаются позже. В Нуратинском заповеднике, где этот вид редок, молодые птицы отмечены на высоте 1300 - 1400 м над ур. м. 10.04.79.

В Кызылкумах группы молодых неполовозрелых степных орлов, часто в сообществе с другими хищными птицами, обычны на падали. Такие группы в 1980 г. отмечены 2.04.80 (6 молодых), 4.04 (5 молодых вместе с 8 молодыми могильниками), 19.04 (4 молодых), 6.05 (3 молодых), 12.05 (1 молодая); после этого срока не встречались. В другие годы группы молодых наблюдались 28.05.70 (вместе с молодыми могильниками около 30 птиц), 20.04.81 (3 особи), 24.04.81 (3 особи), 24.04.81 (8 и 3), 22.04.81 (3), 17.05.81 (2), 19.04.82 (3 и 16). Взрослых степных орлов позже первой декады апреля мы в центральных Кызылкумах не встречали.

В июне - августе мы этот вид не отмечали, но появление первых осенних кочующих птиц в Кызылкумах, видимо, приходится на конец лета. Н. А. Зарудный (1915) приводит дату добычи одиночки 4.08.07 у колодца Кудуккекен. 12.07.45 этот вид встречен Т. З. Захидовым (1971). Ранее появление здесь степного орла, видимо, связано с периодами

высокой численности грызунов. В такие годы, например в 1980 г., 2 - 5.09 в южных Кызылкумах, южнее пос. Газли, над линиями электропередач на 40 км маршрута мы встретили 2 птиц и обнаружили 2 свежих и 2 высохших трупа. Ясно, что орлы здесь появились уже в августе. В то же время, основной осенний пролет через Кызылкумы проходит в октябре - первой половине ноября. Так, в том же 1980 г., когда птицы были отмечены уже в начале сентября, в центральных Кызылкумах, в районе городов Зарафшан и Учкудук степные орлы отмечались 22.10 (29 птиц), 23. 10 (13), 24.10 (19), 29.10 (4) и 10 - 12. 11 (2 одиночки). В этот период шел интенсивный пролет. В другие годы степные орлы встречались здесь 22.10.72, 28 - 30.10.74, 24 - 28. 10.77, 21. 10 и 3 - 15. 11.81, 7-10 - 7.11.82. Осенью, как и весной, молодые степные орлы встречаются группами на падали. Такие группы совместно с другими хищниками отмечены как в октябре (26 - 27.10.82 - 7 и 4 молодых орла), так и в ноябре (6.11.82 - 9 птиц). Иногда группы бывают смешанные, например 30.10.74 у родника Басбокалы (Букантау) - 2 взрослых и 2 молодых, 28 - 29. 10.82 (Нуратау) у трупа коровы - 2 взрослых и 1 молодой.

Пролет степных орлов в среднем течении Сырдарьи также проходит в октябре - начале ноября (Мекленбурцев, 1956). В Голодной степи взрослый самец добыт Т. А. Павленко 2.10.58 (кол. ИЗИП). При высокой численности грызунов часть степных орлов задерживается на пролете довольно долго, до выпадения сплошного снежного покрова, а в некоторые годы даже зимует.

В Голодной степи, между Чиназом и Джизаком, зимующий степной орел отмечен 13.01.78, под Самаркандом добыт 21.02.27 (Богданов, 1956), в центральных Кызылкумах зарегистрирован нами 11 - 14.02.81 (всего 5 птиц, из них 1 молодая). Две птицы отмечены в декабре 1972 г. в низовьях р. Зарафшан (Кошелев, Хадков, 1981). В Сурхандарьинской области одиночных зимующих птиц Л. С. Степанян (1970) встретил в январе 1967 и 1969 гг.

В гнездовое время, а также на пролете и зимовках питаются грызунами, в наших

условиях преимущественно большими и краснохвостыми песчанками, а на Устюрте - и малыми сусликами. В погадках птиц, собранных в Ташкентской области, обнаружены 59 остатков млекопитающих (краснохвостая песчанка - 46, слепушонка - 4, ушастый еж - 8), 3 - птиц, 1 - ящерицы и 1 - жука (Мекленбурцев, 1956). В центральных Кызылкумах в феврале - марте 1981 г. при очень высокой численности больших песчанок (в среднем свыше 20 зверьков на 1 га) в 50 свежих погадках, собранных севернее г. Зарафшана, отмечены остатки только больших песчанок. Характерно, что основная масса орлов держалась в слабо пересеченных равнинных песках, избегая барханно-рядовых песчаных массивов, не менее плотно заселенных большой песчанкой. На Устюрте в районе гнезда отмечены остатки желтых сусликов, больших песчанок, зайцев-толаев и молодых джейранов (Костин, 1956). Взрослые и особенно часто молодые степные орлы кормятся весной выброшенными тушками каракулевых ягнят, на которых встречаются группами. Обычны они и на падали более крупных животных - овец, коров, лошадей и собак.

Степной орел, как вид с резко сокращающейся численностью, заслуживает полной охраны. Внесен в «Красную книгу СССР».

БОЛЬШОЙ ПОДОРЛИК *AQUILA CLANGA PALL.*

В Узбекистане регулярно встречается на весеннем и осеннем пролете, в небольшом количестве зимует.

Один из некрупных орлов, несколько меньше и стройнее степного орла. Взрослые такие же однообразно темно-бурые, отличаются узким белым надхвостьем, отсутствующим у степного орла. Молодые темно-бурые, сверху с крупными белыми пятнами, снизу заметна узкая продольная белая полоса через середину крыла, образованная белыми вершинными пятнами на нижних кроющих крыла, отсутствующая у молодых птиц других наших орлов. Низ тела молодых и подкрылья заметно темнее, чем у степного орла и могильника.

Гнездовой ареал охватывает лесную зону Евразии от Восточной Европы до Приморья. Подвидов не образует.

Вопрос о гнездовании большого подорлика в тугаях средней и нижней Сырдарьи (в пределах Казахстана) не решен. Данные основываются на рукописи Н. А. Зарудного, где указано нахождение 11.06 гнезда с 2 крупными птенцами между Чиназом и Кызылордой, а также встречей в конце сентября выводка (2 молодых и 2 взрослых) у Джулека Н. И. Грачевым (Корелов, 1962). Е. П. Спангенберг и Г. А. Фейгин (1936) писали о регулярных летних встречах этого вида в низовьях Сырдарьи. Для территории Узбекистана данных о летнем пребывании нет.

Осенний пролет большого подорлика начинается с конца сентября. Наиболее ранняя встреча осенью датируется 28.09.09: самка добыта Н. А. Зарудным под Ташкентом (кол. ТашГУ). В октябре и начале ноября птицы встречаются уже регулярно, особенно по западным предгорьям Тянь-Шаня и в долине средней Сырдарьи. По конкретным датам добычи этого вида здесь в осенний период можно заключить, что они чаще отмечаются в октябре (11 птиц), чем в ноябре (3 птицы). Самая поздняя встреча датируется 17.11.07 (добыт самец), но визуально птицы регистрировались до самого конца ноября. В ноябре (2.11.08) добыт самец на оз. Сардоба в Голодной степи (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ). В центральных Кызылкумах пролетные большие подорлики отмечены в период с 22.10 по 5.11, а под Самаркандом, судя по добытым экземплярам, 9 - 21.10 (Богданов, 1956).

Данных о зимовке больших подорликов в Узбекистане очень мало, и они не подтверждены коллекционными материалами. По А. И. Иванову (1969), 2 птиц, кормившихся на падали, Е. Л. Шестоперов наблюдал 30.12 около г. Маргилана (Ферганская долина). Указание А. И. Богданова (1956) о зимовке этого вида в большом количестве в бассейне р. Зарафшан нам кажется сомнительным.

Весенний пролет больших подорликов в Узбекистане проходит с конца февраля до середины мая. В Голодной степи, между Чардарой и Джизаком, заметный весенний

пролет наблюдается с конца февраля до начала апреля (Зарудный, 1915). В окрестностях Ташкента, судя по коллекционным экземплярам Н. А. Зарудного, собранным в 1907 - 1909 гг., большие подорлики пролетают с 2.04 по 20.05, причем майских птиц, как более редких, в коллекции несколько: 5.05.07 (самка), 6.05.08 (2 самца), 11.05.07 (самец) и 20.05.07 (самец). Растянут во времени пролет подорликов и в центральных Кызылкумах, где М. Н. Богданов (1892) наблюдал их в первой декаде апреля. По нашим данным, они встречаются с начала марта до первой декады мая. Наиболее ранние даты появления больших подорликов для этой территории: 27.03.77, 10.03.78 и 6.03.81; наиболее поздние весенние встречи датируются 23.04.79, 23.04.80 и 7.05.81. В целом же пролет здесь не очень хорошо выражен, птицы летят поодиночке и относительно равномерно в течение всего весеннего периода. Со ссылкой на Н. А. Зарудного А. И. Иванов (1969) приводит наблюдение пролетных больших подорликов в районе современного Навои 1.05. Данных о пролете этого орла для территории южного Узбекистана в литературе нет. Мы наблюдали больших подорликов на северных предгорьях хр. Байсунтау на р. Гульдарья 15.04.85, когда на север с небольшими интервалами пролетело 4 птицы.

Биологических наблюдений с территории Узбекистана нет.

Кроме обычных темно-бурых птиц, у больших подорликов имеется очень своеобразная цветовая морфа, подобная в какой-то мере светлой морфе орлов-карликов, называемая в старой литературе *Aquila fulvescens*. Верх головы, зашеек и нижняя сторона тела этих птиц светлая, желтовато-кремовая с разными оттенками, голова и кроющие крыльев светлее, низ спины сливочного цвета, а маховые и рулевые темные. Птиц этой формы Н. А. Зарудный (1911, кол. ТашГУ) добывал под Ташкентом 3.05.06 (самец) и 6.09.12 (самец), а также наблюдал здесь пару 6.05.08. По общему габитусу и характеру окраски эти птицы несколько напоминают стервятника и, видимо, в связи с ошибками в полевом определении отсутствуют в наблюдениях всех последующих исследователей.

МОГИЛЬНИК *AQUILA HELIACA SAV.*

Могильники гнездятся в северных пустынных районах Узбекистана, на зиму откочевывают за пределы республики. В летнее время часть молодых неполовозрелых птиц встречается в равнинных районах южнее гнездового ареала. Высокогорных районов избегают.

По размерам несколько мельче беркута. У взрослых верх головы и зашеек соломенно-желтого и даже беловатого оттенка, с отдельными белыми перьями, хотя у наших птиц этот признак зачастую отсутствует (Степанян, 1969; наши данные). Молодые светло-бурые, с заметной пятнистостью верха тела, отличаются от молодых беркутов отсутствием белого основания хвоста, от молодых степных орлов - наличием продольных пятен на груди. Голос слышен реже, чем у беркута, звучит как лающее «крок-крок» или «тяяф-тяяф-тяяф».

Общий ареал могильника охватывает большую часть Европы, крайний северо-запад Африки, южную Сибирь, северную Монголию, Среднюю и Малую Азию. Из двух известных подвидов в Узбекистане, как и вообще в СССР, обитает *A. h. heliaca*.

Область гнездования в Узбекистане ограничена территорией Устюрта и северными участками центральных Кызылкумов. Литературные данные о гнездовании могильника на каракалпакском Устюрте отсутствуют. Нам известно отсюда единственное гнездо, устроенное на каменной могиле в районе станции Тулей, содержавшее 10.06.77 два сильно насиженных яйца. Обычен этот орел на гнездовании по песчаным массивам северо-западных (Нукусских) и севера центральных Кызылкумов, на юг примерно до 43° с. ш. Видимо, изолированный район гнездования имеется в Кызылкумах на хр. Букантау. В указанных выше песчаных массивах жилые гнезда могильников найдены в районе колодцев Тасберген, Керегитау, Таскудук и Бургак. Наиболее южные точки гнездования этого вида в песках определяются находкой гнезда с расклеванными вороном двумя яйцами в 8 км восточное колодца Молдыман,

а также встречей пары взрослых птиц у пустого гнезда 25.05.70 в 20 км северо-западнее колодца Сагимбай. В Букантау гнезда находили на северных склонах в ущельях Басбокалы, Джамануру и в безымянном ущелье в 10 км восточнее кол. Уру, однако орлы гнездятся здесь не ежегодно.

Южнее очерченной границы на территории Узбекистана могильники не гнездятся, хотя и могут быть встречены в весеннее время на пролете. В начале летнего периода здесь отмечаются молодые неполовозрелые птицы. Могильники избегают горных районов, здесь они не известны даже на пролетах и кочевках.

Дать подробный обзор пролета взрослых и распределения неполовозрелых могильников трудно, так как большинство авторов, писавших об этом виде, не дифференцируют материал по возрастным группам, что очень важно для подобного анализа.

Весенний прилет и пролет начинаются, видимо, в феврале. Еще Н. А. Зарудный (1915) писал, что под Джизаком пролет начинается с середины февраля, им добыта самка от 20. 02. 09 из Голодной степи (кол. ТашГУ). Никто другой раньше марта могильников не отмечает. Наиболее обычны ранние встречи в начале марта. Так, в долине р. Шерабад 7. 03 отмечен пролет 4 птиц (Остапенко и др., 1978). В Каршинской степи пролет наблюдается с 1.03 до середины апреля (Салихбаев и др., 1970). В долине среднего течения р. Зарафшан, где могильники редки на пролете, этот вид добывался 3. 04. 1885 и 12.03. 38 (Богданов, 1956). В центральных Кызылкумах, по нашим наблюдениям, наиболее ранние встречи датируются 1.03.70, 15.03. 80, 3.03.81, но основная масса птиц, как и на большей части республики, летит в начале апреля. С начала апреля, в частности в Кызылкумах, регулярно начинают встречаться и группы неполовозрелых птиц в сообществе с другими хищными птицами на выброшенных трупах каракулевых ягнят. Такие группы встречены, например, 3.04.80 (8 молодых могильников и 5 молодых степных орлов), 14.04.73 (10 молодых

могильников и степных орлов), 19. 04. 82 (4 грифа, 16 молодых могильников, 19 молодых степных орлов, 1 молодой беркут). Такие группы до 30 птиц продолжают встречаться и в мае. Однако следует отметить, что в период с июня до августа нет данных о встречах могильников южнее области их гнездования, и, если это не дефект наблюдений, можно говорить об откочевке молодых птиц из пустынных районов республики на лето севернее.

Осенний пролет или появление на кочевках южнее гнездовой области начинается, вероятно, в сентябре. Единственное указание на этот ранний срок, правда без конкретных данных, имеется для Каршинской степи (Салихбаев и др., 1967). В октябре-ноябре встречаются достаточно регулярно на большей части Узбекистана: по среднему течению Сырдарьи, в Голодной степи, центральных и южных Кызылкумах, на каракалпакском Устюрте и в Каршинской степи. Пролетные птицы могут концентрироваться в местах с обилием пищи. Так, на севере каракалпакского Устюрта в местах промысла сайгаков могильники обычны на местах, где разделялись добытые звери. Здесь на маршруте в 160 км 10.10.77 встречено 9 могильников группами от 1 до 3 птиц (Л. А. Копцев, устное сообщение). Осенью, как и весной, молодые могильники встречаются группами. В частности, в окрестностях животноводческих ферм в песках на севере центральных Кызылкумов встречены: 26.10.82 (4 могильника, 7 степных орлов, 3 беркута, 18 грифов), 27.10. 82 (4 могильника, 4 степных орла, 2 беркута, 5 грифов), 6. 11.82 (5 могильников, 4 степных орла). Во всех случаях орлы были молодыми.

В годы повышенной численности грызунов могильники могут задерживаться до середины декабря. В бесснежные зимы они отмечены в центральных Кызылкумах 9 и 11.12.80 (всего 14 птиц) и в районе Газли 1.12.77 (1 взрослая птица). Наиболее поздняя встреча могильника известна для района Ташкента, где неполовозрелую птицу наблюдали над городом 15.12.84. Указания на зимовки могильников в южных Кызылкумах,

основанные на расспросах (Зарудный, 1915), а также неопределенные сведения об обычности этого вида зимой в Кугитанге и на Келиф-Шерабадской гряде (Абдуназаров, 1982) требуют документального подтверждения. Данные Х. С. Салихбаева и др. (1970) о неоднократных встречах этого вида в середине февраля в хр. Нуратау основаны на неправильных определениях добытых птиц.

Основная гнездовая станция могильников в Узбекистане - массивы грядово-барханных песков с белосаксаульниками по северу узбекских Кызылкумов. В горах Букантау они гнездятся в устьях ущелий или на выходах коренных пород на северной подгорной равнине. На Устюрте гнездо было устроено на старинной могиле относительно недалеко от населенного пункта. В период пролета и кочевок могильники могут встречаться в любых типах равнинных ландшафтов, включая антропогенные.

В Узбекистане гнездовые пары встречаются редко. На северных склонах Букантау на площади около 250 км² гнездится, да и то не ежегодно, не более 1 - 2 пар. На севере узбекских Кызылкумов отдельные пары могильников встречаются не чаще чем 1 пара на 100 - 150 км², а обычно еще реже, к тому же спорадично.

В саксаульниках гнезда устраивают преимущественно на саксауле (4 случая) или карагане (1 случай), на старых спелых деревьях на небольшой высоте (1,4 - 2,7 м). Гнездо строится из толстых сухих ветвей деревьев и кустарников, до 1,2 - 1,5 м в диаметре. Высота однолетних гнезд 0,5 - 0,6 м, многолетних - более 1 м. Птенцы в период пребывания в гнезде сильно утаптывают его, и оно становится более плоским. Внутренние части гнезда выстилаются тонкими веточками, часто зелеными, свежесорванными. В двух случаях гнезда могильников размещались на базе старых построек курганника. В Букантау старые гнезда других хищных птиц используются чаще, в частности, 2 гнезда были устроены в пустых гнездах беркута и черного грифа, причем могильники подновили только лоток. В одном случае гнездо на уступе

песчаникового обрыва было выстроено, видимо, самостоятельно. Лоток обычно выстилается размочаленными стеблями ферулы, пучками сухой травы, иногда в небольшом количестве шерстью. В лотке одного гнезда в Букантау, кроме обычных материалов, имелись куски алюминиевого провода, изоляции, тряпок, обрывки брезентовых ремней и детского башмака. Лоток в гнездах могильников нечеткий - 29 - 32 см диаметром и 6 - 8 см глубиной. Старые гнезда могильника очень похожи на постройки беркута, но обычно отличаются отсутствием вокруг гнезда обломков панцирей крупных черепах. Эти рептилии обычны и в питании могильника, но в остатках у гнезд 4 - 5-летние черепахи, панцирь которых он еще может расклевать, уже редки, а крупных нет совсем.

Сведения о размножении могильников в Узбекистане немногочисленны, но позволяют говорить о растянутом периоде гнездования.

Приводим перечень гнезд могильника, известных из Узбекистана.

Судя по расчетным срокам начала кладки, наиболее ранняя из них начата в середине февраля. Это гнездо, обнаруженное 30. 03. 82 после заморозков, содержало 3 холодных яйца, одно из которых было треснувшим. Самка, хотя и находилась на краю гнезда, кладку не насиживала. Остальные кладки были начаты позже - одна во второй декаде марта и по одной в каждую из декад апреля. Самой поздней была кладка, найденная на Устюрте. Кроме перечисленных, одно обитаемое гнездо найдено в 1981 г. В. В. Кучеруком в районе

колодца Бургак и здесь же гнездо с 2 яйцами осмотрено в апреле 1978 г.

В полной кладке содержится 1 - 3 яйца (1 яйцо - 1 раз, 2 - 4 раза и 3 - 2 раза), в среднем по 7 кладкам - 2,14 яйца. Размеры яиц из трех кладок: 1 - (10.06.77) 72,9X56,4, 72,6X56,0; 2 - (2.04.77) 75,6X57,2, 74,2X58,8 и 70,7X56,8; 3 - (30.03.82) 74,4X55,0, 69,9X X55,5 и 71,6x54,7. Средние размеры яиц (n=8): 72,74X56,30 мм. Они несколько мельче яиц беркута, однако размеры отдельных яиц или средние для кладок могут перекрываться.

Яйца могильника в общем похожи на яйца беркута, но не такие пятнистые. Скорлупа выглядит менее крупнозернистой. Поверхностный рисунок чаще в виде мелких точек, пятнышек или мазков бурого, коричневатого-ржавчатого или серовато-коричневого цвета имеется обычно лишь на одном яйце в кладке и сконцентрирован на одном из концов. Глубокий рисунок в виде довольно крупных полей, пятен и пятнышек равномерно распределен по всему яйцу.

Из 6 кладок могильника, бывших под наблюдением, в 3 случаях они были уничтожены пустынным вороном, а в 1 погибли по неизвестной причине. В условиях хозяйственного освоения пустынь численность пустынного ворона неуклонно повышается, что губительно сказывается на гнездовании многих видов, в том числе могильника. Способ отвлечения насиживающей самки с гнезда, применяемый воронами (см. описание в биологическом очерке курганника), видимо, эффективен и против могильника. Помимо этого, вороны

<i>Дата</i>	<i>Место гнездования</i>	<i>Содержимое гнезда</i>
2.04.77	Северо западные Кызылкумы, скважина Тасберген	3 слегка насиженных яйца
10.06.77	Устюрт, ст. Тулей	2 яйца перед вылуплением
12.04.79	Букантау, Басбокалы	Почти готовое гнездо, но без лотка
14.04.80	Север центральных Кызылкумов, Керегитау	2 свежих яйца, расклеванных вороном
27.04.81	Северо-восток центральных Кызылкумов, 8 км вост. колодца Молдыман	2 свежих яйца, расклеванных вороном
30.03.82	Букантау, 10 км вост. колодца Уру	3 сильно насиженных яйца
20.05.85	Букантау, Джамануру	1 яйцо птица насиживает

подкарауливают любой удобный момент, когда у гнезда нет хозяина. В условиях развитого пастбищного животноводства в северных Кызылкумах фактор беспокойства птиц у гнезд со стороны человека очень велик, что и служит основной причиной гибели яиц.

Питание могильников в Узбекистане не изучено. Гнездование приурочено к участкам, где многочисленны большие песчанки, тонкопалые суслики, а местами, особенно в Букантау, и желтые суслики. Перечисленные грызуны составляют основу рациона этих орлов. Кроме того, у гнезд в песках регулярно встречаются панцири молодых черепах, шкурки ежей, остатки степных агам. Заяц-толай, являющийся одним из важных компонентов питания могильников в Казахстане (Спангенберг, Фейгин, 1936; Лобачев, 1960; Ко-релов, 1962), нами в остатках у гнезд не найден, видимо, в силу его низкой численности в годы нашей работы. Молодые птицы регулярно встречаются на падали, особенно на трупах мелкого рогатого скота на скотомогильниках, а также на выброшенных тушках каракулевых ягнят.

В целом могильники относятся к одним из редких видов орлов Узбекистана, безвредны для человека и заслуживают бережного отношения. Вид занесен в «Красную книгу СССР».

БЕРКУТ *AQUILA CHRYSAETOS L.*

Гнездящаяся, оседлая птица малоизмененных, открытых ландшафтов равнин и высокогорий Узбекистана. В лесном поясе гор встречается редко, а земледельческих районов избегает.

Крупнее других орлов. Взрослые однообразно темно-бурые с золотисторыжим верхом головы. Хвост относительно длинный, закругленный на конце, только у

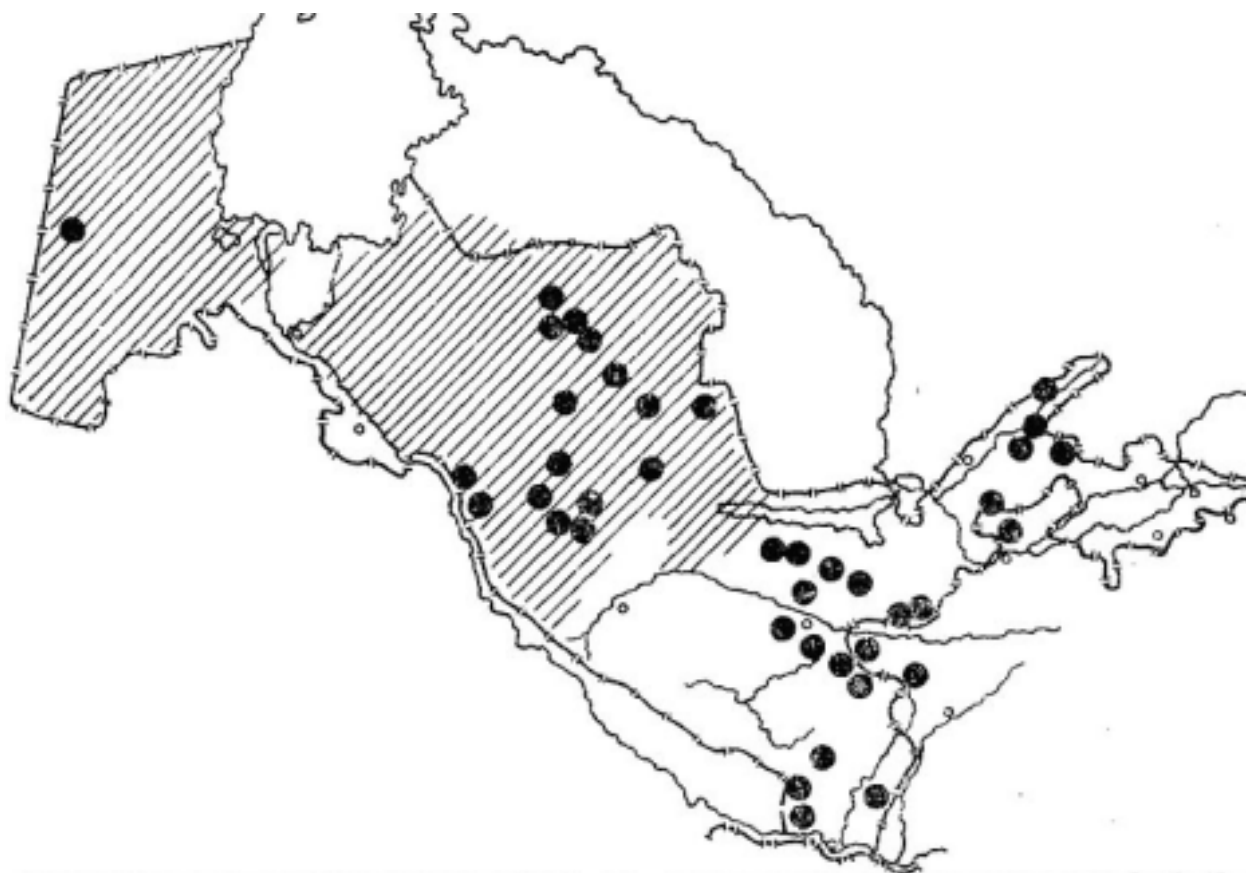
очень старых птиц полностью темный, чаще с заметным белым основанием. Молодые темно-бурые, с широким белым основанием хвоста и предвершинной темной полосой, снизу с белыми пятнами на крыльях. Голос - характерный орлиный клекот - можно передать звуками «квек-квек-кек».

Ареал охватывает обширную территорию большей части Северной Америки, Северную

Африку и практически всю Евразию, кроме ее тропической части. Внутривидовая изменчивость беркута в Средней Азии изучена недостаточно. Ориентировочно можно считать, что на большей части Туранской низменности, преимущественно в песчаных ландшафтах, обитает *A. ch. homeyeri*, близкий к номинальной форме. В высокогорьях западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая встречается *A. ch. daphanea*, который, по нашим предварительным материалам, гнездится и ниже - на хр. Нурагау и, видимо, в останцовых низкогорьях центральных Кызылкумов, где, однако, не исключено обитание смешанной популяции.

В Узбекистане беркут распространен в большей части пустынных и высокогорных районов. На Каракалпакском Устюрте гнездование беркута известно как на самом плато, где гнездо найдено в окрестностях колодца Учкудук (Костин, 1956), так и по восточному и южному чинку Устюрта (Молчанов, 1912; Зарудный, 1916). В собственно низменной части дельты Амударьи не гнездится, но выше по реке, где берега, особенно правый, обрывистые, гнездится регулярно. В частности, гнезда найдены в Кызылкумском заповеднике (Сагитов, Салимов, 1978) и в районе пос. Кызылрават. Молодая птица добыта на обрывах в районе Дарганата (Гладков, 1932). Выше по Амударье между Чарджоу и Келифом беркут не гнездится, появляясь в долине реки лишь случайно (Зарудный, 1891; Яценко, 1891).

Мало сведений о гнездовании беркута в песках северо-западных Кызылкумов. В то же время он регулярно гнездится по всем песчаным массивам центральных Кызылкумов как в приамударьинской, так и в присырдарьинской части, а также по всем останцовым низкогорьям центральных Кызылкумов. Отсутствуют данные о гнездовании беркутов для хр. Султануиздаг, но в гнездовании там этого вида нет оснований сомневаться. Беркута нет только на обширных пространствах глинистых и щебнистых равнин, где отсутствуют естественные древесные насаждения или обрывы, но создание здесь искусственных сооружений

(вышек, линий электропередач) позволяет ему заселять и эти равнины, в частности в центральных и юго-западных Кызылкумах.

Беркут отсутствовал раньше и вряд ли появится в дальнейшем в Голодной и Каршинской степях, а также в равнинной части Ферганской долины. Обычен в некоторых периферийных, относительно невысоких хребтах Памиро-Алая (Нуратау, Кугитанг, Бабатаг, Каратепинские горы), но только там, где они непосредственно примыкают к пустынным подгорным равнинам, мало освоенным человеком, с богатой фауной дневных видов грызунов, черепах, кекликов и т. д. В подобных же ландшафтных условиях, но без крупных целинных участков в предгорьях беркуты на гнездовье практически отсутствуют. Так, этот вид не был найден нами в северных предгорьях хребтов Байсунтау и Гиссарского, обследованных на большом протяжении в апреле 1985 г. Нет гнездовой беркутов и в предгорных районах западного Тянь-Шаня в пределах Ташкентской области и предгорном обрамлении Ферганской долины.

В лесном поясе горных районов Узбекистана беркуты распространены

спорадично, что также объясняется наличием или отсутствием подходящей добычи, в первую очередь кекликов, сурков, зайцево-толаев. Гнездование в лесных районах, особенно у верхней границы лесного пояса, отмечено в западном Тянь-Шане, в бассейнах Пскема, Чаткала, Башкызылсая, Ангрена, на Кураминском хребте, в арчовых лесах Туркестанского, Зарафшанского и Гиссарского (вместе с Байсунтау) хребтов. По сообщению Р. Н. Мекленбурцева, прежде он регулярно гнезился в окрестностях пос. Бричмулла (нижнее течение р. Коксу) на скалах. В лесной зоне численность птиц ниже, чем в низкогорьях, причем «лесные» беркуты часто охотятся в субальпийской и альпийской зонах.

Наиболее характерны беркуты для высокогорных районов западного Тянь-Шаня и Гиссарского хребта, там, где имеются поселения сурков Мензбира и красного - основных объектов их питания в гнездовое время. При высокой численности этих грызунов беркуты встречаются ежегодно. В связи со снижением численности сурков в результате браконьерства численность беркутов также снижается (южные склоны

Чаткальского хребта и Ангренское плато в период 1976 - 1984 гг., верховья р. Игрису в Байсунтау, 1979 и 1984 гг.). Молодые, неполовозрелые особи держатся в летнее время в ландшафтах, идентичных гнездовым, но осенью и зимой, как и часть половозрелых птиц, особенно горных популяций, широко кочуют, появляясь даже в окрестностях Ташкента и Самарканда.

В песчаных массивах Кызылкумов беркут приурочен к участкам, заросшим спелым высокоствольным саксаульником (Зарудный, 1915; наши данные), или к участкам с выходами скалистых и песчаниковых пород (чинки древне-четвертичного плато, обрывы берегов речных долин и т. д.). Монотонных равнин (Устюрт, подгорные равнины гор-останцов) избегает, хотя отдельные пары могут гнездиться на одиночных деревьях (Костин, 1956) или сооружениях человека (линии электропередач, башни, могилы и т. п.). Наиболее регулярно гнездится в скальниках гор-останцов в Кызылкумах и в Нуратау. Видимо, в скалах гнездится и в западном Тянь-Шане и Памиро-Алае. Гнезда, как правило, размещаются в безлюдных или мало посещаемых людьми местах.

В Узбекистане беркут более или менее обычная птица, а в ряде мест даже многочисленная. Так, в Нуратинском заповеднике ежегодно гнездится не менее 10 пар (Коршунова, Коршунов, 1983), размещаясь пара от пары не ближе 3 км. В высокогорье Кызылсуйского заповедника (Гиссарский хр.) на площади 30000 га учтено в 1979 г. 6 - 8 птиц, в 1980 и 1981 гг. - по 8 - 10 птиц (Аромов, 1982), но гнезда не найдены. Нередок в межгорной долине гор-останцов Кульджуктау и Ауминзатау, уступая здесь по численности только курганнику (Лаханов, 1965). В годы с нормальной численностью грызунов обычен в горах Букантау. Здесь по северным склонам хребта на 250 км² горной местности со скалами и ущельями гнездится не менее 7 - 8 пар, обычно по 1 паре на большое ущелье. В годы депрессии численности грызунов число гнездящихся пар сокращается. Так, если в 1980 и 1982 гг. здесь было найдено по 6 гнезд беркута, то при уменьшении численности

грызунов в 1983 г. было найдено 4 гнезда, а в 1985 - ни одного. В районе г. Зарафшан в 1981 г. и на северо-западе хр. Кульджуктау в 1979 г. на участках, где линии электропередач пересекают массивы песков, жилые гнезда на опорах отмечались в 4 - 5,5 км друг от друга.

В целом численность беркута, основательно подорванная регулярным разорением гнезд при отлове птенцов в период использования его в качестве ловчей птицы, в некоторых районах в последнее десятилетие заметно возросла. По-прежнему низкой остается численность в песках северного Узбекистана и высокогорьях западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

В республике гнезда беркута найдены на саксауле (Зарудный, 1915 - 2; Костин, 1956 - 1; наши данные - 1), лессовых обрывах (Сагитов, Салимов, 1978 - 1; Лаханов, 1965 - 3), чинках древне-чет-вертичного плато в центральных Кызылкумах - 4, триангуляционном пункте - 1, металлических опорах ЛЭП - 5. Основное же число найденных гнезд было устроено на скалах - 48 (Зарудный, 1915; Богданов, 1956; Мекленбург-цев, 1958; Loudon, 1910; Лаханов, 1965; Степанян, 1970; Салихбаев и др., 1970; Коршунова, Коршунов, 1983; наши данные). Гнезда на скалах устраиваются на самых недоступных и высоких уступах и карнизах, в связи с чем, они намного реже, чем на деревьях, подвергаются разорению.

Деревья (саксаульники) раньше, видимо, регулярно использовались беркутами для гнездования на севере пустыни Кызылкум (Северцов, 1888; Зарудный, 1915), но в связи с былым интенсивным разорением легко доступных на высоте 2 - 3 м гнезд с целью изъятия птенцов уже к концу 20 - началу 30-х годов беркут стал здесь редким на гнездовании (Спангенберг, Фейгин, 1936). Кроме того, из-за интенсивной вырубki саксаула резко сократилось число пригодных для гнездования мест. В последние годы беркуты стали использовать для гнездования искусственные сооружения (металлические опоры ЛЭП, триангуляционные пункты и пр.), как правило, хорошо защищенные от случайного разорения животными и человеком.

Гнездо беркут строит из крупных, толстых, сухих ветвей различных деревьев и кустарников, наиболее обычных вблизи места гнездования (саксаул, джужгун, песчаная акация, миндаль, в горах - арча, боярка и др.). Внутренняя часть гнезда выстилается более тонкими ветками и прутьями. Размеры гнезда варьируют от 90 до 160 см, определяясь зачастую наличием места на карнизе или уступе скалы. Толщина гнезда на скалах незначительная, лишь изредка достигает 30 - 40 см. При гнездовании на деревьях оно, напротив, очень толстое - до 0,5 м и более. При повторном гнездовании птицы вновь выкладывают толстый слой свежих ветвей. Такие гнезда часто падают под своей тяжестью, обламывая поддерживающие его ветви.

Характерный признак старого, многолетнего гнезда беркута в пустынной части ареала - обломки панцирей крупных черепах, в большом числе брошенных под гнездом и на его краю. В песках, где беркут не может разбить панцирь черепахи, их остатки отсутствуют. Лоток выстилается толстым слоем сухой травы, вырванной вместе с корнями, пучками полыни, очень много кусков размочаленных стеблей и влагилиц ферулы. Зачастую попадают пучки шерсти и волоса, зеленые веточки растений, приносимые в гнездо в процессе насиживания яиц. Лоток слабо выражен, диаметр его 28 - 41 см, глубина 6,5 - 9 см (Лаханов, 1965; наши данные). Рядом с гнездом беркута имеются 2 - 3 старых гнезда, использовавшихся раньше. Одна и та же постройка может заселяться несколько лет подряд, иногда птицы чередуют их. Так, в Букантау пара беркутов гнездилась в одном и том же гнезде 3 года подряд, хотя в 200 м было старое, полуразрушенное гнездо; в ущелье в 10 км восточнее кол. Уру - 2 года. Наблюдения Е. Н. и Е. Н. Коршуновых (1983) о ежегодной смене гнезда вызваны, видимо, регулярным беспокойством птицы у гнезда при его осмотрах.

В Узбекистане установлен 51 случай гнездования беркута, что достаточно полно отражает фенологию его гнездового периода.

На центральном Устюрте гнездо с 1 яйцом

(видимо, болтуном) и 1 птенцом, у которого на спине, голове и боках начинается пробиваться контурное перо, найдено 19.06.48 (Костин, 1956). В Кызылкумах находки гнезд известны из восточной, песчаной части, пограничной с Казахстаном, где 27.05.12 между кол. Рыскельдэ и Божманбай найдено 1 гнездо со слабо насиженным яйцом, а 31.05 между Ходжамберди и Дорткудуком - гнездо с 1 яйцом перед вылуплением и 1 «болтуном» (Зарудный, 1915).

В песках центральных Кызылкумов гнезда беркута найдены нами 16.04.70 с 1 насиженным яйцом у колодца Кызылой, 31.03.80 с 1 «болтуном» и 1 недавно вылупившимся птенцом в 5 км южнее колодца Тогузбай, 10.04.80 - с 2 уже подросшими птенцами в пуховом наряде у колодца Косбугут (все три гнезда севернее хр. Тамдытау). Два гнезда севернее хр. Букантау содержали: 15.03.80 - 2 сильно насиженных яйца в окрестностях колодца Ташмулла и 2.05.83 - 1 пухового птенца в возрасте 10 - 12 дней в 6 км юго-восточнее колодца Турбай.

В горах Букантау гнезда беркута осмотрены в ущелье Басбокалы (9.04.71 с 1 «болтуном» и 1 подросшим пуховым птенцом, 18.03.80 с одним болтуном, 14.04.82 с 2 птенцами в пуховом наряде, 19.04.82 с 2 птенцами во втором пуховом наряде), в Чингельды (11.04.79 с 1 только что вылупившимся птенцом и 2 яйцами, одно из которых было наклюнуто, 14.03.80 с 2 птенцами в возрасте нескольких дней, 29.03.82 с 2 недавно вылупившимися птенцами, 24.03.83 с 2 птенцами в возрасте 6 - 8 дней), в Джамануру (12.04.79 с 2 сильно насиженными яйцами, 25.03.83 с 2 яйцами перед вылуплением), в ущелье в 10 км восточнее колодца Уру (30.03.82 и 30.03.83 по 2 сильно насиженных яйца), в 20 км западнее пос. Джускудук (16.05.83 2 уже полностью оперенных птенца). В хр. Кульджуктау найдены гнезда 24.03 (2 кладки по 3 яйца перед вылуплением) и повторная кладка взамен взятой в коллекцию, в которой 16 и 20.04 отложено 2 яйца (Лаханов, 1965). В Кызылкумском заповеднике гнездо с хорошо оперенными птенцами обнаружено 20.05 (Сагитов, Салимов, 1978). В

окрестностях пос. Кызылрабат в осмотренном нами гнезде 26. 03. 79 была слегка насиженная кладка из 3 яиц.

Много сведений о гнездовании беркута в хр. Нуратау. В гнезде, найденном в районе Ворота Тамерлана (недалеко от Джизака), 3.05 были довольно крупные птенцы (Loudon, 1910). В ур. Маджерум 2 гнезда с сильно насиженным яйцом и с птенцами найдены 26.04. и 13.05 (Салихбаев и др., 1970). По наблюдениям в Нурагинском заповеднике (16 случаев гнездования), птенцы вылупляются в апреле-начале мая, а покидают гнезда во второй и третьей декадах июня (Коршунова, Коршунов, 1983).

В среднем течении р. Зарафшан 26.05.26 в ур. Агалык в Каратепинских горах в гнезде было 2 птенца в сером пуховом наряде с пробивающимися пеньками (Богданов, 1956); с 20.04 выкармливание птенцов наблюдали южнее Пенджикента (Абдусаламов, 1971).

Анализ имеющихся материалов свидетельствует о раннем начале размножения беркута. Первые яйца в гнездах появляются у некоторых пар уже в последней декаде января. В феврале и до середины марта отмечается массовая кладка яиц, заканчивающаяся к концу месяца. Из 31 кладки 25 (80,6%) начаты до конца марта. В последующем свеженачатые кладки редки. Самое позднее гнездо отмечено Н. А. Зарудным (1915) в восточных Кызылкумах - 27.05.12. Кладки, начатые в апреле и позднее, видимо, принадлежат или молодым птицам, затрачивающим больше времени на устройство гнезда, или относятся к повторным, начатым взамен погибших первых яиц. Так, после сбора в коллекцию первой кладки с сильно насиженными яйцами птицы, заняв другое гнездо, первое яйцо повторной кладки отложили 16.04, а второе - 20.04 (Лаханов, 1965). Н. А. Зарудный (по Иванову, 1940) оба найденных им в мае гнезда также относит к повторным. Единственное известное из высокогорий Узбекистана гнездо, найденное у истоков Игрису 6.07.55 (Мекленбурцев, 1958), содержало хорошо оперенных птенцов. Откладка яиц в нем должна была начаться во второй декаде апреля.

Расчетные сроки начала размножения согласуются и с полевыми наблюдениями. В Кызылкумском заповеднике птицы у гнезда отмечены 13.01 (Сагитов, Салимов, 1978), в Нуратау беркутов, носящих в гнездо ветки, наблюдали в третьей декаде января (Коршунова, Коршунов, 1983). Спаривание птиц здесь же отмечено в 1-й и 2-й декадах февраля, откладка яиц происходит в конце месяца. Н. А. Зарудный (1915) молодых, хорошо летавших беркутов наблюдал в горах Актау (Тамдытау) 15 - 16.06, в Аристанбельтау 10 - 12.06, в Тохтатау - 21 - 23.06. В Кызылкумском заповеднике птенцы покинули гнездо 4.06.

В кладке беркута от 1 до 3 яиц, в среднем ($n=31$) 1,97, причем 3-яйцовые кладки отмечаются в оптимальные сроки размножения, а однойяйцовые - только в его конце. В Нуратау в 16 гнездах с 8 гнездовых участков средний размер кладки 2,1, и ни разу не найдена полная кладка из одного яйца, нет и поздно начатых гнезд, что, видимо, объясняется меньшей гибелью кладок в период насиживания из-за их труднодоступности и заповедного режима территории.

Размеры яиц из хр. Нуратау ($n=11$) 72,12X56,59 (74,3 - 69,9 X X 66,7 - 44,7) (Коршунова, Коршунов, 1983), из центральных Кызылкумов ($n=17$) 76,39X57,9 (87,8 - 69,0X60,6 - 54,8) мм. Размеры 3 яиц из восточных Кызылкумов 72,5X57,2; 80,0X57,0 и 78,2x56,5 (Зарудный, 1915). В среднем по Узбекистану ($n=31$) 74,92x57,34 (87,8 - 69,0X66,7 - 44,7) мм. Масса сильно насиженных яиц ($n=11$) в среднем 121,17 (138,7 - 103,0) г.

Яйца с белым основным фоном, поверхностные пятна от темно-бурых до рыжеватого-коричневых, концентрируются чаще с тупого, реже с острого конца, причем в кладке на одном яйце их больше, на других меньше, вплоть до полного отсутствия. Глубокие пятна лилового-серые, в виде крупных полей, пятен и пятнышек, распределенных более или менее равномерно по всему яйцу.

Продолжительность постройки гнезда в зависимости от того, занимают птицы старое гнездо или строят новое, может колебаться

от 5 до 22 дней. Интервал в откладке яиц составляет, по наблюдениям у одного гнезда с повторной кладкой, 4 дня (Лаханов, 1965). По данным этого же автора, срок насиживания составляет 37 - 39 дней после от-кладки яиц (птенцы вылупились 25 и 27.05), по другим данным - до 45 дней (Дементьев, 1951). Птенцы находятся в гнезде около 1,5 мес. или чуть дольше. Выводки не распадаются длительное время. Так, 2 взрослых и 2 молодых беркута в одной группе отмечены нами в окрестностях г. Зарафшан еще в конце октября.

Питание беркута разнообразно и определяется ландшафтной приуроченностью и численностью основных видов жертв. В пустынных условиях и в низкогорьях беркуты используют широкий круг объектов. Среди них особое место занимает молодняк копытных - джейрана, архара, домашних овец. По-видимому, в прошлом, когда численность диких копытных была повсеместно высока, этот вид корма был одним из ведущих. Остатки молодых джейранов обнаружены у гнезд на Устюрте (Костин, 1956) и в Кызылкумах (Зарудный, 1915). Архары составляют основу питания беркутов в Нуратинском заповеднике, причем появление птенцов в гнездах совпадает по срокам с массовым окотом. В прошлом остатки ягнят архара отмечались и у гнезд беркутов из останцовых гор Кызылкумов. В настоящее время беркуты здесь регулярно добывают ягнят каракульских овец, но, видимо, чаще подбирают их трупы, брошенные после снятия шкурки. Большое место в питании беркутов в Кызылкумах занимают различные грызуны с дневной активностью - желтые и тонкопалые суслики и большие песчанки. Тонкопалые суслики в течение всего года составляют основу питания беркутов, обитающих в условиях барханных песков. Здесь постоянно приходится видеть птиц, низко пролетающих над песками. Неожиданно появляясь из-за складок рельефа, они легко ловят этих зверьков, кормящихся, как правило, далеко от норы.

На северных подгорных равнинах Букантау важное место в питании беркута в

гнездовое время занимают желтые суслики, постоянно находимые в гнездах с птенцами (иногда до 8 штук одновременно). Беркут охотится на них на открытой равнинной местности, пикируя с большой высоты. Здесь же регулярно ловит больших и реже - краснохвостых песчанок. По остаткам в гнездах определены тонкопалый суслик (1), желтый суслик (20), большая песчанка (18), краснохвостая песчанка (4). Из других жертв регулярно встречаются зайцы-толаи, ушастые ежи, молодые лисята, из птиц - дрофа-красотка и кеклики. Кеклики, встречаются в питании беркута по всему его ареалу в Узбекистане, добываются им не всегда адекватно их численности. Так, будучи основой питания беркута в горах Нуратау и в лесном поясе других горных хребтов, в горах-останцах в числе жертв они отмечены только в Тамдытау (Зарудный, 1915), в то время как на фоне высокой численности в Букантау и Кульжуктау в питании беркута практически не встречаются (Лаханов, 1965; наши данные). Это связано, видимо, с обилием здесь грызунов и степных черепах.

О значении черепах в питании беркута следует сказать особо, так как практически у всех гнезд беркута, кроме приуроченных к массивам сплошных песков, встречаются обширные скопления разбитых панцирей. Беркуты легко справляются с черепахами, бросая их с высоты на камни. Там, где есть выход камней или скалы, беркуту под силу практически все возрастные группы черепах, но в остатках преобладают особи с диаметром панциря 25 - 35 см. По наблюдениям в Кульджуктау, беркуты принесли в гнездо за 3 дня 10 разбитых черепах (Лаханов, 1965), т. е. в среднем 3 - 4 в день и 150 - 200 за весь период выкармливания молодых. Там, где их мало, беркут регулярно добывает других крупных рептилий. В Нуратинском заповеднике большое место в рационе занимает желтопузик и разные виды змей. Здесь же еще по снегу в марте отмечено удачное нападение беркута на взрослую самку дикобраза, причем от удара хищника у нее был раздроблен череп.

Данные о питании беркута в высокогорьях практически отсутствуют. Отмечены

неоднократные попытки, среди них и удачные, нападения на сурков Мензбира, красного, а также на реликтового суслика. С поселениями этих трех видов грызунов связано распространение здесь беркута. Кроме того, отмечены случаи нападения и находки у гнезд остатков зайцев, кекликов и уларов (Мекленбурцев, 1958; Аромов, 1982; наши данные). Молодые и взрослые птицы во внегнездовое время регулярно отмечаются на падали даже крупных животных, например, коровы (Костин, 1956). Регулярно встречаются в общих стаях с крупными падальщиками.

В целом беркут является прекрасным украшением природы и, питаясь малоценными и даже вредными видами животных, а также трупами, безусловно, заслуживает охраны.

ОРЛАН-ДОЛГОХВОСТ *HALIAEETUS LEUCORYPHUS PALL.*

Немногочисленная, видимо, гнездящаяся птица, при кочевках и изредка на зимовках встречается по долинам равнинных рек, на крупных озерах и водохранилищах.

Крупная хищная птица, менее массивная, чем белохвост, похожая по внешнему облику больше на беркута. У взрослых верх однообразно черно-бурый, голова, горло, зоб беловато-охристые. Довольно длинный хвост у основания светлый, с широкой черно-бурой вершинной полосой. Клюв, восковица, неоперенные цевки темные, а не желтые, как у белохвоста. Молодые птицы серовато-бурые с рыжеватыми каемками перьев и коричневатой бурой головой. Хвост одноцветно темный. Через глаз и ухо идет малозаметная темная полоса. Голос напоминает клекот орлов, довольно глухой и сиплый.

Ареал приурочен к крупным водоемам Центральной Азии, от Средней Азии до Монголии, большей части Китая и северной Индии. Подвидов не образует.

В Узбекистане гнезда до настоящего времени не известны, но учитывая находки в ряде мест нижней Сырдарьи (Спангенберг, Фейгин, 1936), а также многочисленные летние наблюдения по восточному

побережью Аральского моря и долине Амударьи, гнездование здесь вероятно. О гнездовании в низовьях Амударьи определенно не говорил практически никто из зоологов, посещавших этот район в конце прошлого - начале нынешнего столетия (Бутлеров, 1879; Богданов, 1882; Никольский, 1892; Молчанов, 1912), хотя, исходя из контекстов, гнездование ими предполагалось. Н. А. Зарудный (1891) писал о гнездовании долгохвоста в среднем течении Амударьи, но в более поздней работе (1916) специально отмечал, что несмотря на частые летние встречи вида по всему восточному побережью Аральского моря от Аральска до устьев Джанадарьи, везде это были негнездовые особи. Кроме непопозрелых птиц были добыты взрослый самец (19.06.11) и самка (16.06.11), так что его замечание о их холостовании основано на вскрытиях.

Регулярно встречая долгохвостов летом 1931 г., предполагал их гнездование на нижней Амударье Н. А. Гладков (1932). Здесь же орлана-долгохвоста встречали в летнее время в последующие годы (Гладков, 1935; Костин, 1956). Условия для гнездования долгохвоста в низовьях Амударьи однотипны (или были такими до недавнего времени) тем, которые существовали в долине Сырдарьи, где он гнездится. Долгохвост, в отличие от белохвоста, охотно устраивает гнезда в заламах старых крепей тростника. Большое количество холостующих летом птиц, безусловно, связано с поздним половым созреванием вида (видимо, на 4-м году жизни), а также с пребыванием здесь в летнее время части птиц, отгнездившихся южнее, в Индостане (Потапов, 1966).

Долгохвосты отмечались по Амударье с 6.06 по 3.07.84 между Чарджоу и Дарганата (8 птиц, Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение), в дельте и по побережью Арала, где одиночную птицу наблюдали 10.06.77, двух 6.07.77, одну - 6.08.78 (Попов, 1981).

Осенние откочевки долгохвостов к югу начинаются в конце сентября - октябре. В Нуратинском хребте на высоте 1500 - 1800 м над ур. м. пролетные птицы отмечены 30.09.80, 2.10.80 и 15.10.82 (взрослая птица). В низовьях реки Зарафшан, где эти птицы

летом не встречаются, С. К. Даль (1936) видел одиночек 23.10.35 (оз. Сунгур) и 27.10.35 (оз. Каранга). На Тудакульском водохранилище одиночную особь наблюдали 21. 10 (Салихбаев, Остапенко, 1962). В долине Сырдарьи осенью редок. Лапы двух убитых охотниками птиц доставлены в октябре из района Дальверзина (Мекленбурцев и др., 1961). Одновременно с началом кочевок долгохвосты продолжают держаться и в низовьях Амударьи, где отмечены в октябре и ноябре, а в низовьях Кувандарьи даже 17. 12 (Северцов, 1888; Попов, 1981). Самые поздние встречи долгохвоста зарегистрированы на Сырдарье 2.12.11, когда был добыт молодой самец (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ), по долине Зарафшана в окрестностях Самарканда - 4.12.33 (Богданов, 1956).

Настоящие зимовки бывают, видимо, только в верхнем течении Амударьи, где 26.01 четыре птицы встречены на острове Арал-Пайгамбар (Степанян, 1971). Область зимовок может меняться в зависимости от условий на водоемах. В некоторые годы часть птиц может перезимовывать на незамерзающих участках крупных водохранилищ. По-видимому, к зимующим можно отнести 4 птиц, регулярно встречавшихся на Тудакуле с 15.02 по 20.03.65 (Салихбаев, Остапенко, 1962).

Весенний пролет начинается в марте, продолжается в апреле и начале мая. Явно пролетные особи отмечены на Нуратинском хребте 2. 03. 81 н.а высоте 1400 м над ур.м. (Е. Н. Коршунова, устное сообщение), а в предгорьях хребта - 15. 03. 76 (А. К. Филатов, устное сообщение). К мигрирующим птицам относится и встреча взрослого долгохвоста 23.03.81 в песках Джаманкумы в центральных Кызылкумах. Две взрослые птицы отмечены 24.03.80 в безводном ущелье хр. Букантау в 10 км юго-восточнее кол. Уру, где они напали в воздухе на гнездящихся здесь грифов. Апрельские встречи известны из Ферганской области, Чиназа (несколько взрослых 13.04), окрестностей Ташкента (молодая самка 26.04.07), средней Амударьи (Фараб, 22. 04) (Loudon, 1910, кол. ТашГУ). Взрослый пролетный долгохвост встречен на р. Шерабад 8.05.64 (Степанян, 1970), а в

Нуратинском заповеднике 13.05.80. Пролет взрослых птиц в полном брачном наряде в апреле-мае, видимо, связан с откочевкой на летний период уже отгнездившихся в северной Индии особей.

В состав питания долгохвоста входит довольно широкий круг объектов. Летом на водоемах в большом количестве использует снулую рыбу. Остатки двух крупных сазанов обнаружены, в частности, на месте отдыха в низовьях Амударьи в июне. Много и эффективно охотится на водоплавающих птиц и, в противоположность белохвосту, охотно питается грызунами - сусликами, песчанками и даже мышевидными (Варшавский, 1983). Остатки песчанок обнаружены и в погадках долгохвоста в октябре в низовьях Амударьи и в марте в Букантау.

Долгохвосты малочисленны, не приносят заметного вреда для полезной фауны и поэтому заслуживают бережного отношения. Вид занесен в «Красную книгу СССР».

ОРЛАН-БЕЛОХВОСТ *HALIAEETUS ALBICILLA* L.

Зимующая и пролетная птица равнинной части Узбекистана. Неполовозрелые особи встречаются и в летнее время.

Одна из самых крупных хищных птиц, превосходящая по размерам орлов. Отличительными признаками вида являются прямые, очень широкие крылья с пальцеобразно расставленными маховыми перьями и относительно короткий клиновидный хвост, белый у взрослых и бурый у молодых особей. Сверху и снизу окраска темно-бурая, голова более светлая. Молодые птицы темнее взрослых. Клюв очень массивный, желтый у взрослых, темный у молодых. Лапы желтые, с голой, неоперенной цевкой.

Гнездится по побережьям рек, озер и морей на большей части Европы, северной Азии и на крупных морских островах от Гренландии и Исландии до Курильских. Южнее известно гнездование в Передней Азии, Закавказье, низовьях Волги, Или, на юге Сибири и в восточном Китае. В СССР к северу встречается до пределов распро-

странения высокой древесной растительности в лесотундре. В Узбекистане отмечается номинативный подвид *H. a. albicilla*.

Вопрос о гнездовании орлана-белохвоста в Узбекистане трактуется неоднозначно. В первых работах (Богданов, 1882; Молчанов, 1912) авторы определенно высказывались о гнездовании белохвоста в низовьях Амударьи, причем, по наблюдениям Л. А. Молчанова, он был даже «весьма обычен». Н. А. Гладков (1932) осторожно писал о возможности гнездования здесь этого вида, но позже, при продолжительных исследованиях в мае - июне 1933 г. в дельте Амударьи вообще его не отмечает (Гладков, 1935). В последние годы о гнездовании белохвоста в дельте говорит только К. Кенжегулов (1966), но, как и все предыдущие авторы, не приводит конкретных подтверждений. Такие данные отсутствуют и для долины Сырдарьи, восточного побережья Аральского моря (Зарудный, 1916; Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962). Замечание В. М. Антипина (1961) о том, что белохвост гнездится в окрестностях г. Кызылорда, ограничивается одной фразой, а данные В. Г. Березовского (1983) о находке старых гнезд, а также приведенное им сообщение рыбаков об обнаружении кладки в дельте Сырдарьи неубедительны, так как сам автор жилые гнезда не видел, а описанные постройки могли принадлежать другому виду.

Таким образом, до настоящего времени отсутствуют документированные находки гнезд орланов-белохвостов из всего бассейна Аральского моря. Ближайшие места регулярного гнездования этого вида - дельта Волги, долина р. Урал, низовья Или. Во всех названных пунктах белохвосты гнездятся на деревьях, в условиях, как правило, отсутствующих в районе Аральского моря. В дельте Волги, как исключение, при высокой численности отмечен единичный случай гнездования в аномальных условиях - в тростниках (Русанов и др., 1983).

Осенью начавшие миграцию белохвосты появляются в Узбекистане в сентябре - октябре, что хорошо согласуется с наблюдениями по прилежащим территориям

Казахстана, Таджикистана и Туркмении (Дементьев, 1952; Корелов, 1962; Иванов, 1940; 1969; Абдусаломов, 1971). Наиболее ранние встречи птиц осенью (без указания их возраста) зарегистрированы в средней части долины р. Зарафшан 25.09.09 и 26.09.26 (Иванов, 1940; Богданов, 1956). В дельте Амударьи, на оз. Дауткуль 7 птиц наблюдали 27.09 (Остапенко, 1983). В октябре белохвосты встречаются чаще, в частности они отмечены на Ай-дарских разливах (25.10.74), озерах низовий Зарафшана (23 и 27.10.35), в низовьях Амударьи и на южном чинке Устюрта (Костин, 1956). В ноябре они регулярно отмечаются на всех крупных водоемах, особенно на изобилующих пролетными водоплавающими птицами, в первую очередь лысухой. В это время интенсивный пролет идет по Нуратинскому хребту, где птиц регулярно наблюдали 7 - 12.11.82, а 10.11 здесь на 3 км маршрута встречено 6 особей, из которых 4 взрослых и 2 молодых (Коршунова, Коршунов, устное сообщение).

Характер зимнего пребывания зависит от ледовой обстановки. В дельте Амударьи зимой редок (Рашкевич, 1962), хотя при похолоданиях небольшие скопления по 3 - 10 птиц отмечаются в окрестностях ферм, рыболовецких станов, рыбозаводов, где они кормятся отбросами (Кенжегулов, 1966). В декабре белохвосты еще обычны на всех крупных водохранилищах. В это же время отмечаются и перекочевки птиц из более северных районов, о чем свидетельствуют встречи в безводных пустынях центральных Кызылкумов (1.12.77 в районе Газли, 17.12.75 на незамерзающей скважине южнее г. Учкудук). Зимой отмечаются по незамерзающим руслам правых притоков Сырдарьи - Чирчику (27.01.29, 01.02.29) и Келесу (18.12.84). В январе начинают регулярно встречаться на реках и водохранилищах Сурхандарьинской области (Салихбаев, Остапенко, 1964; Степанян, 1971). На р. Зарафшан у Каттакурганского водохранилища белохвост добыт 21.02.27 (Богданов, 1956). Зимой белохвосты встречаются и в горных ландшафтах, особенно там, где высока численность копытных. Так, в Нуратинском

заповеднике взрослые птицы поодиночке отмечены 20 - 29.01.82, 16.02.82, регулярно отмечались весь конец января 1983 г. (Е. Н. Коршунова, Е. Н. Коршунов, устное сообщение). В зимнее время встречаются как неполовозрелые, так и взрослые птицы. Взрослые отмечены 10.12. 13 у пос. Солдатское, 22.01.78 в Дальвер-зине (кол. ТашГУ) и 7.02.66 в Ташкенте (кол. ИЗИП).

Весеннее движение птиц к северу начинается в конце февраля, когда пролетные особи встречены 24.02.29 в Ташкенте, 26.02.76 в Голодной степи, 27.02.76 в песках Джаманкумы (Актакыр) и 28.02.70 в районе пос. Кукча севернее Бухарского оазиса, причем в двух последних случаях даже временных водоемов вблизи не было. Некоторое увеличение численности птиц в конце февраля, видимо, происходит и в дельте Амударьи, в частности, Т. Абдреимов 27.02 на п-ове Муйнак насчитал 11 птиц (Остапенко, 1983). В марте происходит уже более заметное движение к северу, причем летит много неполовозрелых птиц. В районе Айдара пролет отмечается регулярно в течение всего марта (Остапенко, 1983). Последние особи отмечены в долине р. Зарафшан 20.03.47 (Богданов, 1956), пролетный белохвост в предгорьях Нуратау встречен 25. 03. 76 (А. К. Филатов), в центральных Кызылкумах пролетные одиночки наблюдались 14.03.81 в горах Тамдытау, а 2.04.77 на небольшой артезианской скважине Тасберген в песках севера Навоийской области. На март приходится весенний пролет и на средней Сырдарье (Спангенберг, Фейгин, 1936).

Документированных данных о поздневесенних и летних встречах белохвостов в Узбекистане немного. В центральных Кызылкумах на большом искусственном озере южнее г. Учкудук свежий труп убитой браконьерами птицы найден 16.05.84 (Н. А. Минаев, кол. ТашГУ). Шкурка, осмотренная нами, принадлежит, видимо, 3 - 4-летней особи в почти взрослом наряде и с бурной линькой мелкого пера и многих маховых. Это, несомненно, неполовозрелая холостующая особь. Недалеко от юго-восточного побережья

Аральского моря, на западных обрывах возвышенности Бельтау близ оз. Каратерень 2 орлана без указания возраста отмечены 4.07. 77 (Попов, 1981). Неопределенные указания на летние встречи в низовьях Амударьи имеются у Н. А. Гладкова (1932), но при плавании 6.06 - 3.07.84 по Амударье от Чарджоу до Дарганаты и обратно белохвосты ни разу не отмечены (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение).

По особенностям питания орланы-белохвосты связаны преимущественно с водоемами, хотя в зимнее время могут кормиться и вдали от них при наличии обильного доступного корма (свалки мясных и рыбных отходов, трупы животных). На водоемах питается в основном водоплавающей птицей, добывая в первую очередь больных и ослабленных, а также утилизируя погибших, однако ловит и здоровых птиц, особенно часто лысух. Охотно кормится рыбой, но берет ее в основном на мелководьях и чаще снулюю. Этот сильный хищник способен уничтожать даже молодняк копытных, в том числе домашних.

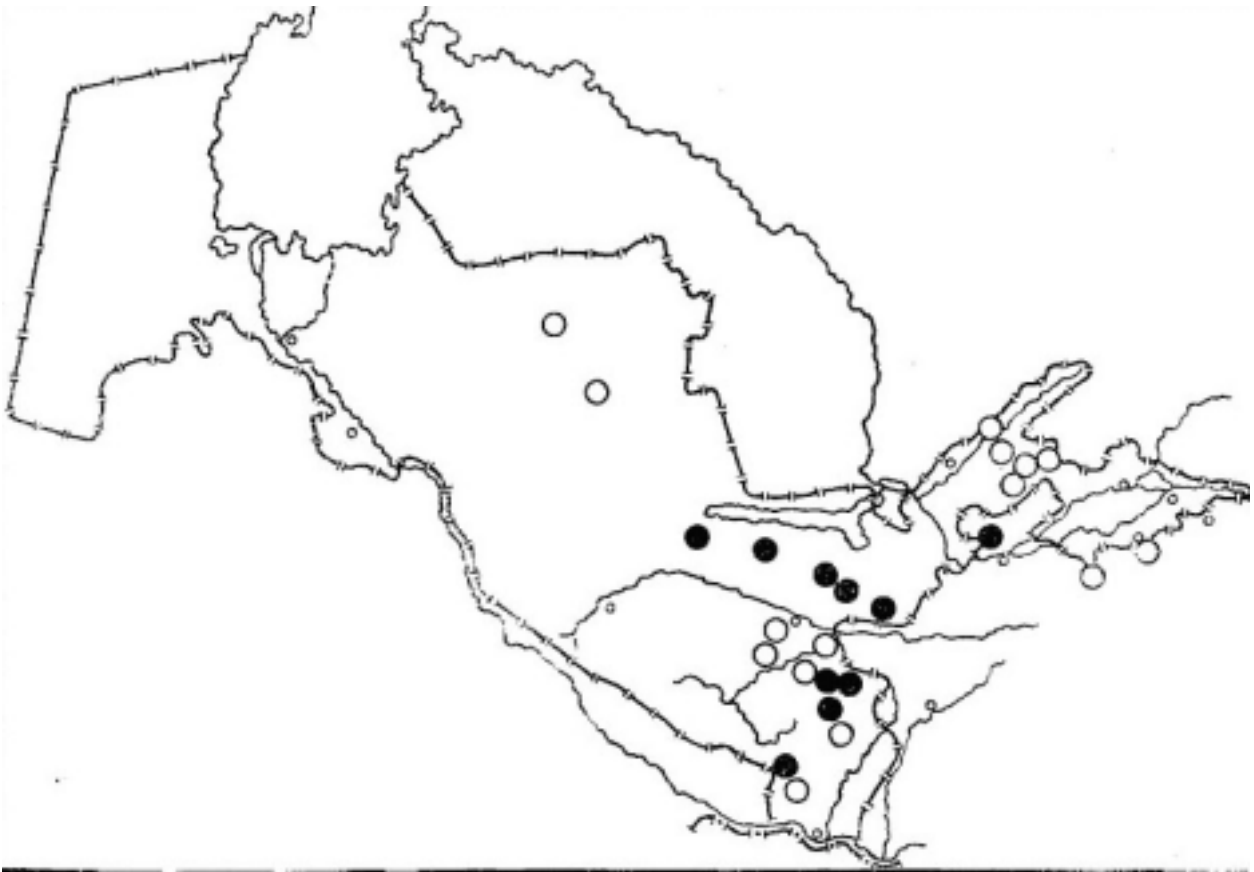
При своей редкости заметного вреда не приносит и подлежит безусловной охране. В местах массовых зимовок в особо суровые зимы, вероятно, целесообразно организовывать искусственную подкормку белохвоста наряду с другими крупными пернатыми хищниками.

БОРОДАЧ *GYPAETUS BARBATUS L.*

Гнездящаяся, оседлая, достаточно обычная птица всех горных систем Узбекистана. В зимнее время часть особей совершает незначительные кочевки, достигая предгорных равнин.

Крупный хищник, по размерам сопоставимый с грифом или сипом, но хорошо отличающийся более

узкими крыльями, резко клиновидным хвостом и общим более стройным обликом. Хвост и крылья однообразно черноватые, низ тела охристый, грудь и зашеек рыжеватые. Очень характерна четкая черная полоса от клюва к глазу и пучок узких жестких перьев («борода») в основании клюва. Молодые с черно-бурой одноцветной, иногда даже более

темной, чем туловище, головой и серовато-бурой брюшной стороной. В полете очень характерны изогнутые назад крылья, при скольжении часто полусложенные. Голос напоминает свист или мяукание; при быстром полете перья крыльев издают очень своеобразный дребезжащий звук.

Обширный ареал бородача включает безлесные гористые местности Восточной и Северной Африки, Южной Европы, Передней, Средней и большей части Центральной Азии.

В восточном Узбекистане гнездится подвид *G. b. hemachalanus*.

Птицы низких хребтов юго-западного Памиро-Алая таксономически промежуточны между *G. b. augeus* (в Средней Азии гнездится на Больших Балханах, Копетдаге, Бадхызе) и *G. b. hemachalanus* (Степанян, 1975).

В Узбекистане бородач встречается во всех горных системах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. В Западном Тянь-Шане этот вид редок в Каржантау (Капитонов, 1969) и в верховьях Пскема и Угама (Кашкаров, Коровин, 1928; Корелов, 1956), но более обычен южнее - по Чаткальскому и Кураминскому хребтам. Здесь

гнезда найдены в среднем течении р. Чаткал (Пляс-кин, 1983), зарегистрированы многочисленные встречи на территории Чаткальского заповедника (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958), а также на южных склонах Чаткальского хребта, Ангренском плато и в долине среднего течения р. Ангрен (наши наблюдения).

Бородач гнездится по всем горам, окаймляющим Ферганскую долину, но конкретных сведений отсюда мало. Молодой бородач с недоросшими маховыми добыт 8. 08 в горах Моголтау Н. А. Северцовым (Иванов, 1969). Здесь, а также по южным склонам Кураминского хребта его встречал И. А. Абдусалымов (1971). Для Туркестанского хребта бородач приводится преимущественно для высокогорных районов, где он относительно редок (Даль, 1936; Богданов, 1956; Абдусалымов, 1971). Регулярно гнездится в Зааминском заповеднике (Филатов, 1981). Гнездящаяся пара была встречена в скалах Ворот Тамерлана в районе Джизака (Loudon, 1910), но в настоящее время там не встречается, хотя западнее регулярно гнездится на большей части хр. Нуратау. Гнезда и гнездящиеся пары

отмечены здесь в районе Фариша, кишл. Аламуна, в Нуратинском заповеднике и в безымянном ущелье между совхозами «Кызылча» и «Нурата» (Мекленбурцев, 1937; Салихбаев и др., 1970; Коршунова, Коршунов, 1983; наши наблюдения). Однако все эти наблюдения относятся к северному склону хребта; на южных склонах и в лежащих западнее горах Актау бородач не отмечен. Данных о распространении бородача по Зарафшанскому хребту немного (Даль, 1936; Богданов, 1956; Мекленбурцев, 1958), причем встречается от района Акчувы на западе до верховий р. Зарафшан на востоке, хотя конкретных подтверждений гнездования нет. В Каратепинских горах бородач не гнездится (Богданов, 1956).

Бородачи многочисленны или, во всяком случае, обычны в горах, окаймляющих с юга бассейн р. Кашкадарьи, и по всей Сурхандарьинской области, причем здесь, в отличие от западного Тянь-Шаня и Туркестанского хребта, этот вид придерживается низкогорных и среднегорных районов, посещая высокогорья только на кочевках. В бассейне Кашкадарьи он гнездится от северо-западных отрогов хр. Байсунтау, где найден нами в апреле 1985 г. на р. Шурдарья и в окрестностях пос. Тогайтемир, на восток до границы с Таджикистаном. Конкретные места встреч бородачей относятся к бассейнам рек Гузардарьи, Урударьи, Гульдарьи, Танхаса и Аксу, причем во многих местах встречались по нескольку пар (Мекленбурцев, 1958; наши наблюдения). Обитание бородача указывается для Кызылсуйского заповедника (Черногаев, 1978; Аромов, 1982). В Сурхандарьинской области этот вид обычен в хр. Кугитанг, по всем южным отрогам Байсунтау, Гиссарскому хребту, а также на Бабатаге и Келиф-Шерабадской гряде (Салихбаев, Остапенко, 1964; Степанян, 1970; Абдусаломов, 1971; Абдуназаров, 1982; наши данные). Два гнезда найдены Б. Б. Абдуназаровым (устное сообщение) в долине р. Игрису в ур. Майданак на высоте около 3000 м над ур. м. и в долине р. Дарья в западном Кугитанге выше пос. Ходжабуляс на границе с Туркменией на высоте около 600 м над ур.

м. Нами взрослые и молодые птицы отмечены на высоте 2900 - 3500 м на водоразделе рек Игрису и Сангардак, причем, без сомнения, птицы гнездились здесь же на мощных скалах.

Только в последние годы, видимо, произошло расселение бородачей в останцовые низкогорья центральных Кызылкумов, где этот вид раньше не встречался (М. И. Богданов, 1882; Захидов, 1974). Только И. А. Зарудный (1915) отмечал, что иногда в зимнее время бородачи могут появляться в южных участках Кызылкумов, залетая сюда с Нуратау. В частности, он обнаружил остатки бородача, убитого в конце декабря 1909 г. в районе кол. Бишкудук (севернее современного Айдарского водохранилища).

В период наших достаточно интенсивных исследований в 1970 - 1977 гг. мы этот вид в Кызылкумах не отмечали. Однако осенью 1977 г. одиночная птица была встречена 30.11 в горах Тамдытау в районе горы Актау. В последующем птицы здесь регистрировались постоянно, и, возможно, гнездятся. В более низком хр. Букантау первая встреча бородача относится к середине апреля 1978 г., когда в ущелье Бокалы неоднократно наблюдалась молодая птица. Позже птицы отмечались здесь 24.03.80 (взрослая в сухом ущелье в 10 км юго-восточнее Уру), 30.03.80 (одиночка в ущелье Чингильды), 18 - 19.01.81 (воздушные игры в воздухе двух взрослых птиц), 6 - 9.04.81 (постоянно встречалась 1 взрослая птица и был отмечен один молодой бородач), 11.04.81 (пара взрослых). Вопрос о возможности гнездования бородача в Букантау не решен, но оно вероятно.

Залеты бородача на равнину в зимнее время - редкое явление, но они отмечены под Самаркандом и Термезом (Богданов, 1956; Иванов, 1969). В летнее время этот вид регулярно встречается в субальпийской и альпийской зонах всех горных хребтов до высот, превышающих 3,5 тыс. м над ур. м. (наши наблюдения).

Численность бородача определяется обилием и доступностью кормовых объектов. В Нуратау при высокой плотности диких копытных (баран Северцова и кабан) и

наличии близко расположенных подгорных равнин, интенсивно осваиваемых под животноводство, численность бородача, видимо, предельная для этого вида. На территории Нуратинского заповедника (225 км²) и прилегающего урочища Синтяб (74 км²) регулярно гнездится 4 пары. В северо-западных предгорьях Байсунтау, в районе Тогайтемира 2 пары бородачей, постоянно держащихся на своих участках, в апреле 1985 г. отмечались на расстоянии 5 км друг от друга.

Бородачи не образуют стай. Их можно видеть одиночками, гораздо реже - парами. Только во второй половине лета, после вылета молодого, иногда встречаются семьи из 2 взрослых со своим птенцом.

Особенно малочислен бородач в горах Ташкентской области и Ферганской долины, что, возможно, связано с интенсивным хозяйственным освоением низкогорных и средне-горных районов - основных мест обитания этого крупного хищника.

Материалы по гнездовой биологии бородача в Узбекистане получены только с территории Нуратинского хребта (Коршунова, Коршунов, 1983). По всем остальным районам имеются только отрывочные наблюдения.

Пары постоянны и на протяжении многих лет используют одни и те же гнездовые участки, на которых имеется 2 - 3 гнезда. Одно и то же гнездо бородач может занимать ежегодно или менять по годам. Расстояние между гнездами на одном гнездовом участке от 30 - 40 до 500 - 700 м, что обусловлено наличием удобного места в скальниках. Гнездо устраивается в нише или на уступе скалы в местах, недоступных для человека. С территории гнездового участка активно, с длительным преследованием изгоняются взрослые особи других пар, в то же время присутствие неполовозрелых особей особого беспокойства не вызывает. Так же спокойно относятся бородачи к присутствию в пределах гнездового участка других видов хищных птиц, позже приступающих к размножению. Гнезда сипов найдены в 100 - 500 м, а черного грифа - в 200 - 250 м от гнезд бородачей.

Гнездо представляет собой массивную постройку из веток миндаля. Лоток

выстилается обрывками шкур, шерстью, тряпками, кошмой. Установлены размеры 2 гнезд: диаметр 130 - 140 см, высота 30 см, диаметр лотка 80 см. В период насиживания лоток, видимо, глубокий, не менее 10 - 20 см. В гнезде много остатков костей, черепов, погадок и известковых экскрементов.

Спаривание птиц, сопровождаемое ритуальными приносами веток к гнезду и поклонами друг перед другом, наблюдалось 7 (5 раз), 8 и 9, 11.83 г. (по 3 раза). Строительство гнезда наблюдалось 9.11.82 и заключалось в укладывании и уминании материала, вероятно, кусков шкур, приносимых в лапах. В 1984 г. неразмножившаяся пара бородачей достроила старое гнездо в совершенно необычные для вида сроки - с 24. 03 по 14.05. Яйца откладываются в первой и второй декадах декабря. Птиц, приступивших к насиживанию, отметили в урочище Боло 13.12.79, в гнезде было 2 яйца, здесь же 24.01.81 - в гнезде 1 яйцо (видимо, были отложены 8 - 10.12.80), 10.12.83 - в гнезде 1 яйцо. Инкубационный период длится не более 53 - 54 дней. Так, 7.12.80 кладки в гнезде еще не было, а 1.02 в гнезде находился 1 - 2-дневный птенец. В конце января - начале февраля у большинства пар вылупляются птенцы, причем в случае вылупления в гнезде 2 птенцов младший погибает в первые же дни жизни. Молодые находятся в гнезде около 4 мес., покидая его в конце мая - июне, но еще долго держатся в районе гнезда.

Два гнезда бородача, содержащие по 1 крупному, оперенному птенцу, были осмотрены Б. Б. Абдуназаровым (устное сообщение) 5.05.83 в урочище Майданак (долина Каттаурударьи) на скале на высоте 3000 м над ур. м. и 1.05.83 на лессовом обрыве в долине р. Дарья, в 5 - 6 км ниже пос. Ходжабуляс (юго-западный Кугитанг) на границе с Туркменией.

Птенцов бородачи выкармливают кусочками мяса, шкур, сухожилий и хрящей, которые «обглаживают» с костей. Молодой бородач в 2,5 мес. уже сравнительно легко глотает кости размером с позвонок барана. Если в начале гнездового периода пара бородачей кормила птенца 38 раз за 76 ч наблюдения, то к концу его взрослые могут 1 - 2 дня не прилетать в гнездо.

Основу питания бородача зимой составляют трупы диких и домашних животных - барана Северцо-ва, кабана, коз, овец, лошадей, ослов, коров и др. Изредка ловит добычу сам, так, 7.02.81 родители кормили птенца зайцем, а 23.03 в гнездо был принесен кеклик. В ве-сенне-летний период бородач приносит в гнездо черепах. В субальпийской зоне Гиссарского хребта 3.09.84 мы наблюдали успешную охоту бородача на щитомордника среди поселений арчовых полевков. Под гнездом в Нуратау, кроме костей и копыт, обнаружены остатки черепов копытных, лисицы, дикобраза, щетина кабана, шкура змеи. На падали бородачи ведут себя очень осторожно, подходя к ней только после того, как основная масса сипов и грифов разлетится. Крупные кости, черепа и черепах предварительно разбивают, бросая их на скалы. Видимо, нуждаются в водопое. Зимой (11. 02.80) наблюдали, как они поедали снег.

Относительно низкая численность является естественной и связана с узкой специализацией в питании. В связи с труднодоступностью гнезд разорения их человеком не наблюдается, и к человеку бородачи относятся спокойно, поселяясь иногда не далее 1 км от кишлаков или недалеко от дорог. Учитывая исключительную уникальность бородача как жизненной формы, его красивый облик, следует принимать действенные меры для сохранения этой удивительной птицы, истинного украшения наших гор. Бородач занесен в «Красную книгу СССР».

СТЕРВЯТНИК *NEOPHRON* *PERCNOPTERUS L.*

Обычный гнездящийся вид, приуроченный к депрессиям ландшафта нижнего пояса всех горных систем и равнин Узбекистана. На зиму улетает, зимуют только редкие одиночки.

Самый мелкий из грифов, по размерам несколько крупнее курганника. У взрослых птиц грязно-белая окраска контрастирует с черными маховыми перьями. В полете хорошо заметен резко клиновидный хвост. Кожа голой части головы и пятна на груди

желтые, перья, окаймляющие лицевою часть, заостренные, часто с желтоватым, у старых даже оранжевым оттенком. Полового диморфизма нет. Молодые имеют однообразную черно-бурую окраску. На 2-м и каждом последующем году жизни белых перьев становится все больше и птица заметно светлеет. Окончательный взрослый наряд устанавливается на 5-м году жизни. Птица молчалива. Голос напоминает звук колокольчика (Дементьев, 1951). Полет быстрый, часто активный. Парит реже других грифов, но порой и подолгу, в сообществе с другими падальщиками. Взрослые птицы стай не образуют, молодые встречаются группами до 100 и более особей. Быстро передвигается по земле.

Ареал охватывает обширную область низкогорных и ксерофитных ландшафтов Африки, Южной Европы, Кавказа, Передней части Центральной и Южной Азии. В Советском Союзе обитает только номинативный подвид *N. p. percnopterus*.

Распространение стервятника в Узбекистане, где проходит часть северной границы его гнездования, изучено хорошо. В Каракалпакской части Устюрта на гнездовании встречается во многих местах, но немногочислен. Единственное известное отсюда гнездо обнаружено на обрывах котловины Шахпахта на севере Ассакее-Ауданской впадины. В июне 1948 г. отмечался над возвышенностью Карабаур в центре Устюрта, а также по южному и восточному чинку (Костин, 1956а, 1956б). Восточнее гнездование стервятника отмечалось для хр. Султануиздаг (бывшие горы Шейхджейли) и прибрежных скал Амударьи в районе Даганшира, Ильджика и Джигитхана (Богданов, 1882). В центральных Кызылкумах обитаемые гнезда найдены в хр. Букантау и его северных подгорных равнинах, где стервятник гнездится во многих ущельях (Бокалы, Абухан, Уру, 10 км восточнее Уру и др.) и на небольших выходах песчанника на равнине, в частности в 6 км юго-восточнее пос. Турбай. Севернее явно гнездящаяся пара отмечена по обрывам в урочище Домрабай (20 км восточнее пос. Акбугет), окруженном массивами барханных

песков. Юго-восточнее крайняя точка гнездования определяется находкой гнезда в ур. Косбугут (40 км севернее г. Тамды) и указанием на гнездование и летние встречи птиц в горах Тохтатау (Зарудный, 1915; Захидов, 1971; Фотгелер, Митро-польский, 1983).

Южнее очерченной границы стервятник обычен на гнездовании по всем Кызылкумам, придерживается участков с вертикально расчлененным рельефом. В частности, гнездование его установлено в горах Тамдытау, Аристанбельтау, Кульджуктау и в других более мелких горных группах. Вне очерченной границы гнездования стервятник отмечен в восточных Кызылкумах в небольших горках Карак, где 15.08.51 одиночная птица встречена Р. Н. Мекленбурцевым, 24. 04.70 два одиночных экземпляра встречены нами в 20 км южнее колодца Култумсек. Гнездование в этих районах не доказано, но возможно.

В Кызылкумах гнездовой ареал стервятника приурочен к центральной части пустыни, представляющей ландшафты расчлененного плиоцен-древнечетвертичного плато и останцовых низкогорий.

В песчаных пустынях западных, северных и восточных Кызылкумов он не гнездится. Вызывает сомнение возможность гнездования стервятника в низовьях Сырдарьи (Кисленко, 1968), основанное на редких встречах птиц в мае - июне.

Стервятник - одна из самых обычных хищных птиц всех предгорных и среднегорных районов Ташкентской области, Ферганской долины, внешних хребтов Памиро-Алая (Туркестанский, Нуратау, Зарафшанский, Гиссарский, Байсунский, Кугитанг, Бабатаг), а также отдельных мелких изолированных гористых массивов в бассейнах рек Зарафшан, Кашкадарья, Шерабад и Сурхандарья. Верхний предел распространения на гнездовании не превышает 1300 - 1500 м над ур. м., причем основная масса стервятников гнездится до 1000 м. Во вторую половину лета по долинам рек в небольшом количестве поднимается в горы, где отмечен в верховьях Пскема, Ангрена, Зпрафшана и других рек до высот 2500 - 2700 м над ур. м. (Ангренское плато). Однако и в этот период основное население стервятников держится в предгорьях и на равнине.

Данные по численности стервятника на гнездовании незначительны. На севере ареала в хр. Букантау на площади 250 км² ежегодно гнездится 4 - 5 пар. В Нуратинском заповеднике (площадь 220 км²), по данным Е. Н. и Е. Н. Коршуновых (устное сообщение), учтено 3 - 4 пары. В предгорьях западного Тянь-Шаня по правобережью Келеса севернее Ташкента на площади 35 км² отмечено 6 гнездящихся пар (Фоттелер, 1979).

В Узбекистан с зимовок прилетает в марте, но документированные даты прилета имеются только для северной части ареала. В окрестностях Самарканда первые птицы отмечены 15.03.41 и 20.03.48 (Богданов, 1956), в Нуратинском хребте - 31.03.78, 8.04.79, 4.04.80 и 20.03.84. В Кызылкумах, на юге хр. Кульджуктау прилет датирован 20.03. (Лаханов, 1965), а на севере центральных Кызылкумов - 30.03.72, 29.03.73, 26.03.75, 28.03.80 и 6.04.81. Пролет продолжается и в апреле, когда пролетные взрослые птицы отмечены в окрестностях г. Учкудука 12.04.80.

Отлет большинства птиц происходит в сентябре. При ежегодных наблюдениях в Кызылкумах в октябре стервятник не отмечался ни разу. Отлет под Самаркандом заканчивается 26.09.50 (Богданов, 1956), в Кашкадарьинской области последние одиночки еще встречались с 22 по 26.09 (Мекленбурцев, 1958), а на оз. Денгизкуль стервятник отмечен 30.09. В Сурхандарьинской области основная масса птиц исчезает в начале октября (Салихбаев, Остапенко, 1964, 1967). В Голодной степи регистрировались до 10.10 (Павленко, 1962), в районе Пунгана (Ферганская область) одиночку наблюдали 20.10.72.

Зимой в Узбекистане стервятник встречается очень редко. Отдельные зимние находки известны из Ферганской долины (Наманган) и Термеза (Иванов, 1969). В Термезе и в долине р. Шерабад (14.01.67) зимой стервятников отмечал Л. С. Степанян (1970). В Нуратинском заповеднике взрослая птица встречена 18.02.80 в ур. Баго на высоте 1500 м над ур. м. (Е. Н. Коршунова, устное сообщение), и одна в центральных Кызылкумах 18.01.78 в окрестностях пос.

Тамды среди стаи грифов. Относительно регулярно стервятники зимуют только на крайнем юге Узбекистана в районе Термеза.

Молодые, неполовозрелые птицы в промежуточном наряде практически не встречаются в северной половине республики у северной границы ареала. Так, они ни разу (кроме недавно вылетевших из гнезд молодых во второй половине лета) за 12-летний период исследований не отмечались нами в Кызылкумах, в окрестностях Ташкента и бассейне р. Зарафшан. В то же время в южном Узбекистане молодые, преимущественно группами, встречаются регулярно. В бассейне Кашкадарьи на берегу Аяк-чидарьи 11.06 отмечено 12 птиц, среди которых было 3 молодых, 29.06 среди 20 стервятников, слетевшихся на павшую лошадь, было не более 8 молодых (Мекленбурцев, 1958). В районе старого Термеза (10 - 12 км западнее г. Термеза) 4.05.64 на свалке павшего скота держалось около 150 птиц, примерно половину которых составляли птицы в промежуточных нарядах (Степанян, 1970). В долине Шерабада 12.05.75 на отбросах скотобоен мы наблюдали стаю до 30 птиц, в составе которой были неполовозрелые.

Гнезда стервятник устраивает в нишах и пустотах скал, лёссовых и песчаниковых обрывов, реже на карнизах или уступах, но и среди них чаще с нависающим над гнездом выступом. Известен случай гнездования стервятника на опоре столба линии электропередач в старом гнезде другого хищника (окрестности пос. Фариш). Зачастую гнезда стервятника можно встретить недалеко от гнезд других хищных птиц (сипы, грифы, коршуны, курганник), черного аиста и ворона. Минимальное расстояние между гнездом стервятника и грифа около 50 м, от гнезда балобана 70 - 80 м, от гнезда ворона 100 м, от гнезда сипа 3 м. Стервятники используют уже готовые незанятые гнезда других хищников, во всяком случае, нет ни одного наблюдения самостоятельного перетаскивания и укладывания в гнездо веток. Все строительство заключается в натаскивании на готовую основу всяких мягких материалов

(шерсть, тряпки, веревки, куски бумаги, ваты, ветоши, нередко полиэтилена). Почти всегда в гнезде встречаются куски коровьего, верблюжьего или собачьего помета. В период выкармливания птенцов гнездовая ниша захламляется всевозможными пищевыми остатками (кости копытных, панцири черепах, черепа мелких животных, обрывки шкур и т. п.). Все это обильно сдобривается большим количеством помета хозяина гнезда. Специфический, чрезвычайно едкий и стойкий запах, исходящий от гнезда, чувствуется по ветру на десятки и сотни метров. Скалы вокруг гнезда и особенно под ним покрыты белыми потеками помета, заметными с большого расстояния. При повторном использовании такого гнезда стервятник выбрасывает остатки из ниши.

Лоток довольно аккуратный, глубокий, полушаровидный, выложенный мягким и теплым материалом (шерсть, иногда обрывки шкур мелкого рогатого скота, зайца и лисы и т. п.), который собирается, видимо, у остатков

трупов павших животных. Иногда в лотке попадают тряпки, нитки, вата, под Самаркандом яйца были отложены в тюбетейку, выполнявшую функцию лотка. Диаметр лотка 25 - 32 см, глубина 5 - 6, иногда до 11 см.

Начало размножения стервятника приходится на апрель. Для большей части гнезд, найденных на территории Узбекистана, удалось рассчитать начало кладки (табл.7). На южных склонах Кульджуктау 6. 05. 64 найдено гнездо с 2 яйцами, а 30.05.64 - с 1 птенцом (Ишунин, Павленко, 1966); 2 яйца в апреле 1900 г. собраны в окрестностях Термеза (Урманова, 1982). Из Нуратинского заповедника известны гнезда, в одном из которых 23.05.81 было 1, а в 2 других 8.05.82 и 21.05.82 - по 2 яйца (Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, устное сообщение).

Как видно из приведенных данных, первые кладки в гнездах регистрируются с первой декады апреля. Разгар кладки приходится на вторую половину месяца и

Таблица 7 Расчетные сроки начала размножения стервятника в Узбекистане

Район наблюдений	Число кладок	Апрель			Май			Авторы (число кладок)*
		I	II	III	I	II	III	
Кызылжумы	9		4	4	1			Лаханов, 1965 (2), Митропольский, 1980 (2)
Хр. Нуратау	5		2	3				Салихбаев и др., 1970 (2), Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, личное сообщение (3)
Долина р. Зарафшан	18			14**	4			Богданов, 1916 (18)
Юг Узбекистана	2	1					1	Салихбаев, Остапенко, 1964 (1), Мекленбурцев 1958 (1)
Устюрт	1					1		Костин, 1956 (1)
Каршинская степь	2			1	1			Салихбаев, Остапенко, 1967 (2)
Долина р. Келес	2		2					Фотгелер, 1979 (2)
Итого по Узбекистану	39	1	8	22	6	1	1	

Примечание: остальные кладки по данным авторов, **возможно, часть кладок была начата и во второй декаде апреля

заканчивается в первой декаде мая. Одиночные, возможно, повторные кладки появляются до конца мая. Учитывая, что во 2-й и 3-й декадах апреля начато 30 (76,9%) кладок, можно говорить о дружном начале размножения. Птенцы в гнездах начинают появляться в конце мая - начале июня, летающие молодые - в середине июля - августе (Богданов, 1956). Очень ранняя встреча летных птенцов (11.06) указана Р. Н. Мекленбурцевым (1958) для бассейна Кашкадарьи. Эта кладка должна была начаться в середине марта или даже в 1-й декаде месяца. Поскольку эта дата противоречит общему ходу размножения стервятника в Узбекистане, относим эту встречу к прошлогодней неполовозрелой птице.

Материалов по срокам прохождения отдельных циклов гнездостроения, вылупления и насиживания птенцов мало. В конце марта стервятники у гнезд еще не встречены, хоть и отмечены в районе гнездования. Через 1 - 2 недели в нишах начинаются гнездостроительные работы. Так, у многолетнего гнезда в Букантау 30.03 - 4.04.82 признаков его обитания не отмечено, 25.04 в гнезде уже не было пищевых остатков с прошлого года и появились первые пучки шерсти в лотке, который был полностью завершен к 28. 04, но кладки еще не было. Таким образом, обновление старого гнезда занимает около 5 дней. По наблюдениям за 2 гнездами в Кульджуктау, первые яйца были отложены 15 и 27.04, а вторые, завершающие кладку, - 18 и 30.04. Птенцы вылупились в первом гнезде 23 и 25. 05, во втором - 4 и 6. 06 (Лаханов, 1965). В Нуратинском заповеднике первое яйцо в гнезде найдено 22.04; 29.05 в гнезде был птенец, вылупившийся 2 - 3 дня назад, и яйцо с погибшим эмбрионом. 6.06 птенец еще был в гнезде, а 14. 06 уже вылетел (Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, устное сообщение). Таким образом, яйца откладываются с интервалом в 3 дня, насиживание длится 35 - 38 дней, птенцы оставляют гнездо через 43 - 45 дней.

В кладке стервятника 2 яйца, в некоторых - 1. По находкам в Узбекистане 32 гнезд с полными кладками достоверно только в 3 было по 1 яйцу, а в 29 - по 2. А. Н. Богданов

(1956) не указывает число яиц в 14 найденных им гнездах с полными кладками; в 5 из них, отправленных им в коллекцию Е. Н. Спангенберга (Николаев и др., 1977), было по 2 яйца. Учитывая, что автор указывает отдельно кладки, содержащие 1 яйцо, и ни слова не говорит о наличии в них 3 яиц, все остальные, исключая 1-яйцовые, мы считаем 2-яйцовыми.

Таким образом, средний размер кладки (n=32) 1,91. Средний размер выводка (n=8) 1,2. Из гнезд редко вылетает более 1 птенца на пару; по 2 птенца в гнезде отмечены только на стадии пуховичков, а крупные, оперенные птенцы встречены только по одному. Полные кладки по 1 яйцу начаты в 3-й декаде апреля и в начале мая, а для одной кладки начало рассчитать не удалось. Стервятник имеет стабильный размер кладки (2 яйца), на фоне которых выделяются описания гнезд из Таджикистана (Попов, 1959; Абдусаламов, 1971). Можно допустить, как исключение, находку гнезда с 3 яйцами (кладки с 3 яйцами как большая редкость известны из Южной Европы и Северной Африки; Makatsch, 1974), но находка 3 яиц и 1 птенца в гнезде стервятника сомнительна. Можно только предположить, что 2 яйца кладки, описанные как более мелкие, принадлежат другому виду и принесены стервятником в гнездо для питания. Во всяком случае, эти данные явно недостоверны, и включение их в анализ плодовитости (Бёме, 1975) для вида в целом не корректно.

Размеры яиц стервятника в Узбекистане по районам следующие: Кызылкумы (n=9) 65,69X50,28 (71,9 - 61,6X52,8 - 46,6) мм; масса 2 свежих яиц одной кладки 75,4 и 71 г, другой - 93,5 и 87,7 г; хр.Нуратау (n=10) 63,16X49,46 (69,9 - 58,0x53,7 - 46,2) мм, масса 2 кладок по 2 яйца 104,9 и 87,9; 112,2 и 120,2 г, масса одного яйца полной кладки 65,7 г (Е. Н. и Е. Н. Коршуновы; устное сообщение); среднее течение р. Келес (n=3) 64,8X50,1, 67,9X50,1 и 66,8X51,8 мм, масса яиц 91,4, 94,8, 100 г. Размеры 2 яиц из-под Термеза (Урманова, 1982) 64,2X49,5 и 71,4x52,0 мм. Средние размеры яиц по Узбекистану (n=24) 64,91 X 50,03 (71,9 - 58,0X53,7 - 46,2) мм, средняя масса свежих яиц (n=12) 92,08 (120,2 - 65,7) г.

Яйца стервятников изменчивы по рисунку. Большинство из них напоминает яйца крупных соколов, с интенсивным коричнево- или ржавчато-бурым поверхностным рисунком, покрывающим все яйцо, так что основной фон не виден. В отдельных кладках поверхностные пятна занимают около 25 - 30% и сконцентрированы на одном из полюсов в виде «венчика» или «шапочки». В таком случае хорошо заметен белый фон с глубокими сероватыми пятнами, немногочисленными и сконцентрированными преимущественно на том же конце, что и поверхностные пятна.

Питание стервятника в Узбекистане изучено слабо. По трофическим связям это прежде всего герпетофаг, а также собиратель трупов мелких животных. Часто кормится и на крупной падали, а также (особенно молодые, неполовозрелые птицы) на свалках в окрестностях населенных пунктов и у скотобоев. В Кызылкумах в хр. Букантау в гнездах с кладками (апрель) найдены в одном случае шкурка ушастого ежа, 2 панциря двухлетних черепах и мелкие кости овец, во втором - лапа зайца-толая и погадки с шерстью овец и многочисленных в этом районе одичавших ослов.

Интересный материал по питанию стервятника получен при осмотре гнездовых ниш с прошлогодними остатками до начала очередного цикла размножения в хр. Букантау. В одной из ниш найдены панцири годовалых черепах (22), 2-летних (8), 3 - 4-летних (4), черепа зайцев (2), ягнят (2), желтого суслика (2), шкурки ушастых ежей (16) и их черепа (2), остатки лисы и мелкие кости овец. В другой нише обнаружены панцири черепах (40), преимущественно 1 - 2-летних, черепа зайцев (5), лисы (1), ушастого ежа (4) и много его шкурок, череп одного ягненка и мелкие кости овец. Аналогичные данные по питанию приводятся для Кульджуктау в южных Кызылкумах. Здесь в гнезде с вылупившимися птенцами найдены остатки змей, зайцев и ягнят (Лаханов, 1965). Анализ погадок и остатков у гнезда дал следующий состав добычи: черепах 14, ящерицы 2, птицы 4, ушастых ежей 2, тонкопалый суслик

1, песчанок 6, тушканчик 1, слепушонка 1, заяц-толай 1, пятнистая кошка 1, кости мелкого рогатого скота, хитин скорпиона и 2 жуков (Ишунин, Павленко, 1966). По наблюдениям в Кызылкумах, стервятники регулярно кормятся у асфальтовых шоссе, подбирая остатки сбитых автомашинами животных. Этим и объясняется относительное обилие в питании ежей, зайцев, птиц. Мелких черепах стервятник приносит к гнезду целиком, более крупных поедает на месте, выклевывая содержимое и оставляя пустой панцирь.

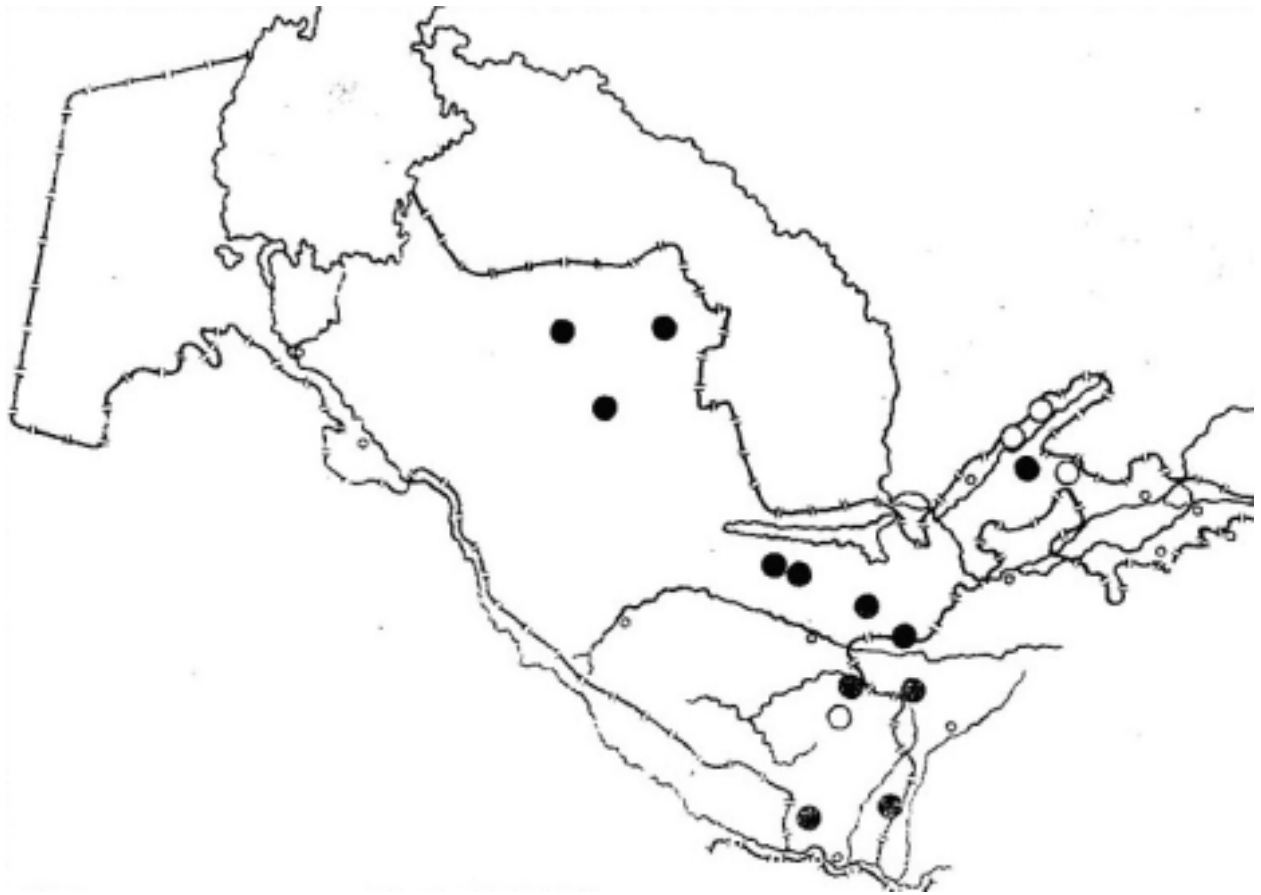
В хр. Нуратау под гнездами найдены остатки птиц (кулик, голубь, сизоворонка), яйца кеклика, черепа и шкурки ежей, лис, куницы, кости и внутренности мелкого рогатого скота, остатки черепах. В гнездовой нише после вылета птенцов найдены перья сизоворонки, сороки, череп и крылья пустельги, дрофы-красотки, жаворонка, остатки черепа и шкурки ежа, желтого суслика, остатки 5 черепов лисы, кусок хвоста собаки и ее помет, череп ягненка и барана (Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, устное сообщение). Для Кашкадарьинской области указывается питание главным образом черепахами, агамами и лягушками (Мекленбурцев, 1958). Стаи, встречающиеся на юге Узбекистана, держатся на свалках и падали.

Стервятник относительно многочисленный вид, хорошо выдерживает близость человека, если его специально не преследуют. Полезен прежде всего как санитар, уничтожающий трупы павших животных, и заслуживает охраны.

ЧЕРНЫЙ ГРИФ *AEGYPIUS MONACHUS* L.

Гнездящаяся, относительно многочисленная птица горных систем Узбекистана. На гнездовании связана с низкогорными и среднегорными районами. На кочевках, во внегнездовое время как взрослые, так и неполовозрелые птицы посещают практически все равнинные и горные районы, избегая только зоны земледельческих оазисов.

Одна из самых больших птиц. Окраска однообразная черно-бурая. Хвост резко

закругленный, заметно длиннее, чем у белоголового сипа. Хорошо отличим в поле. У сидячей птицы, особенно на гнезде, хорошо заметен беловатый пух на голове. Голые участки кожи серовато-голубоватые. Молодые птицы снизу несколько светлее.

Издалека может быть спутан с молодыми белохвостами, но при ближайшем рассмотрении легко отличим по общему облику. Хорошо парит, но при взлете с гнезда или присады пользуется активным полетом с медленными тяжелыми взмахами крыльев.

Ареал охватывает крайний север Африки, южную Европу, Переднюю, Среднюю и Центральную Азию. Подвидов не образует.

Данные о гнездовании грифов на чинках каракалпакского Устюрта (Костин, 1956), не подтвержденные находками гнезд, недостаточно достоверны. Наиболее северное гнездование грифов в Узбекистане отмечено в центральных Кызылкумах. Небольшая колония ежегодно гнездится по ущельям северных склонов хр. Букантау. Несколько пар постоянно наблюдаются на горе Актау в хр. Тамдытау. Кроме того, зарегистрированы случаи нерегулярного

гнездования отдельных пар среди спелых саксаульников в глубинных районах песков на северо-востоке центральных Кызылкумов, где неоднократно встречались громадные нежилые гнезда этого вида, а в мае 1969 г. в урочище Шарга осмотрено гнездо с оперенным птенцом (Митропольский, 1980; Фоттелер, Митропольский, 1984). Указание на находку гнезд в песчаных массивах есть и для казахстанской части Кызылкумов (Спангенберг, Фейгин, 1936).

Грифы гнездятся по всем крупным периферийным хребтам западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая, но в настоящее время в большинстве районов малочисленны. В западном Тянь-Шане в пределах республики вид отмечен в гнездовое время на Пскемском, Кураминском и Угамском хребтах (Корелов, 1956; наши данные), а на Чаткальском хребте известны находки гнезд (Железняков, Колесников, 1958; наши данные). Регулярно встречается по лесистым северным склонам Туркестанского хребта (Абдусаламов, 1971; Филатов, 1981; наши данные), но гнезда достоверно известны только с территории Зааминского заповедника (О. Н. Сударев,

устное сообщение), а в начале столетия гнездование одной пары отмечено у Ворота Тамерлана, на р. Санзар (Loudon, 1910). В западной части Зарафшанского хребта, если и гнездится, то редок (Богданов, 1956; наши данные). Для всего этого района в настоящее время грифы многочисленны на гнездовье только на хр. Нуратау, особенно на территории Нуратинского заповедника. Не исключено, что в последние десятилетия произошло значительное перераспределение грифов на гнездовании - в бассейнах Сырдарьи и Амударьи. В частности, в связи с вырубкой высокоствольных лесов, возросшим фактором беспокойства, катастрофическим уменьшением численности диких копытных и повсеместным земледельческим освоением предгорных районов численность грифов на крупных хребтах, окаймляющих среднее течение Сырдарьи, Голодную степь, бассейны Кашкадарьи и Сурхандарьи, резко снизилась. В то же время грифы начали гнездиться по останцовым горам Кызылкумов, где в прошлом (Богданов, 1882; Зарудный, 1915) не наблюдались, а также на глубоко выдвинутом в пустынные районы хр. Нуратау. Грифы, гнездясь в низкоствольных кустарниках и скалах, широко осваивают кормовые ресурсы пустынных пастбищ.

В горах, окаймляющих бассейны Кашкадарьи и Сурхандарьи, грифы относительно редки, хотя гнездование их отмечено в верховьях р. Аксу, на хр. Бабатаг и Кугитанг (Салихбаев, Остапенко, 1964; Абдусаламов, 1971; наши данные). Взрослые птицы в негнездовое время, а неполовозрелые и холостые птицы круглый год встречаются практически по всей территории республики. Они многочисленны, особенно в холодное время года, на Устюрте, в центральных и южных Кызылкумах, обычны по долинам равнинных рек, и, видимо, избегают только крупных земледельческих оазисов. Часто держатся на окраинах животноводческих поселков и на свалках. В летнее время грифы в большом количестве встречаются над всеми высокогорными пастбищами субальпийской и альпийской зон, но после откочевки скота покидают эти районы.

Вертикальный диапазон распространения грифов на гнездовании в Узбекистане велик - от 400 до 2300 м над ур. м., не гнездящиеся птицы осваивают все без исключения высотные пояса. Сезонно выраженных миграций у грифов не известно, кроме самых общих перемещений, описанных выше, однако они способны быстро находить места значительного падежа копытных животных и концентрироваться около них. Вероятно, под наблюдением грифов постоянно находится большая часть слабоосвоенных районов республики.

Численность черного грифа в целом невысока, но в связи с групповым поселением гнездящихся пар достигает местами высоких показателей. Так, в Нуратау на территории заповедника насчитывается 40 - 45 гнездящихся пар, причем число их по годам существенно не меняется. Плотность составляет 3,1 - 3,6 пар на 10 км² (Коршунова, Коршунов, 1983). В течение ряда лет мы отмечали гнездование 5 - 6 пар в хр. Букантау, кроме которых возможно гнездование еще 2 - 3 пар. Сведения по численности черного грифа на остальной территории отсутствуют, предположительно он гнездится одиночными парами.

На территории Узбекистана известно гнездование 2 типов - на деревьях и на скалах, описанное и для других частей ареала черного грифа (Гептнер, 1956; Потапов, 1959; Корелов, 1962; Козлова, 1975). В горных массивах, где имеется древесно-кустарниковая растительность, гриф размещает свои постройки только на деревьях (преимущественно арча и миндаль), а гнездование на скалах можно рассматривать как редкое исключение. Так, из 150 случаев гнездования его в Нуратау в 70 гнездах все они были расположены на бухарском миндале, несмотря на наличие мощных скальных выходов (Коршунов, Коршунова, 1983). Гнезда, известные из Зааминского заповедника, верховьев р. Зарафшан (оз. Искандеркуль), были устроены на верхушках арчи (Богданов, 1956; О. Н. Сударев, устное сообщение). Гнездование на скалах и обрывах в республике известно для стыка Нуратинского хребта с Туркестанским (Ворота Тамерлана), отмечено Н. Loudon

(1910) и предполагалось В. П. Костиним (1956) на обрывах Устюрта. Следует отметить, что В. П. Костин сведений о находке гнезд не приводит. В безлесных горах Букантау более 30 осмотренных нами гнезд располагались на скалах, и только 1 опиралось краем на небольшой кустик, который под его тяжестью полностью прилегло к скале. В равнинных Кызылкумах гнезда грифа устроены на саксауле (Митропольский, 1980), причем в песках Урме на широте Джулека (северные Кызылкумы) гнездо располагалось на остатках саксаула прямо на песчаной почве (Спангенберг, Фейгин, 1936).

В зависимости от размещения, гнезда служат разным сроком. Гнездо при повторном гнездовании достраивается, в результате значительно увеличиваются его размеры. Нередко гнезда, устроенные на деревьях, рушатся под собственным весом (Коршунова, Коршунов, 1983). Постройки на скалах служат неопределенно долгий срок. Так, в Букантау с 1976 по 1986 г. строительство гнезд мы не отмечали ни разу, гнездящиеся пары занимали имеющиеся гнезда, незначительно надстраивая лоток, а иногда обходясь и без этого. Судя по состоянию нижних слоев гнезда, некоторые из них служат в течение нескольких десятилетий. Строительство гнезда, по наблюдениям в Нуратинском заповеднике, не всегда заканчивается появлением в нем кладки. Возможно, на строительство полноценного гнезда грифам необходимо 2 сезона. Строительным материалом служат толстые и довольно длинные сухие сучья. Диаметр гнезда достигает 1,5 - 2 м, толщина его зависит от длительности использования и обычно достигает 1 м и более. Лоток выстлан раздробленными стеблями ферулы, мелкими прутиками, пучками стеблей травянистых растений и их корней, клочьями шкур, шерстью из раздавленных погадок, иногда попадаются мелкие кости копытных, куски панцирей и лапы черепах и др. Почти всегда в гнезде или рядом с ним можно найти маховые перья грифа. Лоток выражен нечетко в виде небольшого углубления.

Гнезда грифа концентрируются в групповые поселения - колонии и размещены

в 100 - 500 м друг от друга, но гнездятся и отдельными парами. Число пар, гнездящихся в таких группировках, из года в год непостоянно, но обычно всегда есть незанятые постройки. В отдельные годы птицы в колонии вообще отсутствуют.

Яйца матовые. Основной фон белый или слабо-желтоватый. Поверхностный рисунок, как правило, не занимает более 30% поверхности и представлен пятнами, пятнышками и точками бурого, коричневого или желто-коричневого цвета, причем на каждом отдельном яйце (кладке) преобладает один из этих цветов. Глубокие пятна серые или серо-фиолетовые. На некоторых яйцах рисунок образован только глубокими пятнами. В некоторых случаях все элементы рисунка сильно редуцированы и представлены немногочисленными и малозаметными точками. Е. Н. и Е. Н. Коршуновы (1983) насчитывали у грифа до 9,8% чисто-белых яиц. Размеры яиц из хр. Нуратау (n=97) колеблются в пределах 99,6 - 81,9X73,6 - 63,5 мм, в среднем (n=51) 91,06X69,67 мм. Кроме того, здесь осмотрены 4 яйца, отличающихся по размерам от обычных: 69,2X51,4; 78,1X68,1; 89,6X57,8 и 98,0X55,4. Из этих яиц 3 оказались болтунами, 1 погибло по неизвестной причине. Масса яиц в разной стадии насиживания (n=49) в среднем 236,2 (271,5 - 177,1) г. Размеры яиц из Букантау (n=29) в среднем 91,68 X 70,96 (97,9 - 84,9X75,4 - 66,1) мм. Масса 3 средненасиженных яиц - 252,5; 249,3 и 205,5 г.

Сроки размножения черного грифа растянуты. Так, в Нуратау (Коршунова, Коршунов, 1983), по наблюдениям за 150 случаями гнездования, кладка происходит с 3-й декады февраля по 1-го декаду апреля (самая ранняя отмечена 24.02.81), но в основном в 1 - 2-й декадах марта. По нашим наблюдениям в Букантау (31 случай гнездования), кладка происходит в эти же сроки. Так, вылупление первого птенца отмечено 28.04. 82, а кладка в нем по расчетным срокам должна была произойти в первых числах марта. Отмечены случаи откладки яиц в конце марта - первой декаде апреля. В гнездах, осмотренных П. Ф. Рыплом (Иванов, 1969) в окрестностях оз.

Искандеркуль 14.05.33, было 1 яйцо, - пуховой птенец (Богданов, 1956). В Зааминском заповеднике в апреле в гнезде было яйцо (О. Н. Сударев, устное сообщение).

Интересно отметить очень ранние сроки гнездования черного грифа одиночными парами на равнинах Кызылкумов. Так, в гнезде у колодца Шарга (северо-восточные Кызылкумы) во 2-й декаде мая 1969 г. был уже оперенный птенец с развитым контурным оперением (Митропольский, 1980), а следовательно, кладка произошла в середине или даже начале января. Зима 1968 - 1969 гг. характеризовалась сильными снегопадами и длинной зимой, вызвавшей сильный падеж мелкого рогатого скота, что, несомненно, привлекло черного грифа и способствовало раннему размножению. Гнездо, описанное п. П. Спангенбергом и Г. А. Фейгиным (1936) в северных Кызылкумах, также содержало в середине мая 1932 г. крупного птенца. Самый ранний вылет молодой птицы отмечен Е. Н. и Е. Н. Коршуновыми (1983) в Нуратау 26.07.82, самый поздний - 2 - 7. 09; основная часть слетков покидает гнезда в середине - конце августа.

Полная нормальная кладка черного грифа содержит 1 яйцо, что отмечено в 99 случаях для хр. Нуратау и в 31 случае для хр. Букантау. В восточном Узбекистане все 3 известных гнезда содержали по 1 яйцу. Лишь в одном случае в хр. Нуратау в гнезде было обнаружено 2 яйца, причем нет полной уверенности, что они снесены одной самкой. Сомневаться в этом позволяет случай обнаружения яйца в нежилом гнезде, причем птицы на нем не отмечались ни до, ни после кладки.

Успешность размножения грифа составляет в среднем для Нуратау 0,57 слетков на кладку, причем из 26 случаев, когда была известна причина гибели яиц или птенцов, на долю неоплодотворенных яиц приходилось 46%, гибель эмбриона - 12%, гибель птенцов 22%; в 19% случаев они погибли в первые дни после вылупления (Коршунова, Коршунов, 1983). В Букантау при осмотре 29 кладок неоплодотворенное яйцо мы отметили только 1 раз. Это дает основание предполагать большую результативность размножения их здесь, что обусловлено, вероятно, относительно

малыми размерами гнездовой колонии и лучшей обеспеченностью птиц кормом.

Насиживание, начинающееся сразу же после откладки единственного яйца, продолжается 54 - 56 суток. Вылет молодых из гнезд происходит в возрасте 104 - 120 дней.

Формирование специализации в питании черного грифа шло по пути утилизации им мышечных тканей павших крупных копытных животных (Козлова, 1975). Это в полной мере проявляется и на нашей территории. Основным кормом черного грифа в современный период являются павшие домашние животные, основную же роль, как более многочисленный, играет мелкий рогатый скот, что наглядно проявляется при осмотре погадок, собранных в районе гнезд. В прошлом основу питания его составляли дикие копытные, но в связи с сокращением их численности вплоть до полного исчезновения на большой территории связь черного грифа с отходами животноводства становится все более тесной. Так, если в Нуратау в питании грифа еще встречаются баран Северцова и кабан (Коршунова, Коршунов, 1983), то в Букантау его пищу составляют исключительно домашние животные (верблюды, ослы, лошади, бараны, собаки); из диких в небольшом числе отмечены лисы, зайцы и желтые суслики. Особое место в питании черного грифа занимают черепахи. Отдельные пары выкармливают в мае птенцов исключительно ими. В литературе приводятся случаи нападения черного грифа на новорожденных ягнят (Козлова, 1975); их можно рассматривать как редчайшее исключение.

Гнездование грифа в ряде районов, где он раньше не встречался, обусловлено возрастающей связью его с отходами животноводства. Численность его в перспективе повысится при отсутствии прямого разорения гнезд, иногда очень легко доступных, и браконьерского отстрела птиц. Незначительное беспокойство птиц на гнездах существенного вреда им не причиняет.

Гриф выполняет функцию санитаря и уничтожает отходы животноводства, заслуживает повсеместной охраны.

БЕЛОГОЛОВЫЙ СИП *GYPVS FULVVS* HABL.

Гнездящийся оседлый вид нижнего и среднего пояса всех горных хребтов Узбекистана. Взрослые на кочевках в негнездовое время, а также неполовозрелые особи появляются во всех равнинных и горных районах, за исключением крупных оазисов.

По размерам заметно превосходит орлов и равен черному грифу и орлану-белохвосту. Отличительным признаком взрослых птиц является бледное желтовато-бурое оперение тела и подкрыльев, контрастирующих с черными маховыми. Взрослые птицы с белым пуховым «воротником» у основания шеи. Голова покрыта грязно-белым коротким пухом. Молодые птицы несколько темнее, с менее заметной разницей в окраске тела и маховых. Воротник из рассученных перьев грязно-буроватого цвета, более темного, чем оперение тела. Белый воротник появляется только в период полового созревания. В природе может быть спутан со снежным сипом, от которого отличается буроватым надхвостьем и бурыми штанами, а взрослые птицы - более темной окраской тела. От черного грифа отличается, кроме окраски, закругленным, а не клиновидным хвостом, который выглядит более коротким, и несколько вытянутой вперед в полете шеей. Преимущественно парит, активным полетом пользуется на взлете с земли, предварительно разбегаюсь.

Ареал связан с горными ландшафтами северной Африки, южной Европы, Передней и Средней Азии, лишь незначительно заходит за их пределы по южному подножью Гималаев. Образует 2 подвида, из которых номинальный *G. f. fulvus* распространен в Узбекистане.

Самые северные районы гнездования белоголового сипа в республике были отмечены в центральных Кызылкумах еще М. Н. Богдановым (1882), а позднее Н. А. Зарудным (1915). В горах Актау (Тамдытау) мы наблюдали 2 гнездовые колонии (Митропольский, 1980), что снимает сомнения в их гнездовании здесь, высказанные Л. С. Степаняном (1975). Одна

из колоний размещалась в недоступных нишах на скалах в устье ущелья в 3 - 4 км западнее пос. Тамды и насчитывала 3 - 4 пары гнездящихся птиц. В другой колонии, в 20 км западнее первой, насчитывалось 26 птиц, из которых гнездились не более 6 - 8 пар. По нашим наблюдениям, сипы в останцовых горах Кызылкумов гнездятся не ежегодно, а только в наиболее благоприятные в трофическом отношении годы, что для этого района предполагал и М. Н. Корелов (1962).

Белоголовый сип широко распространен на гнездовании в нижнем поясе гор краевых хребтов западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая, но в связи с колониальностью, приуроченностью к хорошо выраженным скальникам, незначительным числом гнездящихся пар по сравнению с общей численностью птиц, распределение этого вида очень спорадично. В нижнем поясе гор западного Тянь-Шаня гнездовые колонии найдены на северных склонах хр. Каржантау южнее Чимкента (Корелов, 1962) и в горах Моголтау, недалеко от г. Ленинабада, еще в 1868 г. Н. А. Северцовым (1873). Оба указанных места гнездования лежат непосредственно у границ Узбекистана. Учитывая многочисленные летние встречи белоголовых сипов во всех горных хребтах западного Тянь-Шаня, можно предполагать, что и на территории гор Ташкентской области, и в хребтах, окаймляющих Ферганскую долину, сипы гнездятся, но конкретных сведений об их гнездовании здесь нет. Гнездовые колонии сипа известны из Нуратинского хребта. В окрестностях пос. Аламуна на крупном останцовом массиве скал Караташ 27.04.79 мы наблюдали около 10 гнездящихся пар, причем 3 птицы носили ветки для гнезда, а 1 насиживала.

Гнездование сипа известно на территории Нуратинского заповедника и западнее, в ур. Сентябрь (Е. Н. Коршунова, устное сообщение). В гнездовое время птицы встречаются на северных склонах Туркестанского хребта и в бассейне р. Зарафшан (Даль, 1936; Богданов, 1956; наши данные). Гнездование его здесь весьма вероятно. Гнездовая колония, ныне не существующая ввиду освоения этих мест человеком, была обнаружена около Джизака

в скалах Ворот Тамерлана в апреле 1903 г. (Loudon, 1910). Гнездовая колония, видимо, имеется в каньонах р. Аксу между пос. Хисарак и Яккахана, где в конце апреля и в июле 1985 г. мы постоянно наблюдали сипов, пролетающих практически по одному маршруту ежедневно. Обычны белоголовые сипы в бассейне Кашкадарьи, где 2 крупные гнездовые колонии найдены у пос. Хитай (в нижней части р. Танхаз), и в скалах р. Аякчидарья у ее выхода на равнину (Мекленбурцев, 1958). Многочисленны сипы и в предгорьях Сурхандарьинской области, где их считают гнездящимися на основании летних встреч для южных склонов Байсунтау, хр. Кугитанг и Бабатаг (Зарудный; по Иванову, 1969; Салихбаев, Остапенко, 1964; Абдусаламов, 1971). Вместе с тем, только Л. С. Степанян (1970) указывает на найденную колонию, состоящую примерно из 4 пар, на невысокой скальной стене вдоль р. Шерабад в 8 км выше одноименного райцентра. Гнездовая колония сипов, насчитывающая не менее 25 гнезд, известна с территории Кызылсуйского заповедника, а сами птицы там весьма обычны (Черногаев, 1978).

Наличие большого резерва непопозревших птиц и холостующих после успешного прошлогоднего гнездования, а также великолепные летные качества птиц объясняют практически повсеместное распространение белоголовых сипов в Узбекистане. Анализ многих встреч этого вида, приводимых в литературе и по наблюдениям авторов, говорит о круглогодичном присутствии птиц на равнинах республики в пустынных и предгорных ландшафтах. Круглый год, но с большей численностью в летний период, соответствующий времени массового выпаса здесь овец, сип встречается в субальпийской и альпийской зонах гор. Очень редко можно увидеть его над массивами возделанных под сельскохозяйственные угодья земель, но в районах, где имеются благоприятные кормовые условия (свалка, скотомогильники и пр.), сипы встречаются даже в непосредственной близости от городов и населенных пунктов. В районе г. Термеза зарегистрированы скопления, насчитываю-

щие 20 - 25 птиц, а число прилетающих за день достигает 60 (Степанян, 1971; наши данные).

Сопоставляя указания авторов конца прошлого - начала нынешнего веков с современными данными, можно со всей определенностью сказать, что численность вида в целом значительно уменьшилась. Однако и сейчас белоголовый сип является обычным, характерным видом низкогорных ландшафтов.

Определить реальную численность гнездящихся пар на больших территориях сложно из-за труднодоступности мест гнездований, частой смены гнездовых участков, растянутости периода кладки и сравнительно большого количества (около половины и не менее трети) птиц, не принимающих участия в размножении. По учетам в центральной части хр. Нуратау (устное сообщение Е. Н. и Е. Н. Коршуновых), у гнезд, на колониях и в местах ночевок в 1980 - 1985 гг. численность белоголового сипа определялась для Нуратинского заповедника (220 км²) приблизительно в 150 - 200 особей (120 - 30 гнездящихся пар), для ур. Сентябрь (74 км²) - 50 - 60 особей (10 - 15 гнездящихся пар), на горе Санджартау и в окрестностях кишл. Нурак (100 - 120 км²) - 60 - 100 особей (15 - 25 гнездящихся пар). В целом по хребту обитает, вероятно, 400 - 600 особей.

Наименьшая численность наблюдается здесь в зимний период, (ноябрь - январь), когда у мест гнездования остаются преимущественно гнездовые пары, нередко с прошлогодними молодыми, а основная масса холостующих особей широко кочует в поисках более кормных участков в предгорьях и степных районах. В это же время сипы начинают встречаться гораздо чаще на территории Кызылкумов в стаях, насчитывающих иногда по несколько десятков особей. Летом численность в Нуратау резко возрастает за счет концентрации в горах холостующих особей. Для остальной территории Узбекистана данные по численности сипа отсутствуют или ограничиваются общими указаниями. Следует лишь отметить, что высокая концентрация их в гнездовой период в хр. Нуратау обусловлена хорошей кормовой базой и обилием удобных для гнездования мест.

Сведения по биологии белоголового сипа в Узбекистане имеются только с территории Нуратинского заповедника и прилегающих районов. Ниже приводим данные Е. Н. и Е. Н. Коршуновых.

Семейные пары сипов постоянны на протяжении нескольких лет, круглый год птицы держатся вместе. Гнезда используются многократно в течение нескольких лет, возможно, даже десятилетий, не ежегодно и не обязательно одной и той же парой. Семилетние наблюдения в Нуратинском заповеднике и его окрестностях позволили установить, что сипы меняют не только отдельные гнезда, но и места расположения колоний. Так, в ур. Маджерум гнездование сипов в 1979 - 1981 гг. не отмечалось. В 1982 г. здесь гнездились 2 пары на расстоянии 750 - 800 м друг от друга. Они дали основание двум колониям, в которых в 1983 г. гнездились уже по 4, в 1984 г. - 7 и 4 пары. В 1985 г. птицы здесь уже не гнездились. Картины внезапного возникновения колонии, затем резкого сокращения числа гнездящихся пар или полного прекращения гнездования наблюдались еще на 5 участках. Очевидно, это нормальное для вида явление.

У будущих мест гнездования птицы собираются с осени. Наряду с размножающимися парами там могут быть молодые и неполовозрелые особи. Наиболее ранние сроки спаривания отмечены 8 - 9. 11. 82 в колонии в ур. Маджерум (1100 м над ур. м.) в центральной части хребта. 8. 11 спаривалась одна пара из 17 собравшихся на колонии сипов, 9.11 - 4 пары из 13 птиц. Все они гнездились потом в этой колонии.

Гнезда сипы устраивают чаще в нишах скал, реже на уступах и карнизах, в трех случаях были заняты старые гнезда беркута, отмечена попытка использовать гнездо бородача. Гнезда располагаются на расстоянии от 2 - 4 до 100 - 200 м и более одно от другого; встречаются как в колониях, так и одиночно. Лоток гнезда, устроенного из толстых ветвей, выстилают корневищами и стеблями травянистых растений, злаками, полусгнившей растительной ветошью, которые птицы приносят в гнездо в клюве. Иногда постройка «украшается» крупными

перьями, осколками бутылочного стекла и фарфора. Куски шкур и кошмы в выстилке встречаются редко.

Размер гнезд 50 - 106 см, высота 13 - 41, диаметр лотка 25 - 50, глубина 8 - 14. Весной гнезда, устроенные в глубоких нишах северной, западной и восточной экспозиции долго остаются сырыми.

Самые ранние кладки приходятся на конец января. Так, 2.02.83 в колонии в урочище Маджерум сипы уже насиживали яйцо в том гнезде, где они гнездились и прошлый год. Как показали более поздние, проведенные в апреле наблюдения в соседней колонии, и там в эти же сроки была кладка у одной из пар. Откладка яиц у отдельных самок длится почти до апреля, причем сроки ее зависят преимущественно от индивидуальных особенностей и сильно различаются даже у самок из одной колонии. В 1979 г. в колонии из 5 пар наиболее ранняя кладка отмечена 18 - 19.02, а наиболее поздняя - 7 - 8. 03. У пары, загнездившейся в 500 м от колонии, кладка найдена 25. 03. В большинстве случаев кладка происходит с третьей декады февраля и до начала марта. В окрестностях пос. Нурак 6. 03. 83 из 22 учтенных на гнездах пар 14 уже насиживали яйца. В одном из четырех осмотренных гнезд 25.04.79 было неоплодотворенное яйцо, в другом - наклонное, в третьем 22. 04. 80 было 1 яйцо, и в последнем птенец вылупился 1 - 2.05.79.

Полная кладка состоит из 1 чисто-белого яйца. Размеры яиц из хр. Нуратау 95,2X70,7; 98,5X71,7; 96,0X66,8; 95,5X74,5 мм, масса их соответственно 256; 262; 206,5; 292 г. Масса последнего яйца за 14 дней насиживания снизилась до 272 г. Яйца насиживают обе птицы. Инкубационный период длится 52 - 53 дня (Абдуладзе, 1979). Птенцы в гнезде находятся 135 - 137 дней; покидая его, уже хорошо летают. Из 9 гнезд, находившихся под контролем, в одном был «болтун», в двух птенцы погибли в возрасте 7 и 45 дней, от одной гнездящейся пары браконьерами была отстрелена птица. В последующие годы еще дважды отмечалась гибель птенцов и обнаружено одно неоплодотворенное яйцо.

В связи с резким повсеместным сокращением численности диких копытных в

Узбекистане в последние десятилетия кормовая база птиц-падальщиков, в том числе и сипов, все более тесно связывается с животноводством. Возможно, концентрация сипов в верховьях горных систем Узбекистана в летний период связана с отгоном сюда мелкого рогатого скота на летние пастбища.

Питание белоголовых сипов своеобразно. Это в первую очередь внутренности и мягкие ткани павших крупных животных. В Узбекистане сипы регулярно встречаются на трупах лошадей, коров, верблюдов, овец и др. В отличие от грифов, они чаще держатся группами как на падали, так и в поисках пищи. В Нуратинском заповеднике, где численность диких копытных достаточно высока, неоднократно кормились на трупах кабана и барана Северцова. При обследовании гнезд содержимое пищи, отрыгнутой птенцами от испуга, часто включало, кроме мягких тканей, большое количество частей кишечника копытных, заполненного растительными остатками, из которых преимущественно и формируются погадки. Регулярно в них отмечались клочья шерсти, что свидетельствует и о поедании кусков шкур. Это подтверждается и наблюдениями на трупах павших животных. Часто белоголовый сип встречается на свалках, особенно если там имеются мясные отбросы, но интересно, что сипов не приходилось видеть на кучах выброшенных тушек каракулевых ягнят, где многочисленны молодые могильники и степные орлы.

Поедая трупы павших животных, сип осуществляет санитарную очистку территории. Какого-либо отрицательного воздействия на хозяйственную деятельность человека не оказывает. Мерой охраны может служить пропаганда полезности этих птиц. Необходимы наказания за отстрел на гнездовье и отлов капканами на падали.

СНЕЖНЫЙ СИП (КУМАЙ) *GYPSS HIMALAYENSIS HUME*

В пределах Узбекистана гнездование возможно в самых высоких частях хребтов Западного Тянь-Шаня и доказано для высокогорья Гиссарского хребта. Оседлая

птица высокогорий, редко выходит за их пределы даже в зимний период.

Снежный сип - самый крупный из грифов. Взрослые птицы похожи на сипа, от которого отличаются светлой, больше сероватой, чем коричневой, окраской тела, белыми подкрыльями и надхвостьем, наличием белого пуха в оперении лап. Молодые птицы темнее сипа, с бурым оперением низа тела с охристо-белыми наствольями. Белизна низа крыла сохраняется (Дементьев, 1951). Взрослые особи, особенно освещенные снизу солнцем, кажутся почти чисто-белыми с темным хвостом и маховыми перьями. В промежуточных нарядах птицы в поле с трудом отличимы от белоголового сипа.

Ареал кумая охватывает высокогорные области Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Гималаи, Гиндукуш, Тибет и некоторые другие хребты Центральной Азии. Подвидов не образует.

В Узбекистане кумай регистрируется редко, не известно ни одного экземпляра, добытого на территории республики. В западном Тянь-Шане на территории Киргизии отмечался в июле - сентябре в верховьях р. Чаткал (Пляскин, 1983), причем автор предполагает его гнездование. В период длительных летних работ в высокогорье Чаткальского и Кураминского хребтов (Ангренское плато) среди довольно многочисленных белоголовых сипов кумай ни разу с достоверностью не идентифицирован. Для Ферганской долины имеется неопределенное указание, что в апреле «среди грифов, слетавшихся на кормежку в Ферганскую область с окрестных гор, с уверенностью можно различать отдельных *G. himalayensis* (Loudon, 1910). Более поздних наблюдений отсюда нет.

В Туркестанском хребте (верховья Исфары) недалеко от границ республики кумая наблюдал летом Н. А. Зарудный (рукопись; по Иванову, 1940). В западной части Гиссарского хребта в пределах Узбекистана наряду с регулярными встречами в гнездовой период как молодых, так и взрослых птиц нами 23. 06. 86 было найдено гнездо в верховьях р. Аксу (истоки р. Каттаурударья) на высоте 2900 м над ур. м. Гнездо было устроено в нише скалы верхнего

каньона в недоступном для осмотра месте. В нем можно было рассмотреть совершенно оперенного птенца, возможно, уже летного. Второй участок, на котором сипы, вероятно, гнездились, отмечен на водоразделе Каттаурударьи и Сангардака на высоте 3500 м над ур. м., где возле ниши в огромной скале, обильно обеленной пометом, весь июль отмечалась пара взрослых, совершенно белых снизу, и одна молодая птица. Одновременно в этом районе максимально отмечалось до 16 птиц в одной стае. В летнее время найден в Кызылсуйском заповеднике (Черногаев, 1978; Аромов, 1982). Гнездование предполагается и несколько восточнее по хребту (оз. Искандеркуль, Таджикская ССР) (Иванов, 1940, 1969).

КРЕЧЕТ *FALCO RUSTICOLUS L.*

На территории Узбекистана достоверно не найден. В некоторые зимы изредка встречается на территории Казахстана и Киргизии, где ближайšie к нам места находок, по сведениям соколиных охотников, - долины р. Чу и Талас (Зарудный, 1915).

Указания в литературе на встречи кречета в нашей республике (Янушевич и др., 1959; Аюпов, 1978) основаны на неправильной таксономической трактовке восточных популяций балобана. Авторы относят их к самостоятельному виду - алтайскому кречету (*Falco altaicus* Menzbier), или считают подвидом кречета. Принадлежность алтайского кречета к ба-лобанам убедительно доказана Г. П. Дементьевым и А. Шагдасурэном (1964).

В настоящее время на фоне общего снижения численности многих крупных видов хищных птиц появление кречета в Узбекистане маловероятно.

БАЛОБАН *FALCO CHERRUG GRAY*

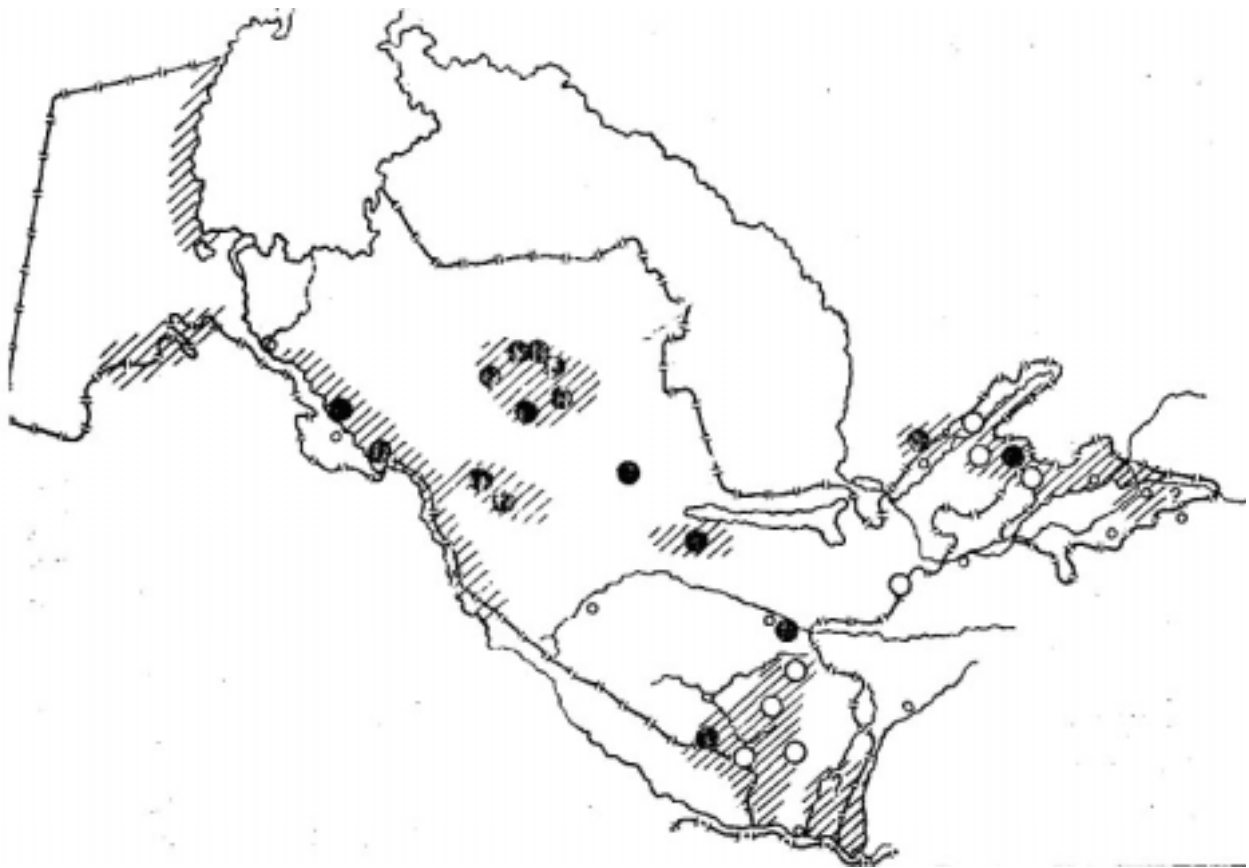
Гнездящаяся, преимущественно оседлая птица, достаточно обычная в низкогорных ландшафтах. Зимой численность несколько увеличивается за счет перекочевки птиц из более северных районов.

Общим «соколиным» обликом сходен с сапсаном и шахином. Отличается от него

несколько большими размерами, широкими крыльями, относительно более длинным хвостом, буроватой окраской верха тела, которая заметно светлее темных маховых перьев, и выделяющейся на общем фоне светлой головой. Усы выражены слабее, чем у сапсана, и не такие черные. Низ тела светлый, охристо-желтоватый, до беловатого у некоторых особей, с крупными удлиненными буроватыми пятнами, не образующими поперечного рисунка, как у сапсана, и гораздо более густыми, чем у шахина. Молодые похожи на взрослых, от которых отличаются более темной головой и низом тела с несколько размытыми пятнами. Пользуется в основном активным полетом, причем взмахи крыльев реже и более глубокие, чем у других соколов. Парящим его можно видеть над гребнями хребтов во время демонстративных полетов. Может скользить, как сапсан, с полусложенными крыльями, но хвост, в отличие от сапсана, в это время заметно расширяется к вершине.

Ареал балобана охватывает значительную часть внутренней Евразии от Восточной Европы до Монголии на севере, до севера Балканского полуострова, Средней Азии и центрального Китая на юге. В пределах вида существует значительная индивидуальная изменчивость, осложняющая выделение подвидов, число которых окончательно не определено. В пределах Узбекистана, видимо, гнездится только *F. ch. coatsi*, зимой установлены залеты гнездящегося северо-восточнее *F. ch. milvipes*. Возможны зимние нахождения и высокогорного, центральноазиатского *F. ch. hendersoni*. В работах ранних авторов в зимнее время в бассейне Сырдарьи отмечались зимовки номинативного подвида *F. ch. cherrug*.

Гнездовой ареал в Узбекистане определяется наличием вертикально расчлененного ландшафта в сочетании с сопутствующей достаточно высокой численностью мелких грызунов. Гнездится по южному и восточному чинкам Устюрта, что подтверждается находками гнезд (Рустамов, 1951), указаниями на гнездование (Зарудный, 1916; Костин, 1956) и встречами в гнездовой период (Молчанов, 1912). В

пустынных низкогорьях Кызылкумов отмечен на гнездовании в ряде мест. Н. А. Зарудный (1915) нашел гнездо в Аристанбельтау, пару охотящихся птиц наблюдал на г. Актау (Тамдытау) и одиночную старую птицу, птенцы которой были взяты из гнезда - в Тохтатау. Птицы отмечались здесь и позднее (Захидов, 1971), и в настоящее время, но численность их заметно ниже по сравнению с горами Букантау (Митропольский, 1980; Фоттелер, Митропольский, 1983), где балобан даже многочислен. Гнездится в горах Кульджуктау и Ауминзатау.

В годы с высокой численностью грызунов может выходить для гнездования на прилежащие к горам равнины при наличии удобных мест для устройства гнезда. Так, гнезда балобана в 1976, 1979 и 1981 гг. осмотрены на опорах линий электропередач между городами Зарафшан и Учкудук и северо-западнее совхоза Джингельды (хр. Кульджуктау) на участках песчаной пустыни. В восточных Кызылкумах 3 птиц в горах Карак наблюдал Р. Н. Мекленбурцев, где в гнездах на утесах они, видимо, и гнездились (Захидов, 1971).

В хр. Нуратау изредка гнездится в северо-западной его части, в ущ. Джингилсай (Салихбаев и др., 1970), в центральной и восточной его части известны единичные встречи птиц в гнездовое время (Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, устное сообщение; наши наблюдения). На южных склонах Нуратау и северных частях хр. Актау встречи в гнездовое время отсутствуют. Видимо, балобан довольно широко заселяет предгорья Западного Тянь-Шаня. Найден на гнездовании Р. Н. Мекленбурцевым на песчаниковых обрывах в 30 км севернее Ташкента в окрестностях ст. Дарбаза, откуда им добыта от гнезда молодая птица 31.05.52 (кол. ТашГУ). Балобан гнезился (сейчас, видимо, отсутствует) на буграх в окрестностях Дальверзина (О. Н. Сударев, Р. Н. Мекленбурцев, кол. ТашГУ) по западным отрогам Кураминского хребта.

Балобаны, связанные в гнездовой период с реликтовым сусликом, отмечались на территории Чаткальского горно-лесного заповедника (Железняков, Колесников, 1958). Обычен на Ангренском плато (южные склоны Чаткальского и северо-восточная оконечность Кураминского хребтов в верховье р.

Ангрен). Вне ареала реликтового суслика как крайне редкий вид отмечен для Бостанлыкского района; одна птица встречена 22.06 в верховьях Наувалися у гребня Угамского хребта (Корелов, 1956).

В горном обрамлении Ферганской долины известно гнездование балобана на недоступных скалах Касанся. Н. А. Зарудный (1911) указывает его гнездование «в горах разных частей Андижанского уезда», причем как для обычного нашего балобана, так и для «алтайского кречета». Отсутствуют сведения о гнездовании балобана по всему Туркестанскому хребту. Единственное указание Н. Loudon (1910) о встрече им птиц, имевших гнезда, в районе Джизака (20.04) может быть отнесено и к Нуратау. В долине Зарафшана гнезда с птенцами найдены в окрестностях Самарканда на Даргоме (Богданов, 1956). Из Гиссарского хребта известны встречи птиц только в зимнее время (Мензбир, 1916), но гнездование его здесь вполне вероятно в бассейне р. Аксу на изолированном поселении реликтового суслика. 1.06.10 птица добыта в Бухаре (Мензбир, 1916). В бассейне Кашкадарьи (Чияльдарья вблизи от Акчувы) отмечен 16.04.54, в ущелье Танхаза - 29. 06. 55 (Мекленбурцев, 1958).

В южном Узбекистане гнезда найдены в 10 км северо-западнее г. Шерабад (Б. В. Абдуназаров, устное сообщение). 16.05.65 одиночные птицы отмечены в верхней части песчаникового каньона у пос. Байсун (Степанян, 1970). Гнездится по предгорьям Кугитанга. Здесь птенцы в гнезде осмотрены Б. В. Абдуназаровым в начале мая в 10 км ниже пос. Ходжабуляс в долине р. Шурдарья (в 60 км выше Талимарджапа), свежая неполная кладка собрана О. Н. Сударевым в 50 км севернее ст. Мукры на границе с Туркменией (Дементьев, Шагдасурэн, 1964). Балобан отмечен на гнездовании по южным предгорьям Кугитанга (Дементьев, 1952). Из долины Сурхандарьи сведений о гнездовании не имеется, но оно вполне вероятно, так как еще восточнее, в долине Кафирнигана птица гнездится (Иванов, 1940). Взрослый самец у ст. Шурча в долине Сурхана был добыт 25. 05. 47 (кол. ТашГУ). В долине Амударьи на

водном пути из Чарджоу до Дарганаты и обратно в июле встречено 4 балобана (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение). Находка 2 гнезд в нишах глинистого обрыва берега реки, примыкающего к Кулатаутугаю, юго-восточнее г. Турткуль (Мамбетжумаев, 1962), доказывает его гнездование здесь. В тугаях низовий Амударьи является редким оседлым видом (Рашкевич, 1962). Молодые с недоросшими маховыми и рулевыми найдены в Сарыкамыше у Карлышииха (Дементьев, 1952).

В период миграций и зимовок встречается практически по всем равнинам республики (Кызылкумы, Голодная степь, Карнабчуль, Каршинская степь), земледельческим оазисам, и даже в окрестностях крупных городов (Самарканд, Ташкент). Широко кочует по горным районам, но в значительно меньшем числе. На гнездовых участках встречается круглый год, но зимой численность птиц заметно снижается за счет откочевки их на прилежащие равнины. Птицы почти полностью исчезают из северных районов в период сплошного снегового покрова.

Сроки осеннего появления пролетных особей в Узбекистане установить трудно, так как распавшиеся выводки и отгнездившиеся взрослые птицы уже в конце июля - начале августа появляются вне гнездового ареала. Так, птицы добыты 10.08.47 у кол. Иззакудук на Айдарском солончаке (ныне залит водой) И. И. Колесниковым, 25. 08. 60 близ Арнася у окончания канала им. Кирова О. Н. Сударевым (кол. ТашГУ), появляются над гребнями горных хребтов, где отмечены 3 - 4 и 18. 08. 48 у высот Голя и Курганташ на северо-западной оконечности Чаткальского хребта (Железняков, Колесников, 1958). Мы отметили увеличение числа птиц на Ангренском плато в конце июля - начале августа за счет подкочевки птиц из предгорий.

На равнинах Кызылкумов вне гнездового ареала балобана в осенне-зимнее время и весной отмечено 86 встреч пролетных и зимующих птиц: в сентябре 3, в октябре 22, в ноябре 13, в декабре 16, в январе (наиболее снежный период) 4, в феврале 7, в марте 21. В апреле птицы уже не встречались.

Приведенный материал даже при своей отрывочности показывает явное увеличение числа птиц в октябре - ноябре при движении на юг и в феврале - марте при весеннем пролете.

На равнинах Каршинской степи балобан добыт 4. 12. 63 (Салихбаев, Остапенко, 1967, кол. ИЗиП) и отмечался с 1 по 8. 12 юго-восточнее ст. Нишан, в 35 км северо-западнее которой добыт 9. 10. 60 О. Н. Сударевым (кол. ТашГУ); 18.10.35 встречен у ст. Ходжадавят (Даль, 1936). Пять одиночных Птиц зарегистрированы нами 28 - 29.11.84 в Карнабчульской степи у колодца Игрича. В бассейне Зарафшана балобан встречен 5. 10.48 в Мар-гидарской степи, а 6.12.36 добыт на Задаргомской равнине (Богданов, 1956). Мы встретили птицу 15.11.84 в долине р. Санзар у Джизака и 7. 12. 75 на Джизакском перевале. Добыт в декабре под Самаркандом (СаггШБегз, 1910), из окрестностей которого (Тенгихорам) в коллекции М. А. Мензбира имелся экземпляр от 10.01. 11.

В Нуратинском хребте 27.09.83 наблюдался на Синтябуле (Е. Н. Коршунова, устное сообщение); ниже по ущелью Синтяба добыт 26.09, а на южных склонах Нуртау в Устуксае отмечен в конце октября (Салихбаев и др., 1970).

У Суджина (северные склоны Гиссарского хребта) добыт М. Н. Дивногорским 22.11.09 (Мензбир, 1916). В долине Сыр-дарьи у Дальверзина добыт Р. Н. Мекленбурцевым 14.12.49 (кол. ТашГУ). Балобан отмечается здесь всю зиму (Мекленбурцев, 1956; Мекленбурцев и др., 1961). Из Ферганской долины зимних встреч птиц не известно.

Под Ташкентом первые пролетные птицы отмечены в октябре 1935 г. (1 экз. с указанием месяца и года без даты в кол. ТашГУ). Балобан добыт 14. 12. 10 (Мензбир, 1916). Встречается в небольшом числе всю зиму: 7. 01 добыт на Келесе Н. А. Северцовым, 31.01.07 - Н. А. Зарудным (кол. ТашГУ), 4.02.73 «алтайский кречет» - добыт А. Н. Аюповым (1978; экз. в кол. ТашГУ).

Из долины Амударьи сведения незначительны: 17.01.67 птица встречена у оз. Сиплан южнее г. Шерабада (Степанян, 1970), 11.12.78 добыта в 8 км севернее Нукуса (Х.

С. Салихбаев, кол. ИЗиП), в ноябре 1952 г. в тугаях ниже Дарганаты осмотрена ручная птица (Костин, 1956).

Весеннее движение начинается в конце февраля, когда некоторые местные гнездящиеся пары уже приступили к обживанию гнезд. Сведения о весенних встречах, кроме приведенных выше для Кызылкумов, имеются только из Голодной степи и Ташкентского оазиса. Н. А. Зарудный (1911) добыл балобана у ст. Голодная степь в ур. Сардоба 18.02. 10. В 40 км восточнее Джизака пара птиц отмечена нами 26.02.76. Одиночные птицы зарегистрированы 2 - 7. 04 в Бухаре, Кермине и Зиаддине, несколько чаще наблюдались в Голодной степи и у Сырдарьи в середине апреля (Loudon, 1910). В окрестностях Ходжента (ныне Ленинабад) балобан добыт Н. А. Северцовым 29.03 (Мензбир, 1916), в окрестностях Дальверзина - О. Н. Сударевым 2.03.80 (кол. ТашГУ). Две запоздалые пролетные птицы встречены нами на разливах по южному берегу Чардаринского водохранилища в тугаях у воды 24. 04. 84. Регулярные встречи птиц в Кичикичсае (Нуратау) с 20.02 по 18.03.67 могут быть отнесены к гнездящейся паре (Салихбаев и др., 1970).

Гнездовыми станциями балобана в Узбекистане являются останцовые низкогорья со скальниками, обрывы в долинах равнинных рек, весь пояс предгорий западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с вертикальным расчленением ландшафта в виде чинков, скал, песчаниковых и лессовых обрывов. В горы до высоты 2500 м над ур. м. проникает только в западном Тянь-Шане, где в гнездовой период регулярно наблюдается на Ангренском плато, и, видимо, гнездится в скальниках каньона верховий р. Ангрэн. В гнездовой период в условиях монотонных равнин и песков встречается только на участках, пересекаемых линиями электропередач (северо-западнее хр. Кульджуктау, юго-западнее хр. Букантау, между городами Учкудук и Зарафшан).

Непременным условием для гнездования балобана является достаточно высокая численность грызунов вблизи удобных для устройства гнезд мест. Так, в Букантау, где

численность балобана наиболее высока, подгорная равнина и ущелья заселены с высокой плотностью большой и краснохвостой песчанками и желтым сусликом. В Тамдытау, где при наличии удобных для гнездования мест в мощных скальниках подгорная равнина характеризуется низкой численностью большой песчанки, а желтого суслика нет, балобан встречается гораздо реже, а гнезд до сих пор отсюда не известно. В Нуратау единственное гнездо в северо-западной оконечности хребта (Джингилсай) найдено при высокой численности краснохвостых песчанок (Салихбаев и др., 1970). Наличием поселений реликтового суслика, местами с очень высокой численностью, объясняется и его гнездование в высокогорных районах западного Тянь-Шаня. Там, где этот грызун отсутствует, балобана в гнездовое время мы не отмечаем.

Даже в районах, где балобан обычен в годы с высокой численностью грызунов, он перестает гнездиться при их отсутствии (Букантау, линии ЛЭП). Так, если при достаточно высокой численности большой песчанки и желтого суслика в Букантау в 1980 и 1982 гг. на 250 км² было найдено 7 и 9 гнезд, а по учетам птиц их должно было быть не менее 10 - 11 пар, то при резком сокращении численности фоновых видов грызунов в 1983 г. было найдено только 3 гнезда, а в период максимальной депрессии численности грызунов в 1985 г. за 2 месяца работы в этих горах не найдено ни одного гнезда, и даже встречи птиц были единичными. Сходные картины динамики численности известны и для других видов хищных птиц этого района, питающихся грызунами (беркут, курганник). По учетам гнездящихся пар балобана на опорах ЛЭП между ст. Кызылкудук и Кунтай (20 км) в 1979 г. гнездилось 5 - 6 пар. В береговых обрывах Амударьи у Кулатаутугая расстояние между двумя гнездами составляло 14 км. На остальной территории республики балобан нередок, хоть и гнездится отдельными парами. В целом современное состояние численности популяции балобана в Узбекистане является оптимальным для вида, а динамика ее определяется природными процессами и не зависит от хозяйственной деятельности человека.

Гнезда балобана найдены в нишах и пустотах глинистых (Мамбетжумаев, 1962), лессовых (Богданов, 1956) и песчаниковых (Р. Н. Мекленбурцев) обрывов, но наиболее часто на уступах, карнизах и в нишах скал (Зарудный, 1915; Салихбаев и др., 1970; Митропольский, 1980; Фоттелер, Митропольский, 1983; и др.). В качестве гнезда может использоваться совершенно пустая площадка, и яйца в таком случае лежат прямо на земле или на гальке в небольшом углублении, но гораздо чаще балобан занимает гнездовые постройки других хищных птиц (беркута, курганника, стервятника) и ворона, а на опорах ЛЭП гнездится только в них. Сам гнезд не строит. Случаев гнездования на деревьях в Узбекистане не известно. В Букантау на фоне высокой численности других видов хищных птиц гнезда балобана найдены в 10 - 15 м от жилого гнезда черного грифа, в 50 м от постройки стервятника, в 170 - 250 м от жилых гнезд беркута и в 500 м от гнезда шахина. Между собой гнезда балобана чаще разделены расстоянием в несколько километров, располагаются по одному на ущелье. В случае, если ущелье большое, с несколькими боковыми разветвлениями, в нем могут отмечаться до 3 гнездящихся пар (ущ. Абухан длиной около 3,5 км), размещаясь в устье, средней части и верховьях.

В Аристанбельтау гнездо балобана осмотрено Н. А. Зарудным (1915) 12.06.12, в нем находились довольно крупные, но еще белесые птенцы. В Букантау гнезда осмотрены нами в ущелье Уру 30.03.71 с 5 яйцами, 15.04.79 с 5 недавно вылупившимися пуховичками, 16.03.80 с неполной кладкой из 4 яиц (30.03 - 5 яиц), 31.03.82 с полной кладкой (5 яиц). В ущелье Абухан 14.03.71 и 19.05.77 были полные кладки по 5 яиц, 11.04.79 - 5 недавно вылупившихся птенцов, 14.03.80 начата кладка, 31.03.80 - 5 яиц (13.03 оно еще было пустым), 29.03.82 и 4.04.82 были найдены гнезда с 5 свежими и 5 слегка насиженными яйцами, 4.04.83 - полная кладка в 3 яйца, совершенно не насиженных (15.04 - 3 яйца). В ущелье Басбокалы 17.05.79 один птенец, полностью оперенный, сидел в лотке, а 2 других - на камнях рядом с гнездом, 25.03.

80 найдено 5 яиц, насиженных более чем на 2/3, 25.03.83 - неполная кладка из 3 яиц. В ущелье в 10 км восточнее колодца Уру 24.03.80 найдено 3 неполных кладки по 4 яйца, 30.03.82 - 5 свежих яиц и 28.04.82 - 5 птенцов в возрасте 8 - 10 дней. В ущелье в 20 км западнее Джускудука 25.04.82 в гнезде было 5 недавно вылупившихся птенцов, а в Джамануру 3.04.82 одно яйцо было наклонуто (5 яиц), 25.03.83 осмотрена слегка насиженная кладка (5 яиц). В хр. Алтынтау 12.04.82 найдена полная кладка с 5 сильно насиженными яйцами у колодца Торткудук (в 20 км северо-восточнее г. Учкудук).

В горах Кульджуктау у кол. Гужумды 20.03.73 осмотрена неполная кладка из 3 яиц, позднее брошенная птицей, вновь начавшей откладку яиц в гнезде по соседству с предыдущим 26.04.73 (1 яйцо), а после откладки 3-го яйца (30.04) оно вновь было покинуто птицами. В Джингилсае (Нуратау) 1.04 в гнезде было 5 яиц (Салихбаев и др., 1970). Гнезда, найденные 20.04.49 и 1.05.41 в окрестностях Самарканда, содержали соответственно 5 и 3 пуховых птенца (Богданов, 1956). В окрестностях Кулатаугая на обрывах Амударьи (юго-восточнее Турткуля) 16 и 20.05 было 3 полуоперенных птенца и 5 перед вылетом (Мамбетжумаев, 1962). В южном Узбекистане гнездо с 4 свежими яйцами найдено О. Н. Сударевым 14.04.64 в 50 км севернее ст. Мукры на границе с Туркменией (Дементьев, Шагдасурэн, 1964). В 10 км ниже пос. Ходжагуляс в долине р. Шурдаря (60 км выше Талимарджана) 2.05.83 осмотрено гнездо с 4 птенцами, готовыми к вылету (птенцы переданы в Алма-Атинский питомник хищных птиц), в другом 25.04.84 в 10 км северозападнее г. Шерабад было 3 полностью оперенных птенца (Б. В. Абдуназаров, устное сообщение).

На основании приведенных сведений можно говорить о довольно раннем размножении балобана в Узбекистане, проходящем в сжатые сроки. Первые яйца в ранних кладках, по расчетным срокам, появляются в конце февраля (птицы у гнезд отмечены уже с 15 - 23.02), а уже к концу марта они начаты в 32 из 35 осмотренных

гнезд, что составляет 91% (табл. 8). Те редкие гнезда, в которых кладка начинается позднее, видимо, принадлежат к повторным, начатым взамен утерянных. Массовая кладка происходит в первой и второй декадах марта, когда яйца начинают откладываться более чем в половине гнезд. Вылупление птенцов наблюдается с середины апреля (в некоторых гнездах могут появляться и раньше) и приурочено по срокам к появлению молодых зверьков в колониях больших песчанок и выходу на поверхность молодняка желтого суслика, что обеспечивает птиц обильной и легко доступной пищей в период выкармливания молодых. Птенцы начинают покидать гнезда с середины мая, но еще довольно долго отмечаются вблизи них. В конце мая отдельные молодые по размерам не отличаются от взрослых птиц (Р. Н. Мекленбурцев, кол. ТашГУ; наши наблюдения), но из большинства гнезд вылетают в июне. Первое время держатся выводками в обществе родителей. Самостоятельно охотящихся молодых в западном Тянь-Шане отмечали в конце июля. В окрестностях метеостанции Кызылча в верховьях р. Ангрэн (южные склоны Чаткальского хребта, 2000 м над ур. м.) 29.07.82 С. Зиновьевым был пойман молодой балобан, запутавшийся в кустарнике при погоне за черной вороной.

В кладке балобана от 3 до 5 яиц, в среднем для Узбекистана ($n=23$) 4,9. Размер кладок отличается высокой стабильностью. Так, в 21 гнезде было по 5 яиц и лишь в 2 - по 3. Птенцов же, собирающихся покинуть гнездо, в большинстве случаев только 3, хотя в одном случае их было 4 и в одном - 5.

Сроки длительности отдельных циклов гнездового периода для наших птиц неизвестны. У европейского балобана интервалы в откладке яиц могут быть различными, так, по наблюдениям в неволе, 5 яиц было отложено за 9 дней, 4 - за 11; яйца насиживаются 28 - 30 дней, птенцы в гнезде находятся 40 - 45 дней (Baumgart, 1978). В Букантау одна кладка из 3 яиц была закончена за 8 дней, другая из 5 яиц - за 10 (начата 18.03, закончена 27.03).

Основными кормовыми объектами балобана в Узбекистане являются грызуны средних размеров (чаще других большая и

Таблица 8 Расчетные сроки начала размножения балобана в Узбекистане

Районы наблюдений	Число кладок, начатых в декаду							Источник сведений
	февраль	март			апрель			
	III	I	II	III	I	II	III	
Бассейн р. Зарафшам		1	1					Богданов, 1956
Нижнее течение р. Амударья		1		1				Мамбетжумаев, 1962
Кызылкумы	2	7	15	1		1	1	Наши данные
Юго-Западная оконечность Гиссарского хр.			1		1			Дементьев, Шаддасурян, 1964; Абдуназаров (устно)
Хр. Нуратау			1					Самхбаев и др., 1970
Долина р. Шерабад	1							Абдуназаров (устно)
Итого в Узбекистане	3	9	18	2	1	1	1	

краснохвостая песчанки), суслики (на равнинах желтый, в горах реликтовый). В Букантау просмотрено несколько сотен погадок, основная масса состояла из костей и шерсти грызунов. В качестве относительно редких добавок можно отметить птиц (сизый голубь, кеклик, каменки, жаворонки, у одного гнезда найдены перья пустельги), рептилий (степная агама), изредка отмечаются остатки хитина жуков и прямокрылых.

В зависимости от природной обстановки и, видимо, индивидуальных особенностей состав питания может быть различным. Так, в низовьях Амударьи (Мамбетжумаев, 1962) в одном гнезде близ опустыненного открытого ландшафта грызуны составляли 85,4% (песчанки большая, краснохвостая и полуденная составляли соответственно 28,3; 20,3 и 14%, в целом 62,6%).

В другом гнезде, расположенном вблизи турангилово-лохового тугайного леса, 48,5% составили птицы (фазан - 29,2%, кукушка - 9,7), но грызуны по-прежнему были обычным компонентом питания (большая песчанка 29,2%, полуденная - 7,3%). В целом список найденных в остатках животных (n=270) насчитывал 27 видов, из них 12 видов млекопитающих (кроме уже названных, гребенщикова песчанка, ушастый еж, толай, желтый и тонкопалый суслики, тушканчики - Северцова, тарбаганчик, Лихтенштейна, серый хомячок), 7 видов птиц и неопределенные их остатки (филин, домовый сыч,

каменка-плешанка, саксаульная сойка), 2 вида пресмыкающихся (степная агама и ушастая круглоголовка), остатки костей рыб (!) и хитин насекомых. Н. А. Зарудный наблюдал в Голодной степи балобана, подхитившего к убитому выстрелом гусю. В горах западного Тянь-Шаня неоднократно отмечалась охота за реликтовым сусликом (Железняков, Колесников, 1958; наши наблюдения), зарегистрирован случай нападения в воздухе на черную ворону. У балобана, добытого 4. 02. 73, в зобу была краснохвостая песчанка, а в желудке остатки 3 домовых мышей (Аюпов, 1978). Наличие в составе корма животных разнообразного видового состава, как дневной, так и сумеречной и ночной активности, разнообразие приемов охоты, свидетельствуют о широкой пластичности вида.

Рост численности популяции балобана в Узбекистане ограничивается естественными условиями. Исчезновение ранее широко распространенной и очень популярной среди местного населения соколиной охоты, в связи с чем перестали разоряться гнезда балобана, привело к восстановлению в последние десятилетия численности этого хищника до нормальной в ряде районов Узбекистана. Гнездование на опорах линий электропередач способствовало расширению гнездового ареала и появлению балобана в ранее не свойственной ему местности. Внесение вида в «Красную книгу СССР» будет способствовать и дальнейшему росту численности этого красивого и интересного хищника.

ЛАГГАР *FALCO JUGGER GRAY*

В Средней Азии является одним из редчайших соколов, встречи которого в Узбекистане регистрировались в конце прошлого - начале нынешнего веков, и только одна датируется более поздним временем. Характер пребывания его у нас не выяснен. Предположительно гнездится, но очень редко.

Лаггар в поле, видимо, неотличим от балобана. Поэтому следует обратить особое внимание на определение птиц типа «балобанов», гнездящихся на деревьях или сооружениях в культурном ландшафте, что характерно для описываемого вида. Среднеазиатский балобан (*F. cherrug coatsi*) в таких условиях не гнездится.

Ареал лаггара охватывает Южную Азию от восточного Афганистана на восток до Бирмы, от подножий Гималаев на севере до южной оконечности Индостана. В Советском Союзе гнездование установлено в степных предгорьях Кавказа (Дагестанская АССР, дол. р. Сулак) и в юго-восточной Туркмении у Чаача (Гусев, Штегман, 1959; Дементьев, Рустамов, 1957). Монотипический вид.

В Узбекистане первая достоверная встреча лаггара в окрестностях Чиназа (р. Сырдарья) указана В. Ф. Руссовым, который добыл - 7.05.1878 самку во втором или обношенном первом наряде (Мензбир, 1916). Во всех основных сводках дата добычи этой птицы не переведена на новый стиль (26.04. 1878), на что указывал в своей работе Р. Н. Мекленбурцев (1981). Г. П. Дементьев и А. К. Рустамов (1957) по стёртому оперению на ногах считают ее, видимо, улетевшей из неволи ловчей птицей. Н. А. Зарудный (1911) считает лаггара гнездящейся птицей хр. Ахунтау (южная Фергана), основываясь на осмотре в кишл. Варух молодого сокола, взятого из гнезда в этих горах около Гульчи (восточная Фергана) и по среднему течению р. Ангрэн.

Видимо, гнездится по хр. Каратау, где 29.08.09 добыта молодая птица в Хантагском ущелье. Две молодые птицы, отловленные у Бальджуана в Бухаре, были осмотрены И. А. Зарудным в 1910 г. Указанные точки встреч

не подтверждены добытыми птицами. Критическое отношение к данным Н. А. Зарудного, сложившееся в литературе, должно быть изменено в свете данных, полученных позднее. Г. П. Дементьев и А. К. Рустамов (1957) наряду с предполагаемым гнездованием лаггара в 25 км юго-восточнее пос. Нижняя Чаача в Туркмении упоминают и осмотренного ими 29.09.55 молодого самца, содержавшегося в зоологическом саду г. Ташкента, который был доставлен, по сообщению администрации, из окрестностей города в начале апреля 1955г. Этот факт косвенно подтверждает находку Н. А. Зарудным гнездящихся пар в среднем течении р. Ангрэн (40 - 50 км юго-восточнее Ташкента). Возможно, лаггару принадлежало гнездо с двумя полуоперенными птенцами, найденное сотрудниками Ангрэнской ТЭЦ на верху башни испарителя в начале июня 1983 г. Гнездо было разорено, и в последующие годы птицы здесь больше не гнездились. Кроме того, 2 очень светлых сокола, похожих на балобана, отмечены О. В. Митропольским в Ферганской долине у р. Сырдарья. Эти сведения позволяют предполагать возможность современных встреч лаггара в окрестностях Ташкента, долине р. Ангрэн и Фергане. Перечисленными сведениями ограничиваются находки лаггара на территории республики.

Сведений о биологии лаггара в Средней Азии нет. В южной Азии он является обитателем лесов предгорной зоны и не поднимается в горы выше 762 м (Ali-Salim, по Дементьеву, Рустамову, 1957). Гнезда здесь чаще устраиваются на деревьях, но также на скалах и постройках; не избегает лаггар и культурного ландшафта. Занимает пустующие гнезда других хищников и врановых. В Дагестане 4 гнезда были найдены в тугае р. Сулак на высоте 9 - 22 м над землей, раньше они принадлежали врановым, причем одно было устроено в центре колонии грачей. Брачные игры пары птиц здесь наблюдали 18.03, а 15.04 найдено гнездо с 3 яйцами, в котором 16. 04 появилось 4-е яйцо. Первый птенец в нем вылупился 10.05, а к 14.05 вылупление закончилось. К 10.06 перья на птенцах уже полностью

закрыли пух. В середине апреля в других гнездах были ненасиженные или слабо насиженные яйца, во второй половине мая птенцы были в первом пуховом наряде, в конце мая и начале июня - во втором. Птицы были спокойны, не покидали гнезда даже при приближении человека к дереву, на котором располагалось гнездо.

В Туркмении 14.04.46 добыта взрослая самка, которая, судя по кормовым остаткам, держалась здесь уже продолжительное время. Здесь же 21.05.55 добыта самка с наседным пятном, что позволило считать, что она гнездилась где-то поблизости.

Кладка обычно состоит из 4 яиц (Мензбир, 1916; Гусев, Штегман, 1957). Гнездовой период в Индии проходит в январе, феврале, марте. У самки, добытой в Чиназе 7.05. 1878, М. Н. Корелов (1962) указывает на наличие наседного пятна.

Размеры яиц: 51,05x39,88 мм (Blanford, по Мензбиру, 1916), они обычного соколиного облика.

Питание довольно разнообразное. В Туркмении в погадках обнаружены шерсть и кости грызунов, перья и кости мелких птиц. Под столбом, на котором добыт сокол, найдена полусъеденная большая песчанка. В Дагестане млекопитающие и птицы в питании представлены в одинаковой степени. Из млекопитающих лаггар чаще добывает малого суслика, кроме того, водяную полевку, мелких зайчат и даже гигантского слепыша. Число видов добытых им птиц велико: грачи, галки, сороки, сизоворонки, горлицы, птички-коньки, трясогузки, воробьи. В зобу добытого лаггара найдены остатки желтопузика. Большой и экологически разнородный список жертв свидетельствует об универсальности приемов охоты, что также делает лаггара схожим с балобаном.

На территории Средней Азии лаггар, видимо, гнездится редкими парами. Вызывает удивление отсутствие лаггара в «Красной Книге СССР» и региональных «Красных Книгах». Мерами охраны этого редкого хищника должны быть выявление и охрана гнезд. Желательно накопление любых объективных данных по этому виду.

РЫЖЕГОЛОВЫЙ СОКОЛ (ШАХИН) *FALCO PELEGRINOIDES TEMM.*

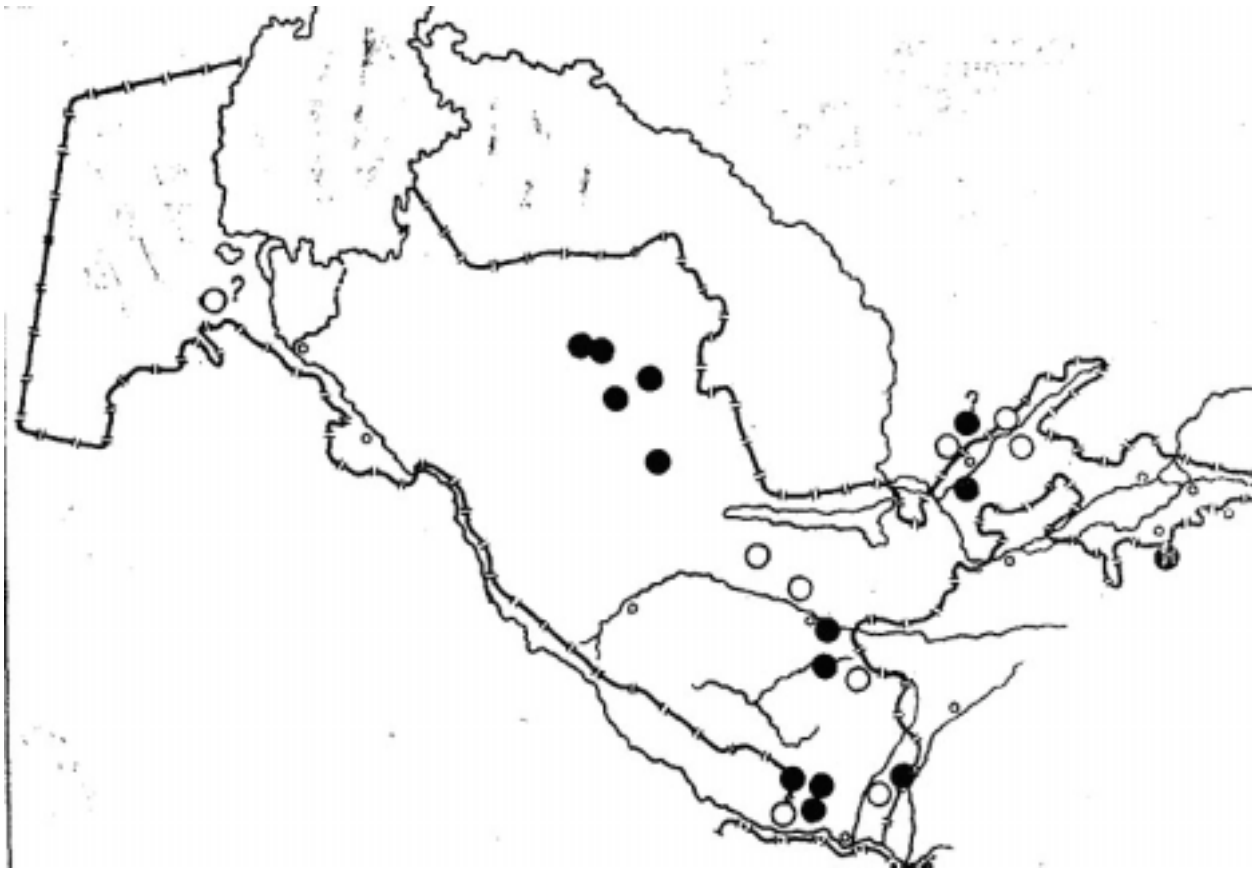
Редкая, спорадично распространенная гнездящаяся птица. Обитает в ландшафтах низкогорий и подгорных равнин. Часть особей оседлая, другая, видимо, совершает сезонные перекочевки, размах которых не изучен.

Заметно крупнее пустельги, но несколько мельче и стройнее балобана. Из крупных соколов наиболее похож на сапсана, от которого отличается более светлым верхом тела с рыжеватыми каемками перьев, узкими, буроватыми усами, окаймленными рыжиной, рыжеватыми пятнами по бокам шеи и заметной рыжиной головы. Низ тела рыжевато-розовый, с некрупными округлыми черными пятнами, не образующими поперечной полосатости, характерной для взрослых сапсанов, или только намекающими на нее. Хвост светлее, с четким поперечным рисунком. Молодые снизу охристо-рыжеватые с продольными черными пятнами, более узкими, чем у сапсана. В поле шахин почти не отличим от молодых сапсанов.

Ареал обширный, изучен плохо. Охватывает восточную и северную Африку, Азию от Аравии и Синайского полуострова до Монгольского Алтая, западного Китая и северозападной Индии. В Узбекистане, как и на остальной территории СССР, обитает подвид *F. p. babylonicus*.

В Узбекистане шахин гнездится в пустынных низкогорьях и предгорных участках на высоте до 1500 м над ур. м. Встречи его в гнездовое время возможны в районе чинков восточного Устюрта и на возвышенности Уччоку у с. Бугунь (Зарудный, 1916), где по опросным сведениям он гнездится. Наблюдения в нижнем течении р. Сырдарьи (Спангенберг, Фейгин, 1936) и неясные указания на возможность его гнездования по чинкам Устюрта (Костин, 1956) были позднее поставлены под сомнение (Степанян, 1975) как не подтвержденные фактическим материалом, хотя, на наш взгляд, вполне вероятны.

Наиболее северным районом нерегулярного гнездования на территории республики является останцовая горная

группа Букантау в центральных Кызылкумах. Впервые гнездо этого сокола было найдено здесь в ущ. Абухан в центральной части северных склонов в мае 1970 г. (Митропольский, 1980). Позднее, при почти ежегодных орнитологических наблюдениях в этих местах ни гнезда, ни птицы отмечены не были, и только в 1982 г. в 20 км восточнее Абухана вновь была встречена гнездовая пара, насиживающая кладку в безымянном ущелье в 20 км западнее пос. Джузкудук. В 1984 - 1985 гг. птицы не обнаружены. На нерегулярное гнездование вида в несколько более южных останцах (хр. Аристанбельтау, Тохтатау) указывал и Н. А. Зарудный (1915), встречавший шахина постоянно гнездящимся только в горах Актау (Тамдытау), что, однако, не подтверждено более поздними наблюдениями. В Тохтатау один раз был отмечен 16.08.46 Т. З. Захидовым (1971). Других гнездовых встреч в гнездовый период из Кызылкумов не известно. В качестве редкой гнездящейся птицы найден в среднем течении р. Зарафшан. Здесь 17.08.48 встречен нераспавшийся выводок на Даргоме (окр. Самарканда), 26 и 31.07.36 добыты

экземпляры (Богданов, 1956, Дементьев, 1948) на Зерабулакских высотах и в ур. Сыпки под Самаркандом, 21.08.38 самка в гнездовом наряде добыта В. П. Костиным в дельте р. Карасу (одно из русел Зарафшана в среднем его течении между Самаркандом и Навои), в июле 1937 г. взрослый самец добыт в горах севернее Каттакур-гана (Дементьев, 1948). Экземпляр, добытый в окрестностях Самарканда 5.03 (Мензбир, 1916), мог быть пролетной птицей.

Следующим районом регулярных встреч шахина в гнездовое время (находок гнезд нет) являются предгорный и среднегорный участки западного Тянь-Шаня. Здесь, на правом берегу р. Келес, в 10 км северо-восточнее г. Сарыагач мы встретили одиночную птицу вблизи песчаниковых обрывов 15.04.78 в условиях, очень подходящих для гнездования шахина. Над кишл. Богустан пара шахинов была отмечена 17.05.49; 8 - 9.06 в долине р. Угам в районе Аюсяя встречены 2 птицы (Корелов, 1956). Встречи шахина в августе, видимо, относятся в особям, кочующим после завершения гнездования.

В горном обрамлении Ферганской долины шахин известен на гнездовании только в

каньоне р. Карагуныш, где на недоступных скалах встречена гнездящаяся пара, а позднее осмотрен ловчий сокол, взятый из гнезда в районе р. Нурлоу (Н. А. Зарудный, по Иванову, 1969). Вероятно, к этому виду относится наблюдавшийся Р. Н. Мекленбурцевым (1935) крупный сокол, успешно ловивший розовых скворцов в колонии в окрестностях Уратюбе.

В горной части Зарафшанской долины не известен, хотя ниже гнездится. В Гиссарском хребте на территории Узбекистана не найден, но восточнее, в Таджикистане гнездится (Иванов, 1969). Ниже, между Каучином и Шахрисабзом, был обычен в 1938 г. и крайне редок в последующие годы. Две самки из нераспавшегося еще вы водка добыты у впадения Танхаздарьи в Кашкадарьго (Дементьев, 1948; Мекленбурцев, 1958), а одиночный самец отмечен 2.07.55 в колонии розовых скворцов в верховьях р. Каттаурударьи у Аккиш-лака на высоте 1800 м над ур. м.

Наиболее часто и регулярно шахин встречается на юге Узбекистана. Широко распространен в Кугитанге. Отмечен Н. А. Зарудным в урочищах Кызылалама, Кампыртепе, Гум-Дагана, добыт в горах Куланашар у Келифа (самка от 17.05.10). На территории Туркмении гнездо шахина найдено у Чаршанга (Дементьев, 1948). В долине р. Шерабад на гнездовом участке в 8 км выше одноименного города гнездо было занято птицами в 1964, 1965 и 1969 гг. (Степанян, 1969, 1970). В 10 км северозападнее г. Шерабада гнездо с птенцами найдено Б. Б. Абдуназаровым (1983). Между поселками Гулистан и Чиланзар в долине р. Шерабад мы отметили молодых и взрослых птиц из 1 - 2 пар. Гнездование шахина в Бабатаге известно по находке Н. А. Зарудным (по Иванову, 1969) гнезда с полуоперенными птенцами у пер. Хазретбаба. Из этого же хребта 29.05.10 добыта взрослая самка (Дементьев, 1948). В долине р. Амударья, кроме уже названной у Келифа (Н. А. Зарудный), известны встречи птиц только в осенний период.

После завершения размножения шахин совершает, видимо, как и балобан, довольно широкие местные кочевки, во время которых

птицы отмечаются в районах, не свойственных им в гнездовое время, причем поднимаются довольно высоко в горы. В западном Тянь-Шане птица добыта в верховьях Карасая у окр. Башкитерека (Чаткальский хр.) 22.07.79 Г. Ф. Колюхом (Урманова, 1982). Над вершиной Большого Чимгана (около 3000 м над ур. м.) одиночную птицу наблюдали 19. 07. 48 (Корелов, 1956), один экземпляр добыт в районе восточных склонов Кызылнуры (Чаткальский заповедник) 20. 08. 48 (Железняков, Колесников, 1958; кол. ТашГУ). Взрослые самка и самец добыты от гнезда И. И. Колесниковым у пос. Пскент (нижнее течение р. Ангрэн) 13.08.26 (Дементьев, 1948; Мекленбурцев, личное сообщение).

Шахин спускается и на равнину. В оазисной зоне Р. Н. Мекленбурцев 31.08.40 добыл самца у Ишанбазара на р. Келес под Ташкентом (кол. ТашГУ). Между пос. Гулистан и Чиланзар в долине р. Шерабад 17 - 23. 06 и 7 - 8. 07. 79 мы наблюдали одиночных уже самостоятельных молодых. Кроме кочевых особей и остающихся на зимовку, имеется, видимо, небольшое число пролетных. На явный пролет шахинов, следующих за водоплавающими в долине р. Амударьи, указывает Г. П. Дементьев (1948), он же добыл самку 28. 09. 37 у оз. Эльджик.

В долине р. Зарафшан шахин был встречен на оз. Сунгур 28.10.35 (Даль, 1936). Пара пролетных птиц отмечена 24.10.80 между пос. Иштыхан и г. Нурата и одна 22. 10.80 между г. Учкудук и Зарафшан. На пребывание шахина под Бухарой с ноября по март указывает Н. М. Маслов (1947), если только тут нет смешения его с сапсаном.

Под Ташкентом известны осенние встречи птиц 27. 10. 18 (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ), 1.10.12 и 4.11.37 (Дементьев, 1948). 26.11.28 его наблюдала З. Л. Сагаева (1937). Она же указывает на целый ряд встреч шахина в октябре - декабре Н. А. Зарудным, правда неясно, на каком материале основаны эти сведения.

Зимовки шахина вне гнездового ареала известны из Самарканда и его окрестностей, Ташкента и дол. р. Амударьи, где Н. А. Зарудным осмотрена ловчая птица в районе пос. Хатаб, пойманная здесь же в зимнее

время. Из центральных Кызылкумов с их очень немногочисленным зимним населением птиц, видимо, отлетает.

В связи с ранним началом размножения шахины откочевывают к местам гнездования в конце зимы. Достоверных встреч вне гнездового ареала в январе - феврале и позже нет. Особняком стоят наблюдения З. Л. Сатаевой (1937) за 2 птицами 1 и 9. 04. 29. Видимо, тут имеет место смешение его с сапсаном, часто встречающимся именно в это время.

Гнездовыми станциями шахина являются останцовые горы, зона предгорий и среднегорий западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с вертикально расчлененным рельефом (скалы, глинистые или песчаниковые обрывы). Гнездовой участок выбирается в пустынных, безлюдных местах. Непременным условием гнездования является наличие в ближайших окрестностях гнездящихся птиц среднего размера (голуби, скворцы и др.), служащих основными кормовыми объектами шахина. Гнездовые участки постоянны в зоне регулярного гнездования. Так, в долине р. Шерабад гнездо шахина было занято в 1964 и 1965 гг., после чего самка из пары была добыта (Степанян, 1969). Уже обновленная пара держалась здесь в январе 1967 и 1969 гг. Севернее, в Букантау, известно 2 случая гнездования - в 1970 и 1982г. В перерыве между этими годами птицы ни разу не отмечались. Основываясь на сказанном выше, мы считаем останцовые горы местом нерегулярного, эпизодического гнездования шахина.

Численность шахина определить трудно в связи с редкостью птицы и нерегулярностью встреч. Так, в Букантау находится не более одной пары. По Келиф-Шерабадской гряде гнездится 1 - 2 пары (Абдуназаров, 1983). В долине р. Шерабад между пос. Гулистан и Чиланзар в июне - июле 1979 г. мы встретили уже распавшиеся выводки 1 - 2 пар.

Как и другие крупные соколы, шахин сам гнезд не строит, используя постройки других хищных птиц или занимая удобные ниши. Яйца откладывает прямо на дно, в небольшое углубление. Для устройства гнезда всегда используются самые труднодоступные участки скал или обрывов. Чаще это ниши,

реже уступы с нависающим сверху козырьком. Гнездо, найденное нами в Букантау, было устроено в небольшой нише, раньше занимаемой стервятником. Яйца лежали на дне бывшего лотка, шерсть и тряпки сцементированы пометом предыдущего хозяина. Судя по многочисленным остаткам погадок с шерстью и костями грызунов, раньше эту нишу для гнездования использовал и балобан. В 1970 г. в ущелье Абухан птица гнездилась в старом гнезде обыкновенного ворона. Наличие в окрестностях других гнездящихся хищных птиц не является препятствием для гнездования шахина. Осмотренное нами гнездо находилось в 20 м выше по склону над обитаемым гнездом черного грифа и в 500 м от гнезда балобана с птенцами. Судя по тому, что в лотке шахина была насиженная кладка, он загнезвился здесь последним. Пары постоянны, заменяются лишь при гибели одного из партнеров.

Даже на основании незначительного материала можно говорить о растянутых сроках начала размножения. В январе 1967 и 1969 гг. взрослых птиц у гнезда отметил Л. С. Степанян (1970) в долине р. Шерабад в 8 км выше одноименного города. В этом же гнезде в 1964 г. 5.05 было 5 оперенных птенцов, последний из которых покинул его на следующий день (все 5 слетков были самками). В 1965 г. 2 старших птенца вылетели 5. 05, а последний, младший - 8.05 (из 3 птенцов 2 - самки). Начало кладки у этой пары должно было произойти в конце 2-й - начале 3-й декады февраля. В 10 км северо-западнее г. Шерабада 4 полностью оперившихся птенца 9 - 10.05.81 еще были в гнезде (Абдуназаров, 1983). В гнезде на скалистом массиве 20 - 23. 06. 10 Н. А. Зарудный наблюдал 3 полуоперенных птенцов (начало кладки в конце 2-й декады апреля) в ур. Хазретбаба на Бабатаге. В центральных Кызылкумах (хр. Букантау) 29.05.70 птенцы только оставили гнездо (Митропольский, 1980), расчетные сроки начала кладки приходятся на середину марта. В гнезде, найденном здесь 25. 04.82, находилась полная насиженная кладка из 2 яиц, одно из которых было на стадии вылупления, а другое - «болтун». По-

видимому, кладка была начата в конце марта. Несколько более поздние сроки начала размножения шахина в центральных Кызылкумах обусловлены обедненной фауной зимующих здесь птиц. Начало кладки связано с пролетом куликов и началом гнездования голубей и других мелких воробьиных. В долине р. Шерабад, где зимой в обилии встречаются разные группы птиц (кулики, водоплавающие, пустынная куропатка), а зима мягкая, возможно и более раннее гнездование.

Известны встречи неразлетевшегося еще выводка из 3 молодых птиц в бассейне р. Кашкадарья у устья р. Танхаздарья 7. 08. 38 (Мекленбурцев, 1958). В бассейне р. Зарафшан у Даргома 3 молодых птицы держались при взрослых 17.08.48 (Богданов, 1956). Выводок молодых, которых еще подкармливали взрослые, встречен нами между пос. Чиланзар и Гулистан в долине р. Шерабад 17 - 18. 06. 79, причем были и молодые птицы, державшиеся поодиночке, видимо, из другого выводка.

Л. С. Степанян (1959) 8.07.54 встретил в Кунгей-Алатау (Тянь-Шань), т. е. много севернее, самостоятельно охотящегося молодого самца. В районе г. Шерабад, по наблюдениям того же автора (Степанян, 1969), выводок распадается в июне, после чего птицы ведут самостоятельную жизнь. В некоторых случаях группы совместно держащихся молодых отмечены даже в зимний период.

Плодовитость шахина значительно колеблется в зависимости от кормовых условий и индивидуальных особенностей отдельных особей. М. А. Мензбир (1916) писал о наличии в кладках не более 4 яиц, птенцов же по 2 - 3. Найденная в Букантау полная кладка содержала 2 яйца (Фоттелер, Митропольский, 1983). Птенцов или недавно покинувших гнездо слетков насчитывалось по 3 (5 случаев), 4 (1), 5 (1) (Н. А. Зарудный, по Иванову, 1969; Богданов, 1956; Мекленбурцев, 1958; Степанян, 1969; Митропольский, 1980; Абдуназаров, 1982). Найденная в Таджикистане кладка также содержала 5 яиц. Кладки из 5 яиц известны и у номинативного подвида шахина (Hartert,

1913). В доступной нам литературе отсутствует описание яиц шахина, кроме довольно общих замечаний о несколько более мелких размерах яиц по сравнению с сапаном (Мензбир, 1916) и упоминания о том, что «размеры яиц лаггара, как у *Falco peregrinus pelegrinoides*, и в большинстве такие же светлые» (Hartert, 1913). Размеры 21 яйца птиц из северной Африки и Аравии, относящихся к подвиду *Falco p. pelegrinoides*, в среднем 51,1X39,62 (максимальный 54X40 и 52X41,5, минимальный 48,4X41 и 48,7X37,7) мм. Осмотренная нами кладка из хр. Букантау содержала 2 яйца размером 54,1x41,8 и 50,5X 42,4 мм. Яйца с хорошо выраженным «острым» концом. Основной фон бледно-песочный, с несколько более темными песочными и коричневатопесочными «мраморными» разводами и мелкими коричнево-буроватыми точками. Одно яйцо в кладке с чуть более интенсивным рисунком. Скорлупа матовая, с очень незначительным гляncем, приобретенным в процессе насиживания. На одном яйце (более крупном) по экватору разбросаны белые известковые узелки, имеющиеся в небольшом числе и на другом яйце.

Такого же рисунка и цвета были и остатки скорлупы после вылупления птенцов, собранные Б. Б. Абдуназаровым под гнездом шахина в долине р. Шерабад в 1981 г. и осмотренные нами. Судя по краткому описанию яиц найденной в Таджикистане кладки (Абдусаломов, 1977), а также по слайдам, любезно предоставленным нам Ю. А. Лебедевым, цвет фона варьировал от светло-коричневого до кроваво-коричневого с густо размещенными темно-коричневыми пятнами, они были практически неотличимыми от многих осмотренных нами кладок балобана и совершенно не похожи на яйца шахина. Если только принадлежность гнезда не была подтверждена добытым у гнезда экземпляром, о чем в описании ничего не сказано, то принадлежность этой кладки шахину вызывает у нас серьезные сомнения.

Продолжительность циклов размножения остается неизученной, но, видимо, как и у сапана и других крупных соколов, яйца откладываются через день, насиживание

длится 28 - 30 суток, а птенцы из гнезда вылетают на 42 - 45-й день.

По трофическим связям шахин - типичный орнитофаг. В Узбекистане в осенне-зимнее время нападает на уток и голубей, в гнездовой период охотится за розовыми скворцами (Богданов, 1956). В колониях розовых скворцов отмечен в долине р. Каттауру-дарья (Мекленбурцев, 1958), близ Уратюбе (Мекленбурцев, 1935). В западном Тянь-Шане наблюдалось нападение шахина на степную пустельгу, а у птицы, добытой 20.08, в желудке была лапа золотистой шурки. На юге Узбекистана в долине р. Шерабад в числе жертв отмечены розовые скворцы, сизый голубь, угод, индийский воробей, каменки, скалистая овсянка, хохлатый и пустынный жаворонки, белобрюхие стрижи. В зимнем питании значительное место занимают черный и чернозобый дрозды. Довольно четко прослеживается тенденция к добыванию мелких птиц (Степанян, 1969). Нами у гнезда в хр. Букантау отмечены перья пустельги, куликов, в том числе ходулочника, сизого голубя, мелких воробьиных птиц (каменки, жаворонки, воробьи). В районе гнезда обнаружены 2 свежие погадки с шерстью желтого суслика.

Является редким, очень немногочисленным видом, внесен в «Красную книгу СССР», заслуживает охраны.

САПСАН *FALCO PEREGRINUS TUNST.*

Немногочисленная птица, зимующая в равнинных районах Узбекистана.

Заметно крупнее пустельги, несколько мельче и изящней балобана. В полете хорошо отличим по характерному силуэту с острыми, серповидно изогнутыми крыльями, довольно длинному, сужающемуся к вершине хвосту. Верх тела темно-серый (графитный), одноцветный с головой. На фоне светлой, У некоторых форм белой щеки хорошо заметны широкие черные усы. Низ тела беловатый с черными поперечно вытянутыми пятнами, образующими характерный для взрослых птиц поперечный рисунок. Молодые снизу ржавчато-желтые с темными продольными пятнами. Ошейник, в отличие от шахина,

выражен слабее и не имеет присущей ему яркой рыжины. От чеглока отличается большими размерами, более длинным хвостом и отсутствием рыжины в оперении ног. В основном пользуется активным полетом, взмахи крыльев часты и неглубоки. Птиц - основную свою добычу - бьет почти исключительно в воздухе, пользуясь преимуществом в скорости. Во время пролетов встречается чаще у водоемов, изобилующих водной птицей.

Сапсан - космополит, распространенный на всех материках - в Африке, Евразии, Австралии, Северной и Южной Америке и на многих островах. Внутривидовая изменчивость у сапсана хорошо выражена и таксономически не всегда удовлетворительно решена. В Узбекистане на зимовках встречаются гнездящиеся в лесной и тундровой зонах Европы и Сибири *F. p. peregrinus* и *F. p. calidus (leucogenys)*.

В связи с общим снижением численности в последние десятилетия на территории республики встречается значительно реже, чем в начале века.

Первые осенние птицы появляются в Узбекистане в конце октября. Так, 25.10.26 и 29.10.41 они встречены под Самаркандом (Богданов, 1956), 16.10.14 молодой самец добыт Н. А. Зарудным у оз. Ашикуль близ ур. Сардоба в Голодной степи (кол. ТашГУ). 23.10.45 молодая птица отстрелена у оз. Калгансыр в 10 км ниже по течению Сырдарьи от железнодорожного моста у Чиназа (И. И. Колесников, кол. ТашГУ). Осенью 1984 г. в окрестностях оз. Тузкан и у Дальверзина наблюдались птицы, охотящиеся за рябками и утками (О. Н. Сударев, устное сообщение). В районе Ташкента молодой самец добыт в октябре (Мензбир, 1916). Мы встретили сапсана южнее пос. Кулкудук (центральные. Кызылкумы) 30. 10. 74; еще севернее, на Куванджарме 10. 10 отмечен и добыт Н. А. Северцовым (Мензбир, 1916); во второй половине этого же месяца 2 птицы отстрелены между Казалинском и Кызылджаром (Зарудный, 1916). Особняком стоит очень ранняя встреча утомленной птицы в августе 1945 г. у кол. Чурук на севере

каракалпакского Устюрта (Костин, 1956), видимо, она была неверно определена. М. А. Мензбир (1916) пишет об осеннем пролете сапсана в нижнем течении Амударьи.

На зимовках сапсан в качестве редкой птицы отмечен в окрестностях Самарканда (Богданов, 1956). Встречи птиц в окрестностях Ташкента подтверждают зимовку здесь. Так, взрослые самки добыты здесь 30.11.10 и 30.01.11, молодая самка - 5.12 (Мензбир, 1916). Два экземпляра добыты 24.12.06 (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ) на окраине Ташкента и 11.01.38 (В. Курбатов, кол. ТашГУ) в центре города; одного взрослого самца Р. Н. Мекленбурцев (1982) наблюдал в черте города.

В долине Сырдарьи в окрестностях Чиназа молодой самец добыт Н. А. Зарудным 6.02.12 (кол. ТашГУ), в Ферганской долине у Андижана - Н. А. Северцовым 7.02.10 (Мензбир, 1916). Встречен 24.01.64 на острове Арал-Пайгамбар в долине Амударьи под Термезом (Степанян, 1971).

Весеннее движение птиц начинается довольно поздно, во всяком случае, все известные встречи сапсана приходится на конец марта - апрель. В Ферганской долине взрослая самка добыта Н. А. Северцовым 14.03 (Мензбир, 1916) в окрестностях Учкургана и В. Ю. Герх-нером (кол. ТашГУ) 27.04.17 в окрестностях ст. Мельникове (ныне зона затопления Кайраккумского водохранилища). В середине апреля встречен у Дальверзина (О. Н. Сударев, устное сообщение). В. Ф. Руссов отмечал пролет сапсана под Чиназом (Резке, 1888). В Голодной степи одиночные птицы встречены в начале апреля (Бои-йоп, 1910). На западном побережье Тузкана и на перемычке Тузкан -

Айдар мы наблюдали взрослых птиц 18 и 20.05. Известен экземпляр из долины р. Карасу (бассейн р. Зарафшан под Самаркандом), доставленный 17.04.49 (Богданов, 1956).

Сапсана, поедавшего чирка-трескунка, мы вспугнули с края залитого водой такыра в окрестностях колодца Култумсек (северо-западная часть Узбекских Кызылкумов) 4.04.80. Севернее, в нижнем течении Сырдарьи, неоднократно наблюдался весной

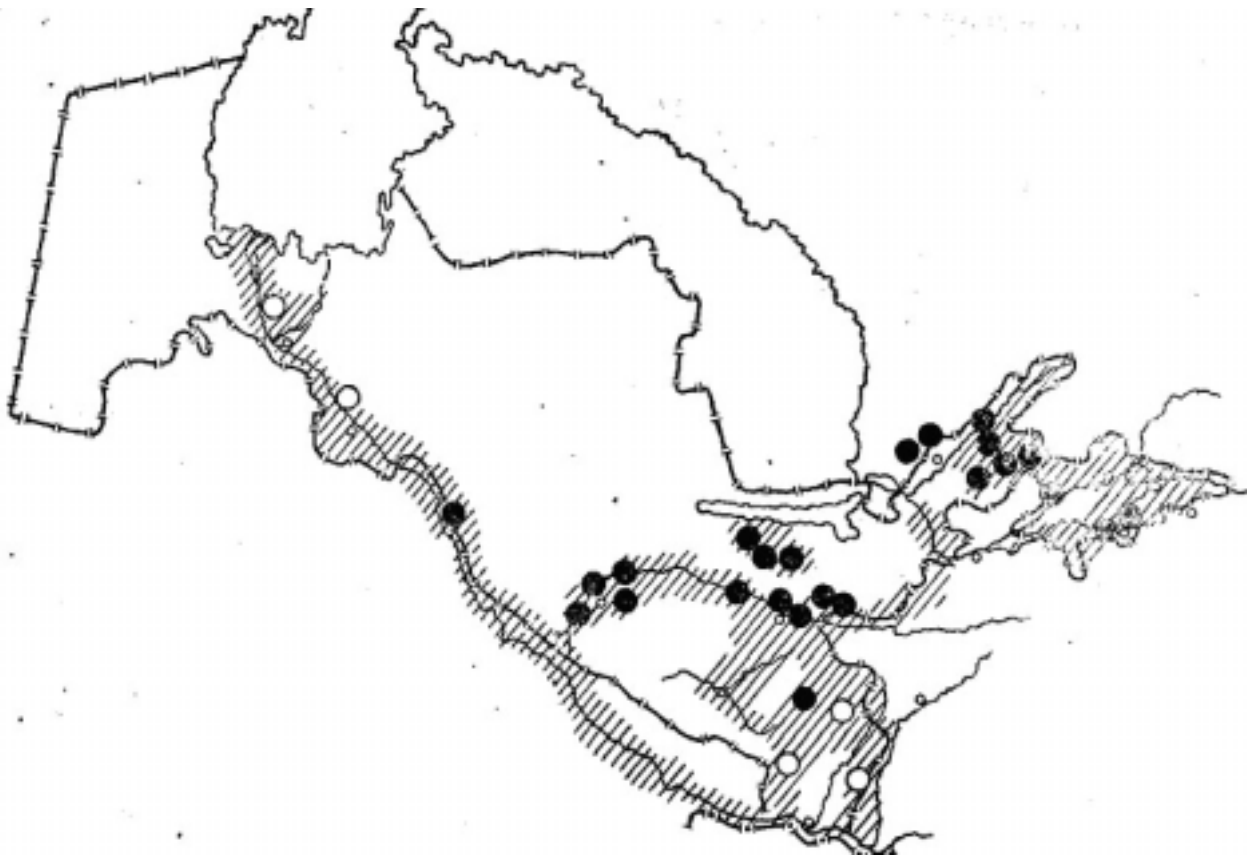
1930 и 1932 гг. во время валового пролета водоплавающих. У поселка Джулек птица встречена 6.04.32 (Спангенберг, Фейгин, 1936). Птица, парящая над полями в окрестностях Чарджоу в долине среднего течения Амударьи, отмечена Н. А. Гладковым (1932) 17.05.31.

Перечисленными материалами исчерпываются сведения о пребывании сапсана в пределах Узбекистана. Редкий вид, занесен в «Красную книгу СССР», подлежит охране на зимовках и пролетах.

ЧЕГЛОК *FALCO SUBBUTEO L.*

Обычная гнездящаяся птица, связанная с высокоствольной древесной растительностью в горных лесах, тугаях речных долин и некоторых оазисов. На зиму улетает. Размерами с пустельгу, в остальном сходна с сапсаном. Наиболее яркими отличительными признаками являются серповидно изогнутые крылья и относительно короткий хвост (напоминает в полете стрижа), белое горло, щека с яркими черными «усами» и рыжеватые «штаны». Низ тела с продольными, довольно многочисленными черными пятнами. Самки и молодые сверху буроватые, снизу охристые с темными продольными пятнами; ярко-рыжие «штаны» и подхвостье, характерные для взрослых птиц, отсутствуют. Чеглок часто охотится в сумерках. Полет очень быстрый. Крик похож на крик обыкновенной пустельги и звучит как «кик-кик-кик-кик». Довольно криклив в брачный период. Гнездовой ареал простирается от северо-западной Африки через всю Евразию от Атлантического до Тихого океана, к северу до пределов лесной растительности, к югу до Малой Азии, северного Афганистана, южных склонов Гималаев и южного Китая. В Узбекистане в равнинной части республики гнездится номинативный подвид *F. s. subbuteo*. Таксономический статус чеглоков из горных районов окончательно не решен, возможно, здесь гнездится подвид *F. s. centralasiae*.

На гнездование чеглока в нижней части долины Амударьи указывают все работавшие здесь авторы (Бутлеров, 1879; Богданов, 1882;

Мензбир, Северцов, 1888; Гладков, 1932; Костин, 1956; и др.). В частности, этот вид найден здесь в садах Нукуса и Кунграда, в поселках южного Хорезма (Багатский, Хазараспский и Ханкинский районы). Несколько пар гнездится в тугаях Кызылкумского заповедника (Сагитов, Салимов, 1978), в тугаях у Кабанлы и Дарганата (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение).

Отдельные летние встречи (июнь - июль) отмечены и для районов, видимо, мало подходящих для гнездования: оз. Данашир, обрывы Дульдублата, горы Султануиздаг - Шейхджейли (Гладков, 1932). Гнездится и по долине среднего течения Амударьи в пределах Туркмении, откуда имеется самка от 18.06.1889 из Чарджоу, добытая Н. А. Зарудным (кол. ТашГУ), а также есть общие указания на гнездование (Зарудный, 1891; Яценко, 1891). В Кызылкумах на гнездовании отсутствует, а наблюдение Н. А. Зарудным 13 - 17.06. 12 пары в оазисе Тамды (Зарудный, 1915) надо признать явлением исключительным; видимо, это были летующие птицы. В коллекции ИЗИП АН УзССР имеется шкурка годовалой птицы от

23.06. 73 из Гужумды (горы Кульджуктау в южных Кызылкумах), также явно кочующей, негнездящейся.

Чеглоки регулярно гнездятся по всей долине Сырдарьи в пределах Казахстана (Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962), а также в пределах Узбекистана, где, однако, встречаются редко. В Ташкентской области, кроме долины Сырдарьи, чеглоки распространены по всем крупнотовольным древесным насаждениям в культурной зоне и по сохранившимся участкам тугаев правых притоков Сырдарьи - Келесу, Чирчику, Ангрону. Раньше чеглок был обычен на гнездовании в садах г. Ташкента (Зарудный, 1912; Сатаева, 1937; Мекленбурцев, 1982), но в последние годы летом здесь не отмечен, хотя регулярно размножается в других районах Ташкентского оазиса - Сарыагач, Тойтепе, Янгиюль (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение; наши данные). Данных о гнездовании чеглока в низменных и предгорных районах Ферганской долины очень мало, этот вид здесь вообще немногочислен. В июне - июле 1971 г. отмечен в окрестностях пос. Сох. Два самца добыты Г. А. Сучковым 25.06. 49 в районе ст.

Горчакове, а еще 2 самца В. П. Костиним 30. 06. 50 в окрестностях Бувайды (кол. ИЗИП АН УзССР). В мае 1983 г., проехав более 1000 км по оазисной зоне Ферганской долины, мы этот вид не встретили. В равнинной части Голодной степи чеглоки встречаются только на пролетах.

Гнездящиеся чеглоки найдены на всем протяжении долины р. Зарафшан от низовьев (Бухарский оазис) вверх до границ Узбекистана (Богданов, 1956; Сагитов и др., 1972; Сагитов, 1978). В низменной части бассейна р. Кашкадарья чеглоки обычны по крупным старым оазисам, как в русле самой реки, так и по предгорьям в местах выхода горных речек на равнины, по всему окаймлению бассейна. Этот вид отмечен в районе населенных пунктов Акчува, Калкама, Шахрисябз (Мекленбурцев, 1958). Для равнинной части Сурхандарьинской области есть указание на гнездование (Салимбаев, Остапенко, 1964). Отсюда имеется самец, добытый Х. С. Салимбаевым 12. 06. 61 в окрестностях г. Сарыяссия (кол. ИЗИП АН УзССР).

Несмотря на относительную обычность и широкое распространение чеглока в равнинных и предгорных районах Узбекистана, основная масса этих птиц в республике гнездится в горных лесах, занимая здесь все местообитания с древесной растительностью – от лесов по долинам рек до верхнего предела произрастания леса.

Гнезда приходилось находить в горах западного Тянь-Шаня и на Гиссарском хребте на высоте 2200 - 2300 м (Тянь-Шань) и 2700 - 2800 м над ур. м. (Гиссар) уже на одиночных деревьях арчи. Гнездящиеся чеглоки отмечены во всех горных районах Узбекистана, как в западном Тянь-Шане (Пскемский, Угамский, Чаткальский и Кураминский хребты), так и на Памиро-Алае (Туркестанский, Зарафшанский, Нуратинский, Гиссарский хребты, горы Байсунтау, Кугитанг и Бабатаг).

Гнездясь в лесном поясе, этот сокол часто вылетает на охоту в субальпийскую зону с ее многочисленным населением мелких воробьиных птиц. Более того, создается впечатление, что численность чеглоков по

верхней границе лесной зоны постоянно выше, чем в более низко расположенных ее частях.

Весенний прилет чеглоков в Узбекистан в основном приходится на апрель, причем основная масса гнездящихся у нас птиц прилетает во второй половине апреля. В низовьях р. Сурхан, где чеглоки летят в небольшом количестве, пролет отмечен в середине апреля (Остапенко и др., 1978). В Бухарском оазисе (Шафирканский район) первые птицы появились 16.04. 67 и 20. 04. 68 (Сагитов, Гульмурадов, Бакаев, 1972). В горах Нуратау отмечен с 3-й декады апреля (Салимбаев и др., 1970), в Голодной степи - в середине этого месяца (Loudon, 1910). На р. Карасу под Самаркандом массовый пролет наблюдался 25.04.39 (Богданов, 1956), а выше, по долине Зарафшана, в районе совхоза Гульбулак, появление первых птиц отмечено относительно поздно - 8.05.70 и 15.05.69 (Сагитов, Гульмурадов, Бакаев, 1972).

Под Ташкентом чеглок появляется довольно поздно - в конце апреля. Наиболее ранние добытые здесь экземпляры датированы 28.04. 08, 28.04. 09 и 26.04.11 (Зарудный, 1911). Мы не наблюдали здесь чеглоков ранее мая. Сведения о более ранних встречах чеглока в Ташкентской области в феврале - марте основаны на неверных определениях (Сатаева, 1937) и неправильной этикетировке экземпляров (Матякубов, 1984).

С середины апреля до середины мая (с пиком в начале мая) проходит пролет в долине средней Сырдарьи (Корелов, 1982). В центральных Кызылкумах чеглоки на пролете практически отсутствуют. Единственная встреча одиночки в песках на севере этого района колодец Бургак) отмечена 23.04.80. Интересно, что при стационарных наблюдениях за весенним пролетом на восточном побережье Аральского моря 2 одиночных птицы отмечены 5.05. 79 (Березовский, 1983).

Резко различающиеся данные о сроках весеннего прилета чеглоков приводятся для низовой Амударьи - 18.03.66, 22.03.67, 28.02. 68, 29. 03. 69 (Мамбетжумаев и др., 1973). Возможно, при этом чеглоков могли спутать с дербником, мигрирующим в это же время.

Во всяком случае, в Туркмении (Дементьев, 1952) чеглоки также появляются в апреле. Данных о пролете чеглоков более северных популяций нет, но, видимо, к ним относится большинство майских наблюдений над пролетом этого вида.

Осенний пролет более северных популяций чеглока и отлет местных птиц происходит преимущественно в сентябре – октябре. О начале отлета и пролета судить трудно, так как в августе - начале сентября в республике еще многочисленны местные размножающиеся птицы. Из районов, где чеглок заведомо не гнездится (Устюрт, Кызылкумы, пустынная часть бассейна Кашкадарьи), до середины сентября встречи этого вида не известны. Пролетные птицы в разных участках северного и восточного побережья Аральского моря отмечены с середины сентября до 20-х чисел октября (Зарудный, 1916; Березовский, 1983). Отлет из среднего течения Сырдарьи датируется первой декадой октября (Спангенберг, Фейгин, 1936). В центральных Кызылкумах одиночные пролетные встречи 5.10.82 (колодец Шооди), 16.10.82 (Кугояз) и 14.11.81 (Такыркудук).

В районе Ташкента, судя по добытым Н. А. Зарудным экземплярам, наиболее поздние даты встреч чеглока приходятся на октябрь (27.10.06, 18.10.07, 20.10.14), а в конце сентября этот вид здесь многочислен. В Ферганской долине в районе Пунгана относительно регулярно отмечался 8 - 21.10.72. На северных склонах Туркестанского хребта (Гуралаш) самец и самка добыты 27 - 28.09.54 (кол. ИЗиП АН УзССР). Последняя встреча под Самаркандом датирована 23.10.33 (Богданов, 1956). В низовьях р. Зарафшан чеглок отмечен 28 и 31.10.35 (Даль, 1936). В бассейне Кашкадарьи в районе Чиракчи пролетных особей наблюдали 22 - 26.09.39 (Мекленбурцев, 1958), а в Карнабчульской степи мы встретили 3 одиночных птиц, летящих в южном направлении, 15 - 16.10.85.

Указание на февральскую встречу чеглока в Ташкенте (Сагаева, 1937) недостоверно. Можно вполне определенно говорить, что в зимний период чеглок в Узбекистане отсутствует.

Гнездовыми станциями чеглока являются заросли высокоствольной растительности, перемежающиеся открытыми степными участками, водными поверхностями и т. д., начиная от тугаев рек, культурных оазисов равнин и вплоть до верхней границы леса в горах. Селится в непосредственной близости от человека в садах, парках, рощах, лесопосадках, отсутствует в гнездовой период только в крупных городах. На пролетах пересекает безводные пустыни (Кызылкумы, Каршинская и Карнабчульская степь) и может быть встречен практически повсюду.

По всему гнездовому ареалу в Узбекистане чеглок отмечается как обычная, порой многочисленная птица, но конкретных сведений по его численности мало. На территории Нуратинского заповедника (22 тыс. га) в 1979 и 1980 гг. найдено соответственно 5 и 7 гнезд. В соседнем Синтябсае на маршруте 3 км обнаружены 4 гнездовые пары (Салихбаев и др., 1970).

В верховьях р. Ангрэн на 3-километровом участке речной долины нами найдено 3 гнезда. В горных лесах в течение дневной экскурсии максимально отмечается 2 - 3 пары птиц.

Гнезд сам не строит, использует уже готовые постройки врановых (черная ворона, грач, сорока) или хищных птиц (черный коршун). По наблюдениям в Нуратау, нередко использует воробьиные гнезда, в которых сам формирует лоток, приминая и утаптывая траву. Гнездостроение заключается в приносе в лоток нескольких свежих веточек. Гнезда, найденные в Узбекистане, размещались на деревьях. Случаев гнездования на обрывах и скалах, даже в виде исключения, неизвестно. Высота расположения гнезд над землей от 3 до 20 м в зависимости от характера растительности на гнездовом участке, чаще же 7 - 10 м. Обычно гнездо находится в гуще кроны в развилке основного ствола лиственных (тополь, орешник, яблоня и др.) или хвойных (арча) деревьев. Нередко гнездо, занятое хозяевами и облюбованное чеглоками, разоряется.

После выбора гнезда первое яйцо в нем появляется спустя значительное время, в связи с чем птиц часто наблюдают «насиживающими» пустые гнезда (Корелов,

1956, 1962; Кисленко, 1968; наши наблюдения). Первые полные кладки отмечаются с конца мая.

Сведения по размножению чеглока в долине Амударьи отсутствуют. В бассейне Зарафшана, в окрестностях Самарканда, гнездо с 4 яйцами найдено 29. 06. 41 (Богданов, 1956). В коллекции Е. Н. Спангенберга хранится кладка с 3 яйцами, собранная в Агалыке 8.06.48 (Николаев и др., 1977). Полные кладки в гнездах обнаружены в среднем течении Зарафшана 27.06.69, 24.06, 30.06 и 5. 07. 70, в низовьях кладки найдены уже 7.05. 67 (начало кладки) и 21.05.68 (Сагитов и др., 1972). В одном из гнезд вылупление птенцов проходило 22 - 23.06 (Сагитов, 1978). В 70 км восточное Самарканда, в окрестностях пос. Хатырчи 10.06 в гнезде было 4 слегка насиженных яйца (Абдусаломов, 1971). В окрестностях Искандеркуля 6.07 В. Ю. Герхнером осмотрено 3 свежих яйца (Иванов, 1969), в Нуратау 29.06 гнездо с 3 ненасиженными яйцами (Салихбаев и др., 1970). В 13 гнездах, обнаруженных Е. Н. Коршуновой и Е. Н. Коршуновым (устное сообщение) в 1978 - 1985 гг., найдены кладки в разной степени насиженности: 21.06.79 (10.06 самка уже насиживала), 2.07.79, 30.07.79, 8.08. 79, 3.07.80, 13.07.80, 14.07.80, 28.08.80 (12.09 в нем все еще находилось яйцо с эмбрионом 3 - 6 дней до вылупления) и 1.07.85. Птенцы в гнездах отмечены 9.08. 78 (оперенный), 30.07.79 (во втором пуховом наряде), 14.08.80 и 17.08.80 (перед вылетом).

В Западном Тянь-Шане в окрестностях г. Чирчик кладка собрана в конце мая 1921 г. (кол. ТашГУ). В верховьях Пскема в долине р. Коксу 3 слегка насиженных яйца в кладке осмотрены нами 9.07.77. В 1954 г. 23.08 здесь обнаружен слеток, а во второй декаде сентября - летающие молодые (Корелов, 1956). На территории Чаткальского заповедника 9. 07.37 добыта самка от гнезда с 2 насиженными яйцами (Железняков, 1950). В верховьях Ангрена полные свежие кладки осмотрены 30. 07 и 4. 07. 77, а сильно насиженные - 9.07.77.

В западной оконечности Туркестанского хребта в районе пос. Сай (Зааминский район)

гнездо с 5 яйцами найдено 16. 06. 76 (Д. Ю. Кашкаров, устное сообщение). Гнездо с 2 ненасиженными яйцами осмотрено нами на арче в верховьях Каттаурударьи 26.06. 79.

Судя по расчетным срокам, начало кладки происходит довольно поздно (в конце мая - начале июня), хотя известны гнезда, в которых первое яйцо появилось 7 и 13.05 (Сагитов и др., 1972). Массовая кладка яиц отмечена во второй половине июня (во второй декаде - 7, в третьей - 8). Заканчивается она, как правило, в начале июля (в первой декаде - 3). В редких случаях, видимо, при разорении первого гнезда яйцекладка может проходить вплоть до начала и даже середины августа (Е. Н. Коршунова, устное сообщение). Существенных различий в сроках начала размножения по отдельным районам Узбекистана нет. Самые ранние кладки отмечены в низовьях р. Зарафшан).

В полной кладке содержится 2 - 5 яиц, чаще 3 - 4. По результатам осмотра 38 кладок с территории Узбекистана, в среднем в кладке 3,3 яйца, причем кладка несколько больше в долинах равнинных рек (Зарафшан); в среднем (n=9) и нижнем (n=10) течении она составляет 3,6 яйца на кладку (Богданов, 1956; Абдусаломов, 1971; Сагитов и др., 1972; Николаев и др., 1977). В хр. Нуратау (n=12) и тугаях восточного Узбекистана (n=8) средний размер кладки 3,3 яйца (Салихбаев и др., 1970; Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, Д. Ю. Кашкаров, кол. ТашГУ; наши наблюдения).

Яйца чеглока овальные, реже несколько вздутые, укороченно-овальные. Фон от грязно-белого до песочного с рисунком красновато-коричневого цвета в виде мелких точек, пятнышек, пятен и довольно крупных мазков, которые часто почти сплошь покрывают поверхность яйца. На отдельных яйцах, иногда всей кладки, пятна концентрируются на тупом или остром концах, оставляя фон хорошо заметным. Очень похожи на яйца пустельги, от которых отличаются несколько более крупными размерами.

Размеры яиц чеглока из Узбекистана (n=81) в среднем 41,59x X 32,97 (45,7 - 38,8X35,3 - 30,5) мм (Ковшарь, 1966; Салихбаев и др., 1971; Сагитов и др., 1972; Митро-польский и др., 1981; Е. Н. и Е. Н.

Коршуновы, устное сообщение). Несколько более мелкие яйца у птиц, гнездящихся в равнинной части долины р. Зарафшан (n=29), - 40,8X32,2, крупнее в Нуратау (n=30) - 41,81X33,26, еще крупнее в горах западного Тянь-Шаня (n=20) - 42,31X33,51 мм. Два яйца из верховий Каттаурударьи были размером 42,6X34,4 и 42,3X34,5 мм. Масса насиженных яиц (Нуратау) 24,94 (27,9 - 21,9) г. Самка откладывает яйца через 2 дня, а последнее яйцо часто через 3 дня. По наблюдениям за 2 гнездами в низовьях р. Зарафшан (Сагитов и др., 1972), первое яйцо появилось в одном из гнезд 7.05, а последнее (3-е) - 11.05. В другом кладка началась 13.05, а последнее (5-е) яйцо отложено 22.05. Вылупление молодых происходит на 26 - 28-е сутки (21 и 26.05 начало насиживания, 18 и 22 - 23.06 соответственно - вылупление птенцов). Птенцы вылетают из гнезда на 30-е сутки.

Гибель гнезд велика. Так, по разным причинам в Нуратау из 12 гнезд погибло 4, а из оставшихся 8 вылетело только 16 слетков (Е. Н. и Е. Н. Коршуновы, устное сообщение). В долине Зарафшана 4 кладки пропали полностью, а из 21 яйца, отложенного в 6 гнездах, находившихся под наблюдением, вылупилось 17 молодых (Сагитов и др., 1972). Эффективность размножения, таким образом, невысокая - 2,0 птенца на гнездо в Нуратау (при среднем размере кладки 3,3) и 2,8 в долине Зарафшана.

По типу питания чеглок орнитофаг, хотя в отдельные периоды, в связи с легкой доступностью других видов корма, могут превалировать насекомые или рептилии.

На основании анализа птенцовых порций корма (Сагитов и др., 1972) установлено, что в долине Зарафшана основную долю в питании составляли хохлатый жаворонок, малая горлица, деревенская ласточка, в 2 случаях - летные птенцы черной вороны. Из насекомых отмечены прямокрылые, жуки (преимущественно пластинчатоусые и усачи), стрекозы. В окрестностях Ташкента и западном Тянь-Шане в 2 обследованных желудках (Матякубов, 1984) отмечены остатки жуков (4), прямокрылых (7), быстрой ящурки (1) и воробья (1). Чеглок, регулярно посещающий колонию воробьев, был

отмечен в Ташкенте в 1926 г. (Мекленбурцев, 1984). В горных районах можно часто наблюдать охоту этого сокола в сумерки на насекомых и летучих мышей.

В желудках 2 птиц, добытых на юге Узбекистана, были исключительно насекомые (Салихбаев, Остапенко, 1964), а в верховьях Чияльдарьи наблюдали чеглока, схватившего с земли ящерицу (Мекленбурцев, 1958). Питание ящерицами (гекконы), составляющими к тому же основу птенцового корма, описано из низовьев Сырдарьи (Спангенберг, Фейгин, 1936).

Несмотря на гнездование в непосредственной близости от человека и в часто посещаемых им местах, численность чеглока относительно мало изменилась. Почти повсеместно он не представляет редкости в гнездовой период в соответствующих типах ландшафта, а местами даже многочислен.

Питаясь насекомыми, приносит пользу, но, уничтожая мелких воробьиных птиц, в определенном смысле вреден, хотя скольконибудь серьезного воздействия на фауну мелких воробьиных птиц не оказывает. Специальных мер охраны не требует.

ДЕРБНИК *FALCO COLUMBARIUS L.*

Обычная зимующая птица Узбекистана, придерживающаяся равнинных и низкогорных ландшафтов. Имеются отдельные летние встречи птиц, статус которых не определен.

По размерам мельче обыкновенной пустельги. Самец сверху сизый, со светлой, буроватой головой и выделяющимся черными маховыми. Напоминает самца чеглока, от которого отличается более светлым верхом тела, отсутствием белой щеки и ярких черных усов, наличием черной вершинной полосы на хвосте и одноцветным с низом тела оперением ног. Самка крупнее самца и по общему виду более походит на самку обыкновенной пустельги, от которой отличается буроватым, а не коричнево-рыжим верхом тела, беловатым, а не желто-охристым, оперением низа с бурыми продольными пятнами, а также заметно более коротким хвостом, лишь слегка превышающим концы сложенных крыльев у сидящей птицы.

Дербник в поле активно охотится за мелкими воробьиными, что наблюдается у пустельги намного реже. Может зависать в воздухе как пустельга, но делает это редко.

Гнездится на большей части Северной Америки и в Евразии от Англии и Скандинавии до Тихого океана, преимущественно в зоне лесотундры и северных таежных лесов. Отдельные подвиды гнездятся в степях Казахстана от р. Урал до Алтая (*F. c. pallidus*) и в горах центрального, восточного Тянь-Шаня на восток до Гобийского Алтая и южного Забайкалья (*F. c. lutani*). В Узбекистане, кроме 2 названных подвидов, зимой встречается и европейско-сибирская форма - *F. c. aesalon*.

Вопрос о гнездовании дербника в Узбекистане, видимо, должен быть решен отрицательно. Ближайшие достоверные места гнездования относятся к Заилийскому Алатау (Корелов, 1962; Ковшарь, Родионов, 1983) и верховьям р. На-рын в Киргизии (Дементьев, 1951; Янушевич и др., 1959). В то же время летом отдельных птиц встречали в Алайской долине (Иванов, 1969) и в высокогорье Алайского хребта на леднике Абрамова (В. Ноздрюхин, устное сообщение), близко от границ Узбекистана. В пределах Узбекистана одиночные дербники отмечены нами 13, 14 и 18. 07.76 на Ангренском плато, в районе перевала Чапанкуйды. В одном случае птица держалась около крупной гнездовой колонии городских ласточек. Однако в последующие годы при относительно регулярных наблюдениях этот вид здесь не отмечался.

Указания С. Д. Матякубова (1984) о гнездовании дербника в Ташкентской области не соответствуют действительности. Неверно и его указание на якобы имеющийся в коллекции ТашГУ экземпляр дербника, добытый Н. А. Зарудным 14.06.14 в окрестностях Ташкента. Подобного экземпляра в коллекции нет, да и быть не может, так как весь июнь 1914 г.

Н. А. Зарудный путешествовал по Аральскому морю.

Самое раннее появление дербника осенью в Узбекистане в некоторые годы наблюдается в сентябре, хотя обычным этот вид

становится только в конце октября - ноябре. Севернее Узбекистана, в нижнем и среднем течении Сырдарьи дербники в сентябре наблюдаются регулярно (Зарудный, 1916; Спангенберг, Фейгин, 1936; Корелов, 1962), но непосредственно на нашей территории в это время редки. Достоверно известно наблюдение этого вида у Чиракчей, в бассейне р. Кашкадарьи 20 - 22.09.39 (Мекленбурцев, 1958) и добыча 3.09 у Маргилана (Иванов, 1969), хотя последнее наблюдение может относиться и к добыче горных птиц, начавших кочевки. Ранние сентябрьские (7.09) наблюдения З. Л. Сатаевой (1937) дербников в Ташкенте нам кажутся недостоверными, а ссылки на сентябрьские материалы Н. А. Зарудного с этой территории явно ошибочны.

В середине октября дербник начинает регулярно встречаться в центральных Кызылкумах. Наиболее ранние зарегистрированные нами даты встреч этого сокола - 14.10.72, 24.10.74, 21.10.80 и 21.10.82. Из 23 октябрьских встреч 9 приходится на 2-ю декаду октября, а 14 - на 3-ю. В ноябре дербники здесь многочисленны, и в некоторые дни, особенно около крупных искусственных озер, удается наблюдать до 10 - 12 птиц за день. В низовьях Амударьи 2 самки добыты 20. 10. 64 (кол. ИЗИП АН УзССР). Примерно в эти же сроки пролетные дербники отмечаются в Голодной (Мекленбурцев и др., 1961; Павленко, 1962) и Каршин-ской степях (Салихбаев, Остапенко, 1967). Наиболее ранние осенние экземпляры дербника из окрестностей Ташкента, собранные Н. А. Зарудным, датированы 9. 10. 07, 8. 10. 08, 16. 10.10, 26. 10. 17 (кол. ТашГУ), а А. Н. Аюпов (1978) отмечает появление этого вида здесь с 3.11.

В зимнее время дербник регулярно встречается во всех равнинных и предгорных районах республики, придерживаясь мест с богатым населением мелких воробьиных птиц - берегов водоемов, оазисов, рощ и садов. В тугаях низовьев Амударьи на зимовке очень редок (Рашкевич, 1962). В Кызылкумах зимой немногочисленен, но встречается регулярно. В частности, 17.12.75 самец добыт в районе пос. Тамды, 15.01.82 -

в окр. Шаюсупа, 27.02.76 - в окр. пос. Кукча. Отдельные встречи чаще приходится на районы незамерзающих горячих скважин, где зимой обильны камышовые овсянки, разные виды коньков и жаворонков. В декабре дербники встречаются в Кызылкумах чаще, чем в январе и феврале, видимо, они откочевывают отсюда во вторую, более суровую, половину зимы.

В Голодной степи, где в ноябре дербники еще обычны, на зиму они остаются в небольшом числе и, видимо, не ежегодно. В оазисной зоне здесь этот вид достоверно отмечен нами только 13.01.78, когда на маршруте от р. Сырдарьи до г. Джизака встречено 2 птицы. В другие годы при многочисленных зимних наблюдениях здесь этот вид не отмечался. Зимой дербники регулярно встречаются на правом берегу среднего течения Сырдарьи, в частности в г. Ташкенте и его окрестностях, в низовьях правых притоков Сырдарьи - по рекам Келес, Чирчик, Ангрэн. Отсюда имеются зимние коллекционные материалы от 2 и 21.12, 5, 16 и 31.01 и 7.02 (кол. ТашГУ). Преимущественно это сборы Н. А. Зарудного. Имеются регулярные наблюдения этого вида во все зимние месяцы (Сатаева, 1937; Аюпов, 1978; наши данные). Регулярно зимуют в равнинной и предгорной частях Ферганской долины. Дербник наблюдался и добывался здесь в декабре (10 - 12.12.73, Пунган), январе (7.01.74, Кассансай; 18.01.73, Сох) и феврале (3.02.70, Урганчи; 17 - 21.02.70, Тергачи; 17.02.72, Вуадиль).

В долине р. Зарафшан регулярные зимние наблюдения над дербником имеются для широких окрестностей Самарканда (3.12.37, 17.12.36, 9.01.32, 27.01.36, 17.02.49; Богданов, 1956), а также менее регулярные для низовьев, в частности для окр. Кенимеха (13.61.78). Конкретных зимних наблюдений над дербником для бассейна Кашкадарьи нет, но этот вид здесь, безусловно, зимует. В бассейне Сурхандарьи зимовки этого вида указывались еще Н. А. Зарудным и С. И. Билькевичем (1918). Л. С. Степанян (1970) отмечал этот вид в январе в среднем течении р. Шерабад и на острове Арал-Пайгамбар.

Весенний пролет дербников через территорию Узбекистана проходит преимущественно в марте - первой половине апреля; только отдельные особи задерживаются позже.

Данных о весеннем пролете дербника для южного Узбекистана практически нет. Наиболее поздняя дата добычи этого вида под Самаркандом - 3.04.36 (Богданов, 1956), а у Фараба на Амударье - 31.03 (Loudon, 1910). В Ферганской долине, в районе Пунгана самец и самка добыты 4 и 5.03.71 (кол. ИЗИП АН УзССР), но это, видимо, зимующие птицы, так как в Моголтау одиночка наблюдалась еще в третьей декаде апреля (Абдусаломов, 1971). В окрестностях Ташкента последние птицы добыты В. Ю. Герхнером 23 и 25.03.17 (кол. ТашГУ). Наиболее регулярные наблюдения над весенним пролетом дербника имеются для центральных Кызылкумов. Здесь из 39 весенних встреч 17 (43,6%) приходится на март, 21 (53,8%) - на апрель и только одна встреча (6.05.80, Сарбайтерень) - на май. Наиболее поздние из регулярных весенних встреч относятся к 25.04.80 и 21.04.81. На позднюю (9.05) встречу в дельте р. Зарафшан у кишла. Ярм указывает И. А. Абдусаломов (1971). Совершенно особняком стоит добыча взрослого самца в восточных Кызылкумах у колодца Бельгикудук 8.06.12 Н. А. Зарудным (1915). Видимо, это была кочующая холостая особь.

По трофическим связям дербник относится к орнитофагам, питается преимущественно мелкими воробьиными птицами. Сроки его пролета совпадают с массовым пролетом стайных воробьиных, преимущественно жаворонков, а зимовки приурочены к местам концентрации мелких птиц, в основном у водоемов. Кроме воробьиных, регулярно добывает и более крупных птиц, таких как кулики (бекас, гаршнеп), и мелких грызунов. В Кызылкумах наблюдали дербника, добывшего большую песчанку.

Несмотря на питание преимущественно мелкими птицами, дербник как очень редкий, изящный сокол, численность которого, видимо, непрерывно снижается, безусловно, заслуживает повсеместной охраны.

КОБЧИК *FALCO VESPERTINUS L.*

В Узбекистане очень редко встречается в северных равнинных районах на весеннем и осеннем пролетах.

Самец хорошо отличим от других мелких соколов однообразной темно-серой окраской, каштаново-рыжими штанами. Кольцо вокруг глаз, восковица и лапы красные. Самка тоже хорошо определяется по однообразной светлой ржавчато-красной окраске низа тела. Верх головы и зашеек коричневые, спина серая с поперечным темно-серым рисунком. Молодые сходны с молодыми чеглоками, от которых отличаются менее развитыми усами и беловатым лбом. У амурского кобчика низ крыла, кроме маховых, белый.

Гнездится в лесной и лесостепной зоне юго-восточной Европы и южной Сибири, от низовьев Дуная на западе до Прибайкалья на востоке. Зимует в Африке, южнее Сахары.

Для территории Узбекистана первым кобчика приводит М. Н. Богданов (1882), сообщивший без подробностей, что наблюдал кобчика в апреле в Кызылкумах (в 1873 г. весь апрельский маршрут М. Н. Богданова проходил по территории нашей республики). Очень редко эти птицы отмечались в прошлом в окрестностях Ташкента, где Н. А. Зарудный добывал их на осеннем пролете 12.08.09 и 20.09.13, а также встречал в конце апреля - начале мая (Иванов, 1940). Несколько севернее, уже на территории Казахстана, птиц наблюдали у Арыси (10.05) и Джулека (29.09) (Корелов, 1962). Видимо, несколько чаще встречаются по восточному побережью Аральского моря (Зарудный, 1916; Березовский, 1983), а также на Устюрте, хотя для этого района фактических материалов очень мало. Истощенная птица добыта 15.10.53 (кол. ИЗиП АН УзССР) у колодца Дукен на западе центрального Устюрта В. П. Костиным (1956). На ст. Бердах 7.05.85 взрослый самец, осмотренный нами, добыт О. Н. Сударевым.

Биологическими наблюдениями над этим насекомоядным соколом в республике мы не располагаем.

СТЕПНАЯ ПУСТЕЛЬГА *FALCO NAUMANNI FLEISCH.*

Обычная, относительно поздно прилетающая и рано улетающая гнездящаяся птица равнинных и предгорных ландшафтов. Весной и осенью через территорию Узбекистана проходит интенсивный пролет гнездящихся севернее птиц.

Степная пустельга по внешнему облику и по размерам напоминает обыкновенную пустельгу, но несколько мельче ее. Взрослый самец с коричневато-рыжей спиной, слабо испещренной мелкими черными крапинками, в отличие от интенсивно-пятнистого самца обыкновенной пустельги. Голова и хвост более голубовато-серые. Низ тела светло-охристый с небольшим числом пятен. В полете и у сидящей птицы видны серо-голубые верхние кроющие крыла, отчего плечо кажется серым, а не коричнево-рыжим, в тон с окраской спины, как у обыкновенной пустельги. Самки в поле неотличимы, а систематический признак степной пустельги - светлые когти - на расстоянии не заметен. Хорошо отличима по голосу, который звучит как «чек-чек, че-чек» а не звонкое «кли-кли-кли» обыкновенной пустельги.

Гнездовой ареал простирается от северо-западной Африки и южной Европы через южную часть СССР на восток до Красноярска. Южная граница проходит по европейскому побережью Средиземного моря, Малой Азии, Ирану, северному Афганистану и до юго-западного Китая. Подвидов не образует.

Область гнездования степной пустельги связана с участками повышенной численности саранчи - ее основного кормового объекта. На Устюрте и в равнинах Кызылкумов отсутствует, и только в очень небольшом числе отмечена на гнездовании в горах-останцах Тамдытау (Зарудный, 1915; наши наблюдения) и в Кульджуктау (Ишунин, Павленко, 1966). На равнинах встречается только на пролете. В низовьях Амударьи считается гнездящейся на всем протяжении от г. Хивы (Урманова, 1982) до ее устья, где ее встречали разные авторы (Бутлеров, 1879; Богданов, 1882; Молчанов, 1912; Салихбаев,

1956). Видимо, гнездится вдоль восточного и западного побережий Аральского моря, где гнездование ее отмечал Н. А. Зарудный (1916) у с. Бугунь. Заметный пролет наблюдался в холмах Уччоку (устье Джанадарьи). По средней Амударье найдена в ряде районов от Келифа до Чарджоу (Зарудный, 1891; Ященко, 1891; Дементьев, 1952).

Известна на гнездовании в долине р. Зарафшан от оз. Искандеркуль в высокогорье до низовьев реки в пределах Бухарского оазиса (урочища Даргом, Даул, Ургут, Гуз, окрестности г. Самарканда и Каттакургана, пос. Шафиркан) (Богданов, 1956; Салихбаев, 1956) по лёссовым и конгломератным обрывам. На Нурагинском хребте добыта в ур. Караташ и Янгалы (Р. Н. Мекленбурцев, кол. ТашГУ) и гнездится, видимо, по всему хребту (Салихбаев и др., 1970), на южных склонах которого гнездо с птенцами осмотрено у с.-х. Галлярал (Салихбаев, 1956). В Голодной степи встречается, видимо, только на пролете (Loudon, 1910; Павленко, 1962). Обычна на гнездовании по предгорьям и низкогорьям западного Тянь-Шаня в бассейне Чирчика (каньоны Чирчика, Угама, Пскема, Аксакаты) (Корелов, 1956; наши наблюдения) и в нижнем течении р. Ангрэн (ниже 1000 м). Для территории Чаткальского заповедника ошибочно указана на гнездовании в альпийской и субальпийской зонах (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958), куда поднимается только после завершения размножения в поисках корма.

В Ферганской долине добыта в районе Кассансая (кол. ИЗиП), встречена от Кайраккума до Дегмая и Ленинабада и в Моголтау (Иванов, 1969; Абдусаломов, 1971), описана как обыкновенная здесь птица (Loudon, 1910).

Известны находки вида по Туркестанскому хребту в районе Исфары (Н. А. Зарудный, по Иванову, 1969), восточнее отмечена в урочищах Белесмазар, Карабулак, Косбола (Ырсалиев, 1983). Западнее населяющая птица добыта в районе Уратюбе (Абдусаломов, 1971), у Баляндчакира и Замина (И. И. Колесников, Р. Н. Мекленбурцев; кол. ТашГУ), Джаманкила (кол. ИЗиП). Гнездится в горной части

бассейна р. Зарафшан до Искандеркуля (Богданов, 1956). Р. Н. Мекленбурцев (1958) в небольшом количестве отмечает ее гнездование у кишл. Акчува; одиночную пару он встретил у пос. Хитай в верховьях Танхаса. Обычна на всем пути от Дехканабада до Шахрисябза по предгорьям (Степалян, 1970; Абдусаломов, 1971). В южном Узбекистане очень обычна в долине р. Шерабад и в низовьях Сурхандарьи (Бабатаг, Кугитанг), где встречается на гнездовании по конгломератным обрывам почти повсеместно (Н. А. Зарудный, по Иванову, 1969; Салихбаев, Остапенко, 1964; наши наблюдения). Несколько экземпляров из этих же районов сохраняется в коллекции ИЗиП (30.05.60 - Байсунтау, 9.06.60 и 7.07.62 - Бабатаг, 24.05.60 - Кугитанг, ур. Ляйлякана). В северо-западных отрогах Кугитанга на р. Дарья на границе с Туркменией мы установили гнездование нескольких пар на конгломератных обрывах русла реки. На пролетах отмечается на равнинах (Кызылкумы, Голодная и Каршинская степи).

Несмотря на относительную многочисленность степной пустельги, сведений по пролету немного, видимо, в связи с трудностью полевого определения и частым смешением ее с обыкновенной пустельгой.

Осенний пролет начинается с формирования стай и местных кочевок птиц, когда они обнаруживаются в альпийской и субальпийской зонах, куда поднимаются в поисках корма. Очень многочисленную стаю наблюдали в верховьях Сокаксая (Чаткальский заповедник) 18 и 19.08.37 (Железняков, 1950). В сентябре начинается пролет на подгорных равнинах. 13.09.79 птица добыта в Ширинкультугае Г. Ф. Колюхом, 16.09.39 отстрелена В. И. Паниным на оз. Ахманкуль в Ташкентской области (Урманова, 1982), 24.09.40 - в Уртасарае (Матякубов, 1984) в пределах Ташкентского оазиса. В Сайхансае северо-западная оконечность хр. Нуратау) с 3 по 12.10 одиночки и группы встречены 7 раз (16 птиц) (Салихбаев и др., 1970). В окрестностях Самарканда степная пустельга добыта 3.09.36. Хорошо выраженный пролет на Чапанатинских высотах наблюдался 19.10.49

(Богданов, 1956). В дельте Сырдарьи пролетная птица отстрелена 29.09 (Березовский, 1983). К концу октября пролет заканчивается, достоверных ноябрьских встреч не отмечено.

Имеющиеся в литературе ссылки на зимние встречи степной пустельги в Узбекистане, видимо, основаны на неверном полевом определении птиц, так как не сообщается о добытых птицах (Рашкевич, 1962; Фундукчиев, 1984), а в работе Н. М. Маслова (1947), не внушающей доверия, речь идет вообще о другом виде. Добытые зимние экземпляры отсутствуют. На территории Туркмении зимует в виде редкого исключения. Всего отсюда известно 2 зимних экземпляра: из предгорья Больших Балханов - 1.01. 1947 и ур. Анау - 28.01. 1914, впрочем, в последнем случае возможна ошибка в этикетировании (Дементьев, 1952).

Весенний пролет начинается в марте. В окрестностях Самарканда

первые пролетные птицы наблюдались 13.03.45, 15.03.47 и 21.03.48, - - ранние коллекционные экземпляры собраны 21 и 26.04.35 и 27.04.36 (Богданов, 1956). В Нуратау первое появление зафиксировано 26.03 (Салихбаев, и др., 1970), в Джизаке птица добыта 21.03.53 (Абдусаламов, 1971). В Голодной степи встречены 8.04, а интенсивный пролет наблюдался 12.04 у ст. Вревская (ныне Пахта) (Loudon, 1910). Особь добыта у ст. Голодная степь 1.05.08 (Н. А. Зарудный, кол. ТашГУ). На Сырдарье первые особи встречены у ст. Байгакум 29.03, в Джулеке один самец добыт 30.03.28 (Спангенберг, Фейгин, 1936). Мы отмечали пролет птиц в центральных Кызылкумах 12 и 14.03.71, 4.04.1981. Довольно регулярны во второй половине апреля. С 20 по 24.04 мы часто встречали ее в стаях и одиночками в горах Пистелитау. В мае отмечена только в Тамдытау, где гнездится. Таким образом, основная часть птиц пролетает в апреле, единичные, запоздавшие особи встречаются до конца мая (22.05.12 у кол. Турумбеткудук, Н. А. Зарудный)

Гнездовыми станциями степной пустельги в Узбекистане являются песчаниковые и конгломератные обрывы, скалы в нижних частях

гор и в лесном поясе. Встречается на гнездовании как одиночными парами, так и гнездовыми колониями, насчитывающими иногда до 25 - 30 пар, часто селится в непосредственной близости с обыкновенной пустельгой.

Сведения по численности с нашей территории отрывочны. И. А. Абдусаламов (1971) насчитывал до 3 пар на 1 км маршрута между Шахрисябзом и Дехканабадом. На участке в 4 км песчаниковых и конгломератных обрывов по Шерабаду мы зарегистрировали гнездование 8 - 9 пар.

Гнезда устраивает в нишах скал или обрывов, в пустотах от выпавших камней и в других сходных укрытиях. Реже гнездится на зданиях, башнях, вышках. В Туркмении известны случаи гнездования в дуплах деревьев (Дементьев, 1952). Постройка состоит из небольшого количества ветвей, уложенных, в нише. Зачастую яйца откладывает прямо на ее дно, без выстилки. Иногда использует чужое гнездо (ворона, сизого голубя, галки). Яйца по внешнему виду идентичны яйцам обыкновенной пустельги, от которых отличаются мелкими размерами и более светлой окраской, но последний признак виден только при сравнении серийных сборов обоих видов. Размеры яиц, собранных с территории Казахстана (Ковшарь, Левин, 1982) (n=16), в среднем 34,97X30,16 (36,6 - 32,7X31,2 - 27,4) мм.

Сведения по гнездовой биологии степной пустельги в Узбекистане чрезвычайно скудны. Гнездо с 3 птенцами найдено у совхоза Галляарал 17.07, а к концу месяца птенцы из него уже вылетели (Салихбаев, 1956). По северным склонам хр. Нуратау (Салихбаев и др., 1970) к концу мая птицы уже насиживали кладки. Покинувшего гнездо птенца Р. Н. Мекленбурцев (1958) у кишл. Хитай (верховья Каттаурударьи) встретил 20.07. В долине Шерабада 17.06.79 в четырех гнездах мы обнаружили птенцов, практически уже полностью оперенных, а пару, еще кормившую покинувших гнездо слетков, здесь же встретили 19.06. У самца, добытого 10.04.85 в долине р. Дарьи на границе с Туркменией (северо-западная часть хр. Куги-танг), семенники были слегка увеличены (8,3 - 8,6x5 - 6 мм), а птица держалась на гнездовом участке.

В Кызылкумах в горах Тамдытау у подножья горы Актау гнездо с 5 насиженными яйцами найдено нами в колонии из 5 - 6 пар 16.05,81. Н. А. Зарудный (1915) отмечал ее гнездование здесь еще в 1912 г. Севернее, у с. Бугунь (северо-восточное побережье Аральского моря) Н. А. Зарудный (1916) 24. 06. добыл самку от гнезда с 4 сильно насиженными яйцами. В бассейне Чирчика (р. Угам, Пскем, Аксаката, Большой Майдантал) 24.07 птенцы степной пустельги еще не покидали гнезд.

Немногочисленные известные факты биологии свидетельствуют о довольно поздних сроках размножения вида. Начало кладки приходится на май, причем чаще на вторую его половину, и может продолжаться до середины июня. В редких случаях, на юге республики, она начинается в конце апреля.

Оригинальных сведений о длительности циклов гнездового периода с территории республики нет, но, судя по литературным сведениям, они не отличаются от длительности циклов у обыкновенной пустельги.

Степная пустельга - преимущественно насекомоядная птица. Основную роль в ее питании играют прямокрылые (саранча, кузнечики), обилие которых определяет и численность пустельги. Другие животные (ящерицы, мелкие птицы, преимущественно воробьиные, и мышевидные грызуны) в составе корма редки. Так, во всех 6 желудках, осмотренных на юге Узбекистана (Бабатаг, Кугитанг), отмечены остатки прямокрылых, мелкие птицы, ящерицы и фаланга (Салихбаев, Остапенко, 1964). В 3 погадках, собранных у пос. Хитай (Мекленбурцев, 1958), найдены остатки насекомых, а под гнездом - перья воробья, шерсть грызунов, зеленая жаба, череп афганской полевки. В долине Шерабада все осмотренные нами погадки под гнездами сплошь состояли из остатков саранчи. Концентрацию степной пустельги на скоплениях саранчи наблюдали между Шерабадом и Сайробом (Абдусаламов, 1971). Этот же автор в 2 желудках птиц, добытых у Джизака и в районе Агалыка, обнаружил 20 муравьев в первом и 57 экз. саранчи во втором. В 2 желудках пролетных птиц, добытых в

низовьях Амударьи, обнаружены домовая мышь и гребенщикова песчанка (Рашкевич, 1962). Сведения по питанию вида в Кульджуктау (Ишунин, Павленко, 1966) использовать невозможно, так как они приводят к объединению с обыкновенной пустельгой. В высокогорьях западного Тянь-Шаня птиц, питающихся саранчой, регулярно можно видеть в конце лета, когда численность прямокрылых на небольшой высоте уже мала.

Степная пустельга приносит пользу, уничтожая саранчовых и мелких мышевидных грызунов. Численность ее не зависит от хозяйственной деятельности человека, в связи с чем специальных мер охраны не требует. Вид недостаточно исследован, несмотря на обычность его в ряде районов Узбекистана. Желательны новые данные по его биологии.

ОБЫКНОВЕННАЯ ПУСТЕЛЬГА *FALCO TINNUNCULUS L.*

Многочисленная гнездящаяся птица во всех районах Узбекистана, кроме высокогорий. Один из немногих видов хищных птиц, выдерживающих близкое соседство человека. Во внегнездовое время широко кочует и может быть встречена в любом месте. Обычная зимующая птица равнинных районов, но зимуют, видимо, преимущественно особи более северных популяций, а вопрос об оседлости местных гнездящихся птиц не выяснен. Весной и осенью через территорию республики проходит пролет птиц, гнездящихся севернее.

Самый многочисленный из мелких соколов республики. По размерам близок к сизому голубю, но заметно легче и стройнее. От других мелких соколов отличается однообразной коричнево-рыжеватой верхней стороной тела с черной пятнистостью. Верх головы серый, с небольшими черными усами. Хвост серый, с мелкими поперечными и широкой черной вершинной полосами. Низ тела желтовато-охристый с черными наствольными пятнами. В полете хорошо отличим по частому зависанию в воздухе с раскрытым веерообразно хвостом. Голос

можно передать как звонкое, многократно повторяемое «кли-кли-кли». В поле может быть спутана со степной пустельгой, от которой отличается коричневато-рыжими «плечами», черными когтями, более серым верхом головы и рулевых, большей пятнистостью, а также голосом. В зимнее время может быть спутана с самкой дербника, у которой верх тела бурый, а не рыжий, и относительно более короткий хвост.

Гнездовой ареал охватывает Африку, южную Аравию и большую часть внетропической Евразии. Изолированный участок ареала известен в южной Азии. В Узбекистане гнездится номинативный подвид *F. t. tinnunculus*, хотя вопрос о подвиговой самостоятельности птиц с юга Средней Азии (*F. t. stegmanni*), а также о возможности встреч у нас в зимнее время восточносибирского подвида *F. t. peregrinoides* не решен.

В Узбекистане обыкновенная пустельга гнездится повсеместно, кроме высокогорий выше верхней кромки лесного пояса. Является самой многочисленной гнездящейся хищной птицей. Гнездится «а Устюрте, где устраивает гнезда на обрывах, кырах, чинках, развалинах (Молчанов, 1912; Костин, 1956), найдена здесь до Южного чинка и оз. Судочье (Гладков, 1935). В Кызылкумах в большом числе встречается во всех горно-останцовых группах - Букантау, Тамдытау, Аристанбельтау, Ауминзатау, Кульджуктау, Султануиз-даг (Богданов, 1882; Зарудный, 1915; Ишунин, Павленко, 1966; Мамбетжумаев, 1967; Захидов, 1971; Лаханов, 1977; наши наблюдения). Вопреки мнению М. Н. Королева (1962), в небольшом числе не каждый год гнездится в песчаных массивах Кызылкумов. Мы находили гнезда с кладками, устроенные на базе старых построек пустынного ворона в северо-восточных и центральных Кызылкумах, севернее пос. Утемурад и близ пос. Бузаубай. Южнее г. Кызылорда в песках в качестве редко гнездящейся птицы отмечена Е. П. Спангенбергом и Г. А. Фей-гиным (1936). В условиях пустыни охотно гнездится на разных типах опор линий электропередач.

В оазисной зоне и долинах рек гнезда устраивает в лесополосах, парках, рощах и

тугаях. Во множестве гнездится по всему бассейну р. Зарафшан от границ с Таджикистаном до ее низовьев (Абдусаломов, 1971; Сагитов, Бакаев, 1980; и др.). В Каршинской степи регулярно гнездится в местах, где находит подходящие условия для устройства гнезд (Салихбаев, Остапенко, 1967; наши наблюдения). Фактически повсеместно встречается в предгорной и горно-лесной зонах западного Тянь-Шаня, начиная от юго-западных предгорий Казгурта (Мекленбурцев, 1956) и долины р. Келес до южных склонов Кураминского хребта (Железняков, 1950; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; наши наблюдения). По Ферганской долине довольно обычна по береговым обрывам, постройкам и искусственным лесонасаждениям.

Гнездится в спальниках хребтов Нуратау и Актау, где местами многочисленна. В предгорьях Туркестанского, Зарафшанского и Гиссарского хребтов не представляет редкости, причем поднимается в горы местами до 2 - 2,5 тыс. м над ур. м. (верховья Каттаурударьи) (Мекленбурцев, 1958; Абдусаломов, 1971; Ырсалиев, 1983; наши наблюдения). Гнездится в скальниках, обрывах, тугаях и лесных насаждениях долин Шерабада и Сурхана (Степанян, 1970; Остапенко, 1978; Филатов, Кашкаров, 1979; и др.). В долинах Сырдарьи и Амударьи по тугаям и береговым обрывам обычна и порой многочисленна от восточных границ Узбекистана вплоть до низовий и островов Аральского моря (Богданов, 1882; Зарудный, 1898; Яценко, 1891; Степанян, Галушин, 1962; Рашкевич, 1962, 1965; Кисленко, 1968; Мамбетжумаев, 1967; Степанян, 1969; Абдреимов, 1981; и др.).

На весеннем и осеннем пролетах можно встретить практически повсюду, включая крупные города. На зимовках придерживается культурных и возделываемых земель.

Осенний пролет начинается с конца августа, нарастает к середине сентября, продолжается всю осень и даже в начале декабря. Интенсивность его то снижается, то усиливается, и практически каждый день можно встретить от нескольких особей до 2-3 десятков птиц, летящих как поодиночке, так и небольшими группами.

Зимнее население птиц формируется к середине декабря и, видимо, более или менее постоянно. Пустельга держится в местах скопления мышевидных грызунов и концентрации зимующих птиц.

Весенний пролет начинается рано, уже с середины февраля. Наиболее интенсивно он протекает в марте и заканчивается к концу апреля. В то время как местные птицы уже приступают к насиживанию, все еще встречаются пролетные экземпляры северных популяций. Одиночные, отсталые птицы в Кызылкумах наблюдались до середины мая (14 и 16.05). Основная масса пролетных птиц летит поодиночке, и лишь изредка встречаются пары или группы.

Обыкновенная пустельга на гнездовании встречается в самых разнообразных условиях. В песчаных массивах Кызылкумов гнездование ее приурочено к выходам скал, обрывам, изредка гнездится в саксаульниках, в старых постройках пустынного ворона и других видов хищных птиц, обычна на гнездовании на опорах ЛЭП и других искусственных сооружениях (триангуляционные вышки, развалины, здания, башни и др.). Обычной и многочисленной является в скальных массивах гор-останцов пустыни, в предгорьях и горных долинах восточного Узбекистана, где уже с невысокой численностью отмечается до верхней границы арчи - до 2 - 2,4 тыс. м над ур. м. в долине р. Ангрэн и до 2,8 тыс. м в верховьях Каттаурударьи (по находкам гнезд). Взрослые птицы в гнездовый период встречаются до верхних гребней хребтов (3500 - 3700 м над ур. м.), но гнездование их здесь не доказано.

В Узбекистане пустельга - один из самых массовых и многочисленных хищников. По учетам в низовьях Амударьи в тугаях Бадай, Назархан, Шакал и Сагамбай на 3-километровых маршрутах отмечено 2; 0,5; 0,8 и 1,2 птицы соответственно (Рашкевич, 1965). В горах Султануиздаг отмечается как относительно немногочисленная и спорадично распространенная птица (Мамбетжумаев, 1969). На 8-километровом отрезке 14.04 здесь учтено 2, а 1.06 - 3 птицы (Абдреимов, 1981). В низовьях Зарафшана

пустельга гораздо более многочисленна. В лесхозе Шафиркан на 20 км учтено 25 особей (12 пар), а в пойме Джильвана на 40 га - 13 пар (Сагитов, Бакаев, 1980). В Варданзинском заповеднике ежегодно гнездится 3 - 4 пары. На территории прилегающей к Кызылкумам оазисной части на 10 га приходится уже только 3 особи, в то время как в Кульджуктау численность ее еще ниже (Бакаев, 1983).

В центральных Кызылкумах (хр. Букантау) на 250 км² гнездилось в 1979 г. при высокой численности краснохвостых песчанок не менее 100 - 110 пар, причем в одном ущелье находили до 3 - 5 гнезд. В 1983 г. в период глубокой депрессии численности грызунов общее число гнездящихся птиц снизилось не менее чем в 5 - 9 раз.

В горах западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая обычна по скалистым каньонам речных русел и много реже гнездится в горных лесах.

В среднем течении р. Сырдарьи и по правобережью р. Келес, где гнездования пустельги приурочены к глинистым и песчаниковым обрывам, гнездовые пары отмечаются через 2 - 2,5 км. В тугаях среднего течения Сырдарьи птица довольно редкая, встречается парами не каждый день. На весеннем и осеннем пролетах вид чрезвычайно обычен и порой многочислен. После завершения пролета на зимовках встречается реже, но регулярно. В Голодной степи в декабре учтено 1,8, в январе и феврале - 3,3 особи на 1 км² (Фундукчиев, 1984). В это же время в Кызылкумах вид очень немногочислен и встречается вдалеке от населенных пунктов не каждый год.

Условия зимовок пустельги определяет численность синантропных видов грызунов, особенно домовый мыши и слепушонки, составляющих основу питания птиц.

Гнезда обыкновенной пустельги обычно удалены одно от другого на 1 - 2 км, но при недостатке удобных для гнездования мест могут располагаться и ближе. Так, в Варданзинском заповеднике на обрывах кургана (150x100 м) гнездилось 3 - 4 пары ежегодно, а в тугаях по р. Зарафшан гнездо от гнезда было всего в нескольких метрах (Бакаев, 1983; Сагитов, 1983; Сагитов, Бакаев, 1980). На юге Узбекистана в зоне совместного

гнездования со степной пустельгой гнезда обыкновенной пустельги встречаются еще реже, в 2 - 4 км друг от друга (Степанян, 1970; наши данные). На северных склонах Туркестанского хребта отмечается, однако, гнездование обоих видов в совместных колониях до 25 - 30 пар (Ырсалиев, 1969).

Место для устройства гнезда пустельга выбирает в скалах, на песчаных и глинистых обрывах в нишах, на карнизах, уступах, в пустотах и т. п., предпочитательно в труднодоступных местах. Гнездование на деревьях чаще наблюдается в культурном ландшафте и тугаях речных долин. Отдельные гнезда мы встречали в саксаульниках песчаных массивов Кызылкумов, горных лесах западного Тянь-Шаня и Гиссарского хребта. Гнездование пустельги на деревьях известно для Моголтау и Кураминского хребта (Абдусаламов, 1971), в тугаях и оазисных зонах долины р. Зарафшан (Сагитов, Бакаев, 1980), среднего и нижнего течения Амударьи (Зарудный, 1891; Яценко, 1891; Абдреимов, 1981), среднего течения Сырдарьи.

Гнезда размещаются на лиственных (саксаул, песчаная акация, серебристый тополь, туранга, лох, ива, ясень и др.) и хвойных (арча) деревьях на высоте от 2 до 15 м (чаще 5 - 6) от земли, причем используются уже имеющиеся постройки других хищных и врановых птиц. В условиях монотонных равнин (Устюрт) и на окраинах населенных пунктов гнездится на постройках и других сооружениях - мечетях, мазарах, старых городищах, водонапорных башнях, крышах зданий, опорах ЛЭП (Зарудный, 1916; Костин, 1956; Мамбетжумаев, 1969). Крупных населенных пунктов избегает, видимо, из-за недостатка корма. Изредка гнездится на триангуляционных пунктах.

Гнездо пустельга сама не строит, в основном используя старые постройки курганника, ворона, черной вороны, грача, сороки, коршуна, тювика, в обрывах - норы галки, сизоворонки, гнезда сизого и бурого голубей. Иногда для устройства гнезда использует нишу с ровным глинистым или песчаным дном, не дополняя ее никакими строительными материалами. В одном случае

полная кладка пустельги отмечена в нише среди ветвей многолетнего гнезда черного грифа. Редкие и, возможно, самодельные гнезда пустельги в виде рыхлой кучки сухих ветвей с травой и тряпками в лотке находили в районе хр. Букантау и по песчаным обрывам правобережья р. Келес. На строительство таких гнезд в Казахстане обращает внимание и М. Н. Корелов (1962).

Сроки размножения пустельги в Узбекистане растянуты. На гнездовых участках птицы отмечаются уже в первых числах марта, но судя по срокам начала размножения, отдельные пары появляются еще раньше - в конце февраля. Начало яйцекладки следует отнести к первой декаде марта (табл. 9). В это же время заметно усиление токования птиц, достигающего максимума в начале месяца, когда с одного места можно видеть иногда до десятка птиц и часто слышен их голос. Основная масса самок приступает к размножению в апреле, однако гнезда с вновь отложенными яйцами продолжают отмечаться и в первой половине мая, изредка даже до конца месяца. Растянутасть сроков размножения обусловлена различными климатическими факторами и разорением гнезд. Так, кладки, найденные нами в верховьях Каттаурударьи на высоте 2400 - 2800 м над ур. м., начаты в первой половине мая (табл.9). В низовьях этой реки и на равнинах Узбекистана в это же время в гнездах были готовые к вылету молодые, а некоторые уже покинули гнезда. Существенных различий в сроках размножения по отдельным районам республики (табл. 9), кроме горно-лесной зоны, не отмечено. Расчетные сроки размножения пустельги соответствуют и не вошедшим в таблицу сведениям с начале гнездования в Кульджуктау во 2-й и 3-й декадах апреля (Лаханов, 1965) и в мае в низовьях Амударьи (Рашкевич, 1965). Птенцы в гнездах начинают встречаться во второй половине апреля но в большинстве случаев в мае и июне. Первые летные молодые покинувшие гнездо и хорошо летающие, известны с 20.05 в бассейне р. Сурхан (Салихбаев, Остапенко, 1964). С конца мая и в июне они уже не представляют

Таблица 9 Расчетные сроки начала размножения обыкновенной пустельги в Узбекистане

Район наблюдений	Число кладок, начатых в декаду									Источник сведений
	февраль			март			апрель			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
Центральные Кызылкумы			3	7	9	3	1	2		Наши данные
Юго-западные Кызылкумы		1	1	1		2				Лоханов, 1977; Сагитов, Салимов, 1978; наши данные
Восточные Кызылкумы						1				Наши данные
Западные Кызылкумы				1	3	4	3			Мамбетжумаев, 1966; Абдреимов, 1981
Низовья Амударьи						1		1		Рашикевич, 1962
Бассейн р. Зарафшан		1	4	5	8	6	3	3	1	Сагитов, Бакаев, 1980; Абдусаломов, 1971
Верховья Каттагурдарьи (более 2000 м над ур. м.)							1	2		Наши данные
Бассейн р. Сурхандарьи				2		1			1	Салихбаев, Остапенко, 1964; Филатов, Кашкаров, 1979; наши данные
Бассейн р. Келес	1				1					Межленбурцев, 1956; наши данные
По Узбекистану	1	2	8	6	21	18	8	8	2	(n=84)

редкости В полной кладке обыкновенно пустельги можно встретить от 2 до 7, по чаще (85,1%) - 4 - 6 яиц (табл. 10), причем количество яиц заметно убывает к концу размножения, что также указывает на наличие повторных кладок. Так, в марте средняя плодовитость составляет в общем для Узбекистана 5,4 яйца на кладку, в апреле - 5,1, в мае - всего 4,0. Кладки из 6 и 7 яиц начаты только в конце марта - апреле. В среднем для Узбекистана плодовитость пустельги (n=54) составляет 4,96 яйца на кладку.

Сходные результаты плодовитости получены для нижнего течения р. Зарафшан. Здесь в апреле средний размер кладки составлял 5,7, в мае - 4,6 (Бакаев, 1983), а 3-яйцевые кладки чаще были повторными (Бакаев, Сагитов, 1980).

Размеры яиц обыкновенной пустельги составляют: в низовьях Амударьи (n=16) 38,7X31,8 (40,8 - 34,3X33,6 - 30,1) мм, масса (n=16) 22,9 (23,8 - 19,1) г (Абдреимов, 1980); у подножья Султануиздаг (n=23) 38,5 X 31,3 (41,6 - 36,0 X X33,0 - 29,8) мм, масса (n=23) 19,9 (22,1 - 16,33) г (Мамбетжумаев, 1967); в юго-западных Кызылкумах 40,0X31,5 мм

(Лаханов, 1966); в долине р. Зарафшан 39,3x31,9 (41,5 - 35,0X34,0 - 30,0) мм, масса 23,4 (24,7 - 18,3) г (Сагитов, Бакаев, 1980); в центральных Кызылкумах (n=91) 39,13X30,62 (44,80 - 36,5 X 33,0 - 28,3) мм, масса (n=44) 19,85 (22,95 - 16,20) г; всего по Узбекистану (n=130) 38,97X30,88 1 (44,80 - 34,3X34,0 - 28,3) мм, масса (n=83) 20,45 (24,7 - 16,2) г.

Самка откладывает яйца через день (Сагитов, Бакаев, 1980). Тот же интервал откладки яиц отмечен в низовьях Амударьи (Абдреимов, 1981). На Султануиздаге 4 яйца были отложены за 10 дней (Мамбетжумаев, 1969). Указание на откладку яиц через 24 ч ошибочно (Лаханов, 1977).

Насиживание начинается с откладки 1-го яйца, очень редко с середины кладки, и длится 27 - 28 дней. При частом беспокойстве у гнезда срок удлиняется до 31 дня (Сагитов, Бакаев, 1980; Абдреимов, 1981). Молодые покидают гнездо через 28 - 30 дней. Смертность на стадии яйца составляет для Бухарской области, по наблюдениям за 126 яйцами, 33,4%, причем из 42 неразвившихся яиц «болтунов» было 18, а с погибшими эмбрионами - 4. Птенцовая смертность

составила 38,1% (Сагитов, Бакаев, 1980). По наблюдениям в низовьях Амударьи, из 25 яиц вылупилось 19 птенцов, причем только 1 яйцо было «болтуном», а из гнезда вылетело 17 птенцов (Абдреймов, 1981). В центральных Кызылкумах «болтуны» были найдены в 2 гнездах (по 1 яйцу).

В питании обыкновенной пустельги основную роль играют мелкие мышевидные грызуны и насекомые. В меньшей степени, но достаточно регулярно встречаются рептилии, еще реже - птицы. Доля тех или иных видов колеблется в зависимости от доступности и их видового соотношения в природе. Так, в период массового размножения песчанок (особенно краснохвостой) в центральных Кызылкумах подавляющее большинство погадок включало шерсть и кости этих грызунов. При депрессии их численности основу питания составляли крупные насекомые и рептилии. На юге Узбекистана (43 погадки) в 76,6% отмечены насекомые, в 74,4% - млекопитающие, в 25,5% - рептилии. Из просмотренных 10 желудков грызуны отмечены в 3, ящерицы и птицы - в 2, а саранча и другие насекомые (муравьи, мухи, пауки) - во всех (Салихбаев, Остапенко, 1964; Филатов, Кашкаров, 1979). В низовьях Амударьи при анализе (желудки, погадки, остатки питания) гребенщикова песчанка отмечена в 34, пластинчатозубая крыса - в 35, домовая мышь - в 2, тушканчики мохноногий, малый и Северцова - по 1, другие грызуны - в 18. На втором месте стояли рептилии: степная агама - 6 (по 3 - 6 в желудке), быстрая ящурка - 4 (по 1 - 2), сетчатая ящурка - 3, не определенные рептилии - 25. Птицы отмечены в 13 пробах, насекомые - в 25 (Мамбетжумаев, 1969; Абдреймов, 1981).

В долине р. Зарафшан в питании пустельги чаще встречаются мышевидные грызуны (большая и краснохвостая песчанки, слепушонка, домовые мыши), реже - рептилии (песчаная; и ушастая круглоголовки, степная агама, сетчатая и полосатая ящурки), в незначительном числе - птицы. Остатки хитина насекомых встречены почти во всех погадках (Сагитов, Бакаев, 1980). Примерно такое же

соотношение видов в питании наблюдается и для Приташкентского Алатау (37 погадок), где отмечено 43 млекопитающих (песчанки - 7, домовая мышь - 1, малая белозубка - 2, серый хомячок - 2, слепушонка - 17, полевки - 7). Птицы были отмечены в 6, рептилии (быстрая ящурка) - в 6, основная масса погадок была с насекомыми (Мекленбурцев, 1956). В горных районах в питании возрастает доля птиц, так как число доступных пустельге рептилий сокращается. В 45 погадках отмечено 16 млекопитающих (афганская полевка - 14, землеройки - 2). В большинстве погадок были отмечены птицы, из которых 12 были воробьиными, 5 рептилий (туркестанская агама - 3, ящурки - 2), а также хитин насекомых и фаланг (Мекленбурцев, 1958).

Доля птиц в питании пустельги на равнинах увеличивается в период появления слетков у массовых видов воробьиных птиц - жаворонков, индийских воробьев. Соколов, подкарауливающих добычу, неоднократно наблюдали на гнездовых колониях индийских воробьев, причем держались они здесь с выводками (низовья рек Ангрэн и Чирчик).

Таким образом, в составе пищи этого сокола основную долю составляют вредные мышевидные грызуны и насекомые, что определяет его полезность для человека при обитании вблизи населенных пунктов.

Число яиц или птенцов в гнезде	Март			Апрель			Май		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
2					1	1			
3			1			1	2		
4			2	1	2		4	1	
5			1	5	3	6	1	2	
6		1	3	6	7	1			
7			2						
За месяц		5,4			5,1			4,0	

Таблица 10 Плодовитость обыкновенной пустельги по декадам в зависимости от сроков начала размножения